Центр Защиты Прав СМИ

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО СВОБОДЕ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ И СВОБОДЕ ИНФОРМАЦИИ

ТОМ 5

Воронеж
2009

УДК 341.645:341.231.14
ББК 67.910.822
С89

Редактор – Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова

Правовое редактирование – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и
Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

С89 Судебная практика Европейского Суда по правам человека по свободе выражения мнения и свободе информации, Т. 5/ Под редакцией Г. Ю. Араповой -
Воронеж:ООО Фирма «Элист»,2009.-246с.
ISBN 978-5-87172-017-2

В сборник вошли переведенные на русский язык избранные постановления Европейского Суда по правам человека по ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения) против Молдовы. Подборка интересных с точки зрения контента и правовой позиции решений интересна правоприменителям России и стран СНГ в силу того, что многие схожие проблемы и «болезни» в области свободы слова и судопроизводства, которыми «заражено» и российское общество, уже нашли свое отражение в молдавских решениях Евросуда. В данном издании каждое постановление сопровождается кратким неофициальным изложением дела, помогающим ориентироваться в прецедентном праве Европейского Суда.

Книга предназначена для юристов, судей, журналистов, а также для всех, кто интересуется проблемами свободы выражения мнения, свободы информации и практикой Европейского Суда.

УДК 341.645:341.14
ББК 67.910.822

ISBN 978-5-87172-017-2 © Центр Защиты Прав СМИ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…….....4

Дело «Бусуйок против Молдовы»
Краткое изложение дела……6
Постановление Суда по делу……...9

Дело «Амихалакиоайе против Молдовы»
Краткое изложение дела……41
Постановление Суда по делу……44

Дело «Флукс» и Самсон против Молдовы»
Краткое изложение дела……76
Постановление Суда по делу……79

Дело «Флукс» против Молдовы»
Краткое изложение дела……91
Постановление Суда по делу……95

Дело «Флукс» против Молдовы» № 2
Краткое изложение дела……110
Постановление Суда по делу……113

Дело «Флукс» против Молдовы» № 3
Краткое изложение дела……141
Постановление Суда по делу……143

Дело «Савицки против Молдова»
Краткое изложение дела……..……155
Постановление Суда по делу……..158

Дело «Коммерсант Молдовы» против Молдовы»
Краткое изложение дела……..……178
Постановление Суда по делу……181

Дело «Гужа против Молдовы»
Краткое изложение дела……..……199
Постановление Суда по делу……..204

Предисловие

Без свободы выражения мнения не существует демократии, а демократия представляет собой одну из наиважнейших основ современных Европейских государств. Несомненно, государства-участники Евросоюза разделяют общую точку зрения относительно границ свободы выражения мнения и их трактовки.

Однако, свобода выражения мнения не абсолютна. Любое вмешательство в осуществление этой свободы может быть допустимо лишь в узких целях и должно быть четко объяснено. Эти требования, на практике, усложняют установление баланса между свободой выражения мнения и другими преследуемыми законными целями. Особенно, когда речь заходит о балансе между данной свободой и благосостоянием, нравственностью или репутацией и правами других лиц.

Практика Европейского Суда по правам человека имеет особое значение для практикующих юристов из государств-участников Европейского Союза. Суд посредством судебной практики играл существенную роль в развитии гарантий свободы выражения мнения. Действительно, Суд довольно часто приходил к выводу, что государства-участники не всегда соблюдают Конвенцию. Однако практика Суда должна восприниматься скорее как механизм для достижения большей сплоченности между государствами Евросоюза, нежели как предупреждение или укор.

В этот том, как и в предыдущие и последующие, вошли переведенные на русский язык решения Европейского Суда по правам человека, касающиеся свободы выражения мнения. Здесь приведена часть решений Суда по Молдове. Я приветствую инициативу перевести на русский язык и издать эти решения, поскольку считаю, что они представляют определенную ценность для русскоговорящих юристов, так как практические проблемы в данной области очень схожи для всех стран бывшего Советского Союза.

Практика Европейского Суда по правам человека по Молдове очень ярка, в особенности, по статье 10 Конвенции. Так, в деле *Амихалакиоайе*, суд изучал правомерность штрафных санкций, наложенных на председателя Союза адвокатов Молдовы за критику определения Конституционного Суда; в ряде дел с участием газеты *Флукс* Суд исследовал принципы рассмотрения дел о защите чести и достоинства национальными судами; в деле *Коммерсант Молдовы*

Суд дал оценку правомерности закрытия газеты по мотивам национальной безопасности; а в деле *Гужа* Суд вынес первое решение по обращению в компетентные органы о нарушении закона.

Я искренне надеюсь, что решения, опубликованные в данной книге, помогут тем, кто применяет закон в своей каждодневной работе и кто хочет больше узнать о свободе выражения мнения, как она трактуется Европейским Судом по правам человека.

Владислав Грибинча
Директор Общественной организации
«Юристы за права человека»

Кишинев, 2009

Краткое изложение дела

ДЕЛО «БУСУЙОК ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Busuioc v. Moldova)

(жалоба № 61513/00)

Постановление Суда
Страсбург, 21 декабря 2004 года

Суть принятого решения: В отношении части заявителей имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно. В отношении части заявителей не имело место нарушение права на свободу выражения мнения.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В августе 1998 года в русскоязычной еженедельной газете «Экспресс» за подписью заявителя была опубликована статья «Маленькие делишки большого аэропорта». В данной публикации описывались различные проблемы управления гражданской авиацией, в том числе сомнительные сделки по продаже государственной авиатехники. В качестве источников своей статьи журналист Бусуйок указал на результаты проведенного им расследования и на материалы Парламентской комиссии по вопросу продажи воздушных судов.

В том же году шестеро служащих Кишиневского международного аэропорта — И.В., С.П., С.М., С.В., С.И. и А.И. подали иски о защите чести, достоинства и деловой репутации против заявителя и издательского отдела газеты.

Суд первой инстанции постановил, что содержавшиеся в статье сведения порочили честь и достоинство каждого из истцов и не соответствовали действительности в отношении И.В., С.В., С.И. и А.И. Суд обязал заявителя и газету выплатить А.И. денежное возмещение, а также опубликовать опровержение всех тех утверждений относительно истцов, которые были признаны порочащими их честь и достоинство.

Суд апелляционной инстанции изменил первоначальное решение частично, отклонив первоначальный иск С.П. на том основании, что содержавшиеся в статье сведения о нем отражали истину и потому не являлись порочащими его честь и достоинство. Суд также сократил размер денежного возмещения, которое должны были выплатить истцам заявитель и газета. Суд кассационной инстанции оставил в силе решение двух нижестоящих инстанций.

Оценка Европейского Суда:

И Суд, и стороны согласились с тем, что вмешательство имело под собой правомерную цель и было «предусмотрено законом». Основная задача Суда заключалась в определении – было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

Первоначально Суд напомнил об основных принципах, выработанных им при рассмотрении дел по статье 10 Конвенции.

Суд указал, что право на свободу выражения мнения применимо не только к безобидной или нейтральной информации, но и к той, которая шокирует или обижает (п. 58 постановления). Однако при этом суд отметил, что осуществление это свободы налагает определенные обязанности на прессу (п. 59 постановления):

> *«По причине «обязанностей и ответственности», неотъемлемо связанных с осуществлением свободы выражения, защита, которая согласно статье 10 предоставляется журналистам в связи с освещением ими вопросов, вызывающим большой общественный интерес, обусловливается тем, что они действуют добросовестно и имеют целью предоставить общественности точную и достоверную информацию в соответствии с журналистской этикой».*

Суд также указал на более высокий уровень защиты, предоставляемой репутации государственных служащих (в отличие от публичных деятелей) при исполнении ими их должностных обязанностей. Потребности подобной защиты, однако, необходимо взвешивать с учетом интересов свободы печати или открытой дискуссии по общественно-значимым вопросам (п. 60 постановления). Тем не менее, Суд не посчитал вомоможным использовать в данном деле позицию,

высказанную им в деле *Яновский против Польши* (позиция о высоком уровне защиты для госслужащих). Поскольку истцы, как сотрудники гражданской авиации не были ни сотрудниками органов юстиции, ни прокурорами, а следовательно распространение вышеуказанного принципа на всех работников государственных компаний было бы, по мнению Суда, неразумным. Кроме того, оспариваемая статья была написана журналистом и не являлась высказыванием частного лица, что поднимает вопрос о свободе печати.

Суд в очередной раз подчеркнул важность разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, сославшись на дело *Джерусалем против Австрии.*

Рассмотрев по отдельности обоснования для вмешательства исходя из оспариваемых фрагментов, касающихся каждого из шести истцов, суд пришел к выводу, что в отношении нескольких утверждений – вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения было обоснованным. Принимая во внимание то обстоятельство, что остальные оспариваемые сведения были сделаны журналистом в рамках дискуссии по вопросу, представляющему общественный интерес, и учитывая использованные им выражения, а также поведение, отвечающее принципам добросовестной журналистики, Суд заключил, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

В итоге Суд пришел к выводу, что в отношении части спорных утверждений имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «БУСУЙОК ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Busuioc v. Moldova)

(жалоба № 61513/00)

Постановление Суда
Страсбург, 21 декабря 2004 года

По делу «Бусуйок против Молдовы», Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

сэр Николас Братца, *Председатель,*
г-н М.Пеллонпаа,
г-н Ж.Касадеваль,
г-н Р.Марусте,
г-н С.Павловский,
г-н Х. Боррего Боррего,
г-жа Е.Фура-Сандстрём, *судьи,*

а также г-н М. О'Бойл, *Секретарь Секции*, —

Проведя 27 апреля и 30 ноября 2004 года закрытые заседания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 61513/00) против Республики Молдова, поданной 31 января 2000 года гражданином Молдовы г-ном Валерием Бусуйоком (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенции»).

2. Интересы заявителя в Суде представлял г-н Сергей Остаф — адвокат, практикующий в Молдове. Интересы правительства Молдовы

(далее - «Правительство») защищал его представитель г-н Виталий Пырлог.

3. Заявитель утверждал, в частности, что в результате судебных решений, вынесенных по возбужденным против него искам о защите чести и достоинства, было нарушено его право на свободу выражения мнения.

4. Жалоба была передана в Четвертую Секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

5. Своим решением от 27 апреля 2004 года Суд объявил жалобу приемлемой.

6. Заявитель и Правительство представили свои письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

7. Заявитель родился в 1956 году и проживает в г. Кишиневе (Молдова). Он журналист.

1. Основные факты

8. 14 августа 1998 года в русскоязычной еженедельной газете «Экспресс» за подписью заявителя была опубликована статья «Маленькие делишки большого аэропорта». В качестве источников своей статьи он указал на результаты проведенного им расследования и на материалы Парламентской комиссии по вопросу продажи воздушных судов. В статье, в частности, утверждалось, что:

> *«Скандал с продажей молдавских самолетов по демпинговым ценам привлек к себе внимание молдавской общественности, привыкшей уже не удивляться такого рода делам. Однако эти, продолжающиеся до сих пор события дали нашей газете возможность сосредоточиться на данной теме (см. «Экспресс» №№ 19 и 20 от 19 и 26 июня 1998 г.). Настоящая статья — попытка разобраться с тем, что произошло в*

Государственной администрации гражданской авиации («ГАГА») за последние два года, предпринятая на основании фактов, ставших известными в ходе журналистского расследования.

В 1995 г. Кишиневский международный аэропорт («КМА») отделился от государственной авиакомпании «Air Moldova» и стал самостоятельным предприятием. Руководителем ГАГА был тогда Л.П., а главой КМА был назначен А.И. Между ГАГА и А.И. был заключен договор сроком на три года. В 1996 г. договор этот был расторгнут из-за того, что А.И. небрежно относился к исполнению своих служебных обязанностей. Сей факт стал отправной точкой истории, о которой пойдет речь далее.

А.И. не согласился с решением ГАГА о его увольнении и подал судебной иск с требованием восстановить его на прежней должности. Так как судебные разбирательства в Молдове тянутся подолгу, А.И., не желавший мириться со своим увольнением, принял меры к налаживанию контактов с персоналом КМА. С этой целью при поддержке своих сторонников он организовал демонстрацию на площади старого аэропорта. А.И. взял на ней слово, и лейтмотивом его речи было то, что только он на посту руководителя КМА в состоянии обеспечить экономический рост аэропорта.

ГАГА также решило узнать мнение своих сотрудников, и для этого его генеральный директор Л.П. созвал собрание своих заместителей и руководителей отделов аэропорта. Каждый высказал свое мнение и все сошлись на том, что А.И. не тот человек, кому можно поручить руководство КМА. Таким образом, собрание руководящего состава аэропорта недвусмысленно выразило недоверие А.И.

Тем не менее, такой исход не смутил претендента на руководящий пост. Он даже выпустил листовку «Воззвание к сотрудникам аэропорта», в которой заявлялось, что: 1). ГАГА несправедливо уволило А.И.; 2). А.И. неизбежно станет директором КМА.

Так оно и случилось, когда суд объявил действия ГАГА незаконными и распорядился восстановить А.И. на его прежнем посту. […]»

9. В следующем отрывке рассказывалось о событиях, которые произошли после восстановления А.И. на работе:

«…Восстановление А.И. на прежней должности ознаменовалось кадровыми чистками и перестановками. Многим припомнили то, что на собрании руководящего состава они неодобрительно отзывались о кандидатуре А.И. на пост директора КМА. […] А после того как А.И. вернулся на пост директора Кишиневского аэропорта и успешно завершил первую чистку кадров под видом реорганизации структуры предприятия, он призвал к себе свою «команду», которая была создана в промежуток между двумя сроками его директорства. […] нынешний генеральный директор Л.И., преданный курсу своего патрона А.И. […]

…Убедиться в этом можно на примере другого работника, выдвинутого А.И. Речь идет об И.В. Не так давно И.В. работал где-то в системе дорожного транспорта и знал о самолетах не больше среднего обывателя и того, что, возможно, рассказывал ему его родственник А.И. Однако, по-видимому, И.В. проявил недюжинный интерес к делам аэропорта, и его влиятельному родственнику пришла на ум идея привлечь его к работе в аэропорте. Ради этого он ничтоже сумняшеся придумал даже новую должность — заместителя директора по оформлению грузов. […]

…Позднее А.И. уволил их со своих постов… Вместо них он назначил (a) К.В. (не так давно закончившего Одесский институт связи), (b) С.И. (выпускницу Киевского института пищевой промышленности).

…Откровенно говоря, и сам С.П. не большой специалист в посадке самолетов…

…Одной из самых колоритных фигур гвардии А.И. стал начальник отдела кадров аэропорта С.М. Действительно, ему можно дать такую характеристику: начальник отдела

кадров аэропорта даст сто очков вперед любому сотруднику отдела кадров исправительных учреждений. Вот всего лишь несколько выдержек из служебных донесений служащих аэропорта:

«Довожу до Вашего сведения, что начальник отдела кадров неоднократно являлся в службу безопасности и просил выделить ему машину… чтобы отвезти его домой. Обычно при этом он был пьян».

[…]

«Долгое время я молчала о сексуальных домогательствах, которые мне приходилось терпеть от начальника отдела кадров, пока недавно он не зашел ко мне в кабинет и не пригласил меня к себе на дачу. Я отказалась, и тогда он начал лапать меня. Я вырвалась из его объятий и пригрозила ударить его телефоном, если он не прекратит свои приставания… Однажды, когда по делам службы я вошла в кабинет к С.М., он закрыл за мной дверь и попросил меня показать ему грудь».

[…]

…наверное, нет необходимости описывать во всех подробностях похождения этого распоясавшегося функционера…

…Поговорка «не боги горшки обжигают» подкрепляется и другим примером, а именно — бывшего ветеринарного врача, а ныне начальника отдела покупки услуг С.В…

…А.И. назначил С.И. (выпускницу Киевского института пищевой промышленности)…

Однако сейчас общественное мнение в Молдове сфокусировано, как мы уже сказали, на сомнительной сделке по продаже самолетов, — сомнительной сделке, за которой, по мнению многих работников гражданской авиации, стоят А.И. и С.И.».

10. В не указанный точно день в 1998 году шестеро служащих Кишиневского международного аэропорта — И.В., С.П., С.М., С.В., С.И. и А.И. (далее — «Истцы») — возбудили в Суде Центрального сектора Кишинева отдельные гражданские иски о защите чести и достоинства против заявителя и издательского отдела газеты. Опираясь на статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса, истцы утверждали, что в статье содержались сведения, порочащие их честь и достоинство. 5 сентября 1998 года Суд Центрального сектора решил объединить все шесть исков в одно производство.

2. Решения суда первой инстанции

11. 3 декабря 1998 года Суд Центрального сектора постановил, что содержавшиеся в статье сведения порочили честь и достоинство каждого из истцов и не соответствовали действительности в отношении И.В., С.В., С.И. и А.И. В том же самом решении истцам присуждалось возмещение убытков, которые взыскивались с заявителя и газеты.

(a) В отношении И.В.

12. Суд признал следующий фрагмент порочащим честь и достоинство И.В. и не соответствующим действительности:

> *«…Убедиться в этом можно на примере другого работника, выдвинутого А.И. Речь идет об И.В. Не так давно И.В. работал где-то в системе дорожного транспорта и знал о самолетах не больше среднего обывателя и того, что, возможно, рассказывал ему его родственник А.И. Однако, по-видимому, И.В. проявил недюжинный интерес к делам аэропорта, и его влиятельному родственнику пришла на ум идея привлечь его к работе в аэропорте. Ради этого он ничтоже сумняшеся придумал даже новую должность — заместителя директора по оформлению грузов. […]»*

13. Суд установил, что И.В. не является родственником А.И. и что нет доказательств того, что именно А.И. пригласил И.В. работать в аэропорте и создал для него новую должность. Суд установил также, что И.В. получил техническое образование и закончил Академию государственного управления. Заявитель и газета признали неточность

информации о том, что И.В. является родственником А.И. Газета выразила готовность напечатать опровержение этой информации.

14. Суд обязал заявителя и газету выплатить И.В. денежное возмещение в размере 900 и 1350 молдавских леев, соответственно.

(b) В отношении С.П.

15. Суд постановил далее, что предложение:

> *«Откровенно говоря, и сам С.П. не большой специалист в посадке самолетов», —*

было порочащим честь и достоинство С.П. Суд согласился с тем, что однажды С.П. совершил жесткую посадку самолета в Будапеште; однако этот случай не может служить основанием для того, чтобы ставить под сомнение его профессиональную пригодность в целом. Суд обязал заявителя и газету выплатить С.П. денежное возмещение в размере 900 и 1800 молдавских леев, соответственно.

(c) В отношении С.М.

16. Суд привел в своем решении следующие два отрывка из статьи, которые, по его мнению, порочат честь и достоинство С.М.:

> *«Одной из самых колоритных фигур гвардии А.И. стал начальник отдела кадров аэропорта С.М. Действительно, ему можно дать такую характеристику: начальник отдела кадров аэропорта даст сто очков вперед любому сотруднику отдела кадров исправительных учреждений»*

и

> *«наверное, нет необходимости описывать во всех подробностях похождения этого распоясавшегося функционера».*

17. Заявитель пояснил, что использованные им при описании С.М. выражения оправдываются поведением последнего (см., пункт 9 выше). В этой связи заявитель представил трех свидетелей. Один из них показал, что однажды С.М. был пьян, и данный свидетель составил об этом рапорт директору аэропорта. Двумя другими

свидетельницами были работницы аэропорта. Они заявили, что С.М. неоднократно приставал к ним с сексуальными домогательствами.

18. Суд решил не принимать к рассмотрению показания первого свидетеля, поскольку на основании его рапорта на С.М. не было наложено никакого взыскания. Что же касается заявлений двух свидетельниц, суд не стал давать им какой-либо оценки.

19. Суд обязал заявителя и газету выплатить истцу денежное возмещение в размере 900 и 1350 молдавских леев, соответственно.

(d) В отношении С.В.

20. Суд постановил, что предложение:

> *«Поговорка «не боги горшки обжигают» подкрепляется и другим примером, а именно — бывшего ветеринарного врача, а ныне начальника отдела покупки услуг С.В.», —*

было порочащим честь и достоинство С.В. и не соответствующим действительности.

21. Заявитель признал, что имело место ошибка, так как С.В. не заканчивал ветеринарной академии. Суд установил, что С.В. получил диплом бизнес-школы.

22. Суд обязал заявителя и газету выплатить истцу денежное возмещение в размере 900 и 1350 молдавских леев, соответственно.

(e) В отношении С.И.

23. Суд нашел, что фразы:

> *«А.И. назначил С.И. (выпускницу Киевского института пищевой промышленности) […].*
>
> *[…] сомнительной сделке, за которой, по мнению многих работников гражданской авиации, стоят А.И. и С.И.», —*

были порочащими честь и достоинство С.И. и не соответствовали действительности.

24. После того, как Суд установил, что С.И. имеет диплом Коммерческого колледжа, заявитель признал, что допустил ошибку в отношении учебного заведения, где она обучалась. Что же касается «сомнительной сделки», то заявитель настаивал на том, что сомнительный характер сделки с государственными воздушными судами очевиден из официального доклада Парламентской комиссии, а причастность С.И. к заключению этой сделки ею не оспаривается. Основываясь на заявлениях А.И. и С.И., суд решил, что хотя они и участвовали в операции по продаже государственных самолетов, они входили в состав специальной комиссии, созданной Правительством специально для проведения этой операции, и не были в ней ключевыми фигурами. Суд обязал заявителя и газету выплатить С.И. денежное возмещение в размере 900 и 1800 молдавских леев, соответственно.

(f) В отношении А.И.

25. Суд определил в своем решении, что следующие фрагменты статьи были порочащими честь и достоинство А.И. и не соответствующими действительности:

> *«…А.И. […] организовал демонстрацию на площади старого аэропорта. […] Он даже выпустил листовку «Воззвание к сотрудникам аэропорта». […] Восстановление А.И. на прежней должности ознаменовалось кадровыми чистками и перестановками. Многим припомнили то, что на собрании руководящего состава они неодобрительно отзывались о кандидатуре А.И. на пост директора КМА. …А после того как А.И. вернулся на пост директора Кишиневского аэропорта и успешно завершил первую чистку кадров под видом реорганизации структуры предприятия, он призвал к себе свою «команду», которая была создана в промежуток между двумя сроками его директорства. […] нынешний генеральный директор Л.И., преданный курсу своего патрона А.И. […] Убедиться в этом можно на примере другого работника, выдвинутого А.И. Речь идет об И.В. Не так давно И.В. работал где-то в системе дорожного транспорта и знал о самолетах не больше среднего обывателя и того, что, возможно, рассказывал ему его родственник А.И. Однако, по-видимому, И.В. проявил недюжинный интерес к делам*

аэропорта, и его влиятельному родственнику пришла на ум идея привлечь его к работе в аэропорте. Ради этого он ничтоже сумняшеся придумал даже новую должность – заместителя директора по оформлению грузов. […] Позднее А.И. уволил их со своих постов… Вместо них он назначил (a) К.В. (не так давно закончившего Одесский институт связи), (b) С.И. (выпускницу Киевского института пищевой промышленности). […] Еще позднее, А.И. уволил С.И. с поста директора государственной авиакомпании «Air Moldova»… сомнительной сделке, за которой, по мнению многих работников гражданской авиации, стоят А.И. и С.И.».

27. Заявитель представил свидетеля, который утверждал, что он слышал о митинге, проведенном на площади старого аэропорта. Кроме того, в подтверждение своего заявления о якобы имевшей место чистке персонала он указал на пятерых служащих аэропорта, уволенных сразу же после восстановлении А.И на работе. Суд посчитал, что нет доказательств того, что митинг на площади старого аэропорта организовал А.И. или что позднее именно он организовал чистку кадров. Суд установил, что согласно установленному порядку А.И. не имел права нанимать на работу или увольнять персонал. Основываясь на заявлениях А.И. и С.И., суд решил также, что, хотя они и участвовали в операции по продаже государственных самолетов, они входили в состав специальной комиссии, созданной Правительством специально для проведения этой операции, и не были в ней ключевыми фигурами.

27. Газета заявляла, что статья не имела целью опорочить честь и достоинство истцов, и выражала готовность опубликовать исправление фактических неточностей: относительно того, что И.В. является родственником А.И., а также в отношении учебных заведений, которые закончили С.В. и С.И.

28. Суд обязал заявителя и газету выплатить А.И. денежное возмещение в размере 1800 и 3600 молдавских леев, соответственно, а также опубликовать опровержение всех тех утверждений относительно истцов, которые были признаны порочащими их честь и достоинство.

3. Апелляция

29. Заявитель и газета обжаловали это решение в апелляционной инстанции. Заявитель ходатайствовал об отмене решения, аргументируя это тем, что, несмотря на отдельные незначительные и случайно закравшиеся фактические ошибки, он представил достаточные основания в подтверждение точности сведений, приведенных в опубликованной статье.

30. В отношении И.В., заявитель представил копию его трудовой книжки, где имеются сведения о работе того в страховой компании, занимающейся страхованием автотранспорта. Заявитель утверждал также, что не находит ничего порочащего честь и достоинства в утверждении, что И.В. является родственником А.И., и что до приема И.В. на работу в штате аэропорта действительно не существовало должности заместителя директора по оформлению грузов.

31. В отношении С.П., заявитель указал, что точность его утверждений подкрепляется письменными показаниями самого истца, из которых явствует, что он был причастен к незначительному происшествию при посадке самолета в Будапеште.

32. Что касается С.М., заявитель указал, что представленные им свидетели (служащие аэропорта) подтверждают случаи сексуальных домогательств и оскорблений (см., пункты 9 и 17 выше) со стороны С.М.

33. Что касается С.В., заявитель признал, что он допустил ошибку касательно его профессиональной подготовки, и что С.В. не ветеринар, а закончил медицинское училище. Заявитель не считает, что данное им описание порочит честь и достоинство С.В.

34. Что же касается С.И., заявитель признал, что допустил неточность в отношении института, который она закончила. Он также указал, что она действительно работала над экономическими аспектами сделки по продаже государственных самолетов и что сомнительный характер этой сделки находит свое подтверждение в официальном докладе, опубликованном в официальной газете («Monitorul Oficial»).

35. В отношении А.И., заявитель отметил, что точность его утверждений подтверждается письменными показаниями свидетелей и содержанием листовки, прилагаемой к апелляционной жалобе.

4. Решения суда второй инстанции

36. Пятого июля 1999 года апелляционная инстанция частично удовлетворила апелляцию заявителя и внес изменения в решение суда первой инстанции, отклонив первоначальный иск С.П. на том основании, что содержавшиеся в статье сведения о нем (см. пункт 15 выше) отражали истину и потому не являлись порочащими его честь и достоинство. Суд также сократил размер денежного возмещения, которое должны были выплатить истцам заявитель и газета. Суд обосновал этот шаг незначительностью тиража газеты «Экспресс». Таким образом, заявителя и газету обязали выплатить: И.В. — 450 и 1350 молдавских леев, соответственно; С.М. — 900 и 1350 молдавских леев, соответственно; С.В. — 180 и 1350 молдавских леев, соответственно; С.И. — 180 и 1350 молдавских леев, соответственно; и А.И — 900 и 1350 молдавских леев, соответственно.

5. Кассационная жалоба

37. Заявитель и газета подали кассационную жалобу в Апелляционную палату. В ней они утверждали, что представили судам первой и второй инстанции достаточные подтверждающие данные в доказательство правдивости сведений, содержавшихся в оспариваемой статье. В частности, заявитель указал, что соответствующая подтверждающая информация содержалась в докладе Парламентской комиссии о незаконной продаже воздушных судов, опубликованном в официальной газете, и что поэтому его необходимо освободить от всякой гражданско-правовой ответственности.

6. Постановление суда третьей инстанции

38. Седьмого сентября 1999 года Апелляционная палата отклонила кассационную жалобу и утвердила решения суда первой инстанции и апелляционной инстанции, указав, что кассационная жалоба не имеет под собой оснований. Суд заключил, что в оспариваемой статье содержались как не соответствующие действительности сведения, порочащие честь и достоинство истцов, так и сведения, хотя и не порочащие их честь и достоинство, но не соответствующие

действительности. Далее Суд постановил, что наложенное на газету возмещение убытков никоим образом не ущемляет ее права на свободу выражения, гарантированного Конституцией и Законом о печати.

II. Применимое национальное законодательство

39. В соответствующих положениях Гражданского кодекса, действовавшего в рассматриваемый период, предусматривалось следующее:

Статья 7. Защита чести и достоинства

> *«(1) Любое физическое или юридическое лицо имеет право обращения в суд с требованием опровержения утверждений, наносящих ущерб его или ее чести и достоинству и несоответствующих действительности, а также утверждений, не наносящих ущерб чести и достоинству, но несоответствующих действительности.*
>
> *(2) В случаях, когда СМИ, распространившее такие утверждения, не в состоянии доказать, что они соответствуют действительности, суд должен обязать публикующий орган СМИ опубликовать не позднее 15 дней после вступления в силу судебного решения опровержение соответствующих утверждений в той же колонке, на той же странице или в той же программе или серии теле/радио передач».*

Статья 7 § 1. Компенсация морального ущерба

> *«(1) Моральный ущерб, нанесенный человеку в результате распространения через СМИ или организации или других людей утверждений, несоответствующих действительности, а также утверждений, касающихся его или ее частной или семейной жизни, без его или ее согласия, должны возмещаться в форме денежной компенсации, размер которой определяет суд.*
>
> *(2) Сумма компенсации определяется судом по каждому отдельному делу в размере от 75 до 200 месячных МРОТ, если информация была распространена юридическим лицом и в*

размере от 10 до 100 месячных МРОТ, если информация была распространена физическим лицом».

40. Постановление Парламента Республики Молдова № 211-XIV от 9 декабря 1998 года:

«Заслушав доклад следственной комиссии по рассмотрению материалов, касающихся отчета Счетной палаты и процедуры продажи самолетов, являющихся государственной собственностью, в котором установлено совершение некоторыми должностными лицами предыдущего и нынешнего состава Правительства ряда явных нарушений закона, Парламент принимает настоящее постановление:
[…]
Статья 2. — Вышеназванной комиссии продолжить работу и в месячный срок определить меру ответственности премьер-министра, членов Правительства и других должностных лиц, указанных в докладе, представив Парламенту соответствующие предложения.

Статья 3. — Руководителям указанных в докладе вышеназванной комиссии учреждений в месячный срок принять меры по наказанию должностных лиц, виновных в нарушении законодательства, и доложить о принятых мерах Парламенту. […]».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

41. Заявитель утверждает, что имело место нарушение его права на свободу выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции, в которой говорится:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. […]

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах… общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений… для защиты репутации или прав других лиц…».

А. Доводы сторон

1. Заявитель

42. Заявитель утверждал, что статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса не были сформулированы с достаточной степенью точности, и что в Кодексе не конкретизируется значение терминов «факты», «честь», «достоинство», «оценочное суждение», «средства защиты, предоставляемые журналистам в каждом конкретном случае» и «бремя доказывания» в той мере, чтобы сделать положения закона ясными и предвидимыми.

43. Заявитель утверждал также, что вмешательство в его свободу выражения не было необходимым в демократическом обществе. По его мнению, в статье содержались только оценочные суждения в отношении отдельных истцов и оценочные суждения, базирующиеся на фактах, в отношении других истцов. Заявитель настаивал также на том, что не было настоятельной общественной потребности во вмешательстве в его свободу выражения, и что национальные суды не представили существенных и достаточных оснований в оправдание такого вмешательства.

44. Заявитель утверждал также, что размер наложенного на него возмещения убытков был слишком велик, и потому непропорционален преследуемой правовой цели. Его месячный заработок в то время колебался в рамках 180-220 молдавских леев, тогда как прожиточный минимум (*cosul minim de consum*) составлял тогда 600 молдавских леев. По словам заявителя, по окончании судебного процесса его уволили из еженедельника «Экспресс» и он был вынужден выплачивать назначенные ему суммы возмещения по частям на протяжении трех лет.

2. Правительство

45. Правительство согласилось с тем, что обстоятельства дела свидетельствуют о вмешательстве в свободу выражения заявителя. Это вмешательство было, тем не менее, оправданным по статье 10 § 2 Конвенции.

46. Заявитель был обязан выплатить компенсацию морального ущерба за ущемление чести и достоинства на основании статей 7 и 7/1 Гражданского кодекса. Таким образом, вмешательство было «предусмотрено законом», который был общедоступным и предсказуемым. Оно служило правомерной цели защиты достоинства истцов; кроме того, эта мера была необходимой в демократическом обществе.

47. Опираясь на постановление Суда по делу *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* ([GC], № 25716/94, ECHR 1999 I), Правительство указывало, что лица, против которых была направлена статья заявителя, были государственными служащими, а государственные служащие должны пользоваться общественным доверием в условиях защиты от необоснованных нападок, если они намерены и далее успешно выполнять свои обязанности, и посему может оказаться необходимым защитить их от оскорбительных словесных нападок при исполнении ими своих должностных обязанностей.

48. Правительство утверждало, что в опубликованной статье, на основании которой заявителя обязали возместить причиненный ущерб, содержались фактические сведения, а не оценочные суждения.

49. Правительство указало на предоставленную национальным властям свободу усмотрения при оценке необходимости вмешательства и настаивало на том, что там, где в Конвенции речь идет о внутреннем законодательстве, задача применения и толкования внутреннего законодательства возлагается в первую очередь на плечи национальных властей. Оно полагало, что в настоящем деле национальные власти не преступили пределов своего усмотрения.

50. Далее Правительство утверждало, что размер наложенного на заявителя денежного возмещения (2610 молдавских леев, которые заявитель обязан был выплатить истцам) не был несоразмерным преследуемой правомерной цели. В этой связи Правительство указало,

что в декабре 1998 г. средняя месячная зарплата в Республике Молдова равнялась 351,5 молдавских леев, а в июле 1999 г. размер ее составлял 298,9 молдавских леев (на то время — приблизительно 25,5 евро).

B. Оценка Суда

51. Участники разбирательства, как, впрочем, и Суд, согласны с тем, что решения национальных судов и наложенная на заявителя компенсация в пользу пятерых истцов, о которых идет речь в соответствующей статье, составляет «вмешательство публичных властей» в право заявителя на свободу выражения по первому пункту статьи 10. Такое вмешательство не влечет за собой нарушения статьи 10 только в том случае, если оно было «предусмотрено законом», служило цели или целям, которые правомерны согласно пункту 2 статьи 10, и было «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предусмотрено законом»

52. Одно из требований, вытекающих из выражения «предусмотрено законом» — предсказуемость соответствующей меры. Норма не может считаться «законом», пока она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей человеку сообразовывать с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью: опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами косности, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются более или менее расплывчатые термины: их толкование и применение — задача практики (см., например, постановление по делу *Реквеньи против Венгрии (Rekvényi v. Hungary)* [GC], № 25390/94, § 34, ECHR 1999-III).

53. Суд отмечает, что обжалуемое вмешательство имело под собой правовые основания, а именно статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса (см., пункт 39 выше).

54. В настоящем случае Суд не считает, что положения, о которых идет речь, настолько расплывчаты, чтобы сделать последствия действий заявителя непредсказуемыми. В законах о диффамации, с их акцентом на защите чести и репутации, неизбежно используются расплывчатые термины (см., вышеуказанное постановление по делу *Реквеньи против Венгрии*, § 34). Однако это не устраняет их «правового» характера в целях статьи 10 Конвенции. На долю национальных властей падает задача применения и толкования внутреннего законодательства (см. например, постановление по делу *Институт «Отто-Премингер» против Австрии (Otto-Preminger-Institut v. Austria)* от 20 сентября 1994 г., Серия А, т. 295-А, стр. 17, § 45). Соответственно, Суд считает, что вмешательство было «предусмотрено законом» в смысле пункта 2 статьи 10 Конвенции.

2. «Правомерная цель»

55. Сторонами не оспаривается, и Суд согласен с ними в этом, что вмешательство служило правомерной цели защиты репутации истцов. Поэтому остается установить, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(а) Общие принципы

56. Свобода выражения представляет собой одну из основных опор демократического общества, и предоставляемые прессе гарантии имеют особенно большое значение. Хотя пресса и не должна преступать определенных границ, в частности, в интересах «защиты репутации или прав других лиц», тем не менее, долг ее состоит в том, чтобы распространять информацию и идеи по вопросам, представляющим общественный интерес. И если на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, то общественность, в свою очередь, имеет право на их получение. Если бы дело обстояло иначе, то пресса была бы не в состоянии играть свою жизненно необходимую роль «сторожевого пса общества» (см. к примеру, постановление по делу *Обсервер и Гардиан против Соединенного Королевства* (*Observer and Guardian v. The United Kingdom)* от 26 ноября 1991 г., Серия А, т. 216, стр. 29-30, § 59).

57. Особая тщательность со стороны Суда требуется, когда принятые национальными властями меры или наложенные ими санкции способны отбить у прессы желание принимать участие в дебатах по вопросам, представляющим большой общественный интерес (см. например, постановление по делу *Лингенс против Австрии* (*Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 г., Серия А, т. 103, § 44; постановление по делу *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [GC], № 21980/93, § 64, ECHR 1999 III; постановление Суда по делу *Торгер Торгерсон против Исландии* (*Thorgeir Thorgeirson v. Iceland*) от 25 июня 1992 г., Серия А, № 239, §68).

58. Право на свободу выражения применимо не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и по отношению к тем, которые шокируют, обижают или вызывают обеспокоенность у государства или части населения. Кроме того, журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. постановление по делу *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijsels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997 I, стр. 236, § 47).

59. Статья 10 Конвенции не гарантирует ничем не ограниченной свободы выражения даже в отношении освещения прессой вопросов, вызывающих серьезную озабоченность у общественности. Согласно пункту 2 данной статьи, осуществление этой свободы налагает определенные «обязанности и ответственность», в том числе и на прессу. Эти «обязанности и ответственность» приобретают особое значение, когда, как в настоящем деле, на первый план выходит вопрос о нападках на репутацию частных лиц и об ущемлении «прав других лиц». По причине «обязанностей и ответственности», неотъемлемо связанных с осуществлением свободы выражения, защита, которая согласно статье 10 предоставляется журналистам в связи с освещением ими вопросов, вызывающим большой общественный интерес, обусловливается тем, что они действуют добросовестно и имеют целью предоставить общественности точную и достоверную информацию в соответствии с журналистской этикой (см. постановление по делу *Гудвин против Соединенного Королевства* (*Goodwin v. the United Kingdom)* от 27 марта 1996 г., Reports of Judgments and Decisions 1996 II, стр. 500, § 39; и постановление Суда

по делу *Фрессоз и Руар против Франции* (*Fressoz and Roire v. France)* [GC], № 29183/95, § 54, ECHR 1999 I).

60. Государственные служащие должны пользоваться общественным доверием в условиях защиты от необоснованных нападок, если они намерены и далее успешно выполнять свои обязанности. Поэтому может оказаться нужным защитить их от оскорбительных словесных нападок при исполнении ими своих должностных обязанностей (см. вышеупомянутое постановление по делу *Яновский против Польши* [GC], № 25716/94, § 33, ECHR 1999 I). Потребности подобной защиты, однако, необходимо взвешивать с учетом интересов свободы печати или открытой дискуссии по общественно-значимым вопросам.

61. В своей практике Суд проводит различие между утверждениями о факте и оценочными суждениями. Существование фактов можно продемонстрировать, тогда как справедливость оценочных суждений доказать нельзя. Требование доказать правдивость оценочного суждения невозможно выполнить, и оно посягает на саму свободу убеждений, которая является основополагающей частью права, гарантируемого статьей 10 (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 42, ECHR 2001 II). Однако даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, соразмерность вмешательства может зависеть от наличия достаточных фактических оснований для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным (см. вышеуказанное постановление по делу *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии*, § 47; постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 2) (Oberschlick v. Austria (no. 2))* от 1 июля 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, стр. 1276, § 33).

62. Осуществляя свою контрольную юрисдикцию, Суд должен взглянуть на оспариваемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом, включая содержание высказываний, вменяемых в вину заявителю, и контекст, в которых он их сделал. В частности, Суд должен определить, «соразмерно» ли рассматриваемое вмешательство «преследуемым правомерным целям» и являются ли основания, выдвинутые в его оправдание национальными властями, «существенными и достаточными» (см. вышеуказанное постановление по делу *Яновский против Польши*, § 30, и постановление по делу *Барфод против Дании* (*Barfod v. Denmark*) от 22 февраля 1989 г.,

Серия А, т. 149, § 28). При этом Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 г., Серия А, т. 298, § 31).

(b) Применение вышеуказанных принципов к рассматриваемому делу

63. Правительство утверждало, что истцы являются государственными служащими и что, следовательно, в отличие от политических деятелей, им должен быть обеспечен более высокий уровень защиты от неуместной критики и чрезмерного к ним внимания (вышеуказанное постановление по делу *Яновский против Польши*).

64. В ряде дел Суд уже отмечал (см., в частности, вышеупомянутые постановления по делам *Яновский против Польши* и *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland),* № 31611/96, ECHR 2002-II, § 48), что может оказаться нужным защитить государственных служащих при исполнении ими своих должностных обязанностей, в том числе прокуроров, от оскорбительных, ругательных и клеветнических нападок, рассчитанных на то, чтобы оказать на них воздействие при исполнении ими своих должностных обязанностей и нанести ущерб доверию общества как к ним самим, так и к занимаемым ими должностям. Однако Суд полагает, что настоящее дело следует отличать от дел Яновского и Никула по следующим мотивам: Во-первых, истцы в рассматриваемом деле не были ни сотрудниками органов юстиции, ни прокурорами; было бы слишком далеко идущим распространять действие принципа, сформулированного в деле Яновский, на всех лиц, работающих в государственных организациях или государственных компаниях. Во-вторых, высказывания заявителя были сделаны в рамках открытой продолжающейся дискуссии по вопросам, представляющим большой общественный интерес. В этой связи Суд отмечает, что в промежуток с 19 июня по 14 августа 1998 года в еженедельнике «Экспресс» были опубликованы три статьи, касающиеся темы продажи государственной авиатехники и более широкого вопроса — государственного управления гражданской авиацией, где поднимался, таким образом, общественно-значимый вопрос, а именно: управления государственными фондами и сопутствующих злоупотреблений. Кроме того, в отличие от

утверждений, сделанных заявителем как частным лицом, в деле Яновский, оспариваемая статья в настоящем деле была написана заявителем, как журналистом, что поднимает вопрос о свободе печати.

65. Таким образом, подход, избранный Судом в деле *Яновский против Польши*, не применим к рассматриваемому случаю. Напротив, Суд считает, что поскольку на карту поставлена свобода печати, молдавские власти обладали меньшей свободой усмотрения при решении вопроса о наличии «настоятельной общественной потребности» для вмешательства в свободу выражения заявителя.

66. Национальные суды по отдельности рассматривали фрагменты статьи, касавшиеся каждого из истцов. Аналогичным образом и Суд решил рассмотреть по отдельности обоснования для вмешательства исходя из оспариваемых фрагментов, касающихся каждого истца.

(i) В отношении И.В.

67. Суд отмечает, что заявитель был обязать выплатить денежное возмещение за утверждение о том, что И.В. был принят на работу в аэропорт только потому, что он родственник директора аэропорта, и что специально для него была создана новая должность (см., пункт 12 выше).

68. Суд придерживается мнения, что в оспариваемом фрагменте содержатся утверждения о факте, а не оценочные суждения.

69. Несмотря на то, что комментарии заявителя были сделаны в рамках дискуссии по вопросу, представляющему общественный интерес, право на свободу выражения может быть ограничено, когда на карту поставлена репутация частного лица. Кроме того, на заявителе лежала обязанность действовать добросовестно и проверять информацию, прежде чем публиковать ее.

70. Все указывает на то, что заявитель не проверил информацию перед ее опубликованием, что он как журналист обязан был сделать. Сам заявитель в ходе разбирательства в национальных судах признал, что он опубликовал неточную информацию о родственных связях между первым и шестым истцами, даже не пытаясь убедить суды, что он предпринял должные меры по проверке этой информации.

71. По существу, публикуя оспариваемые сведения, заявитель обвинил И.В. в кумовстве и склонял читателей к тому, чтобы они поверили, будто того приняли на работу не из-за его личных качеств, а лишь потому, что он родственник директора. Это — серьезные обвинения, больно ударяющие по личной и профессиональной репутации И.В.

72. Соответственно, Суд пришел к заключению, что вмешательство можно признать обоснованным в понятиях статьи 10 Конвенции.

(ii) В отношении С.М.

73. Суд отмечает, что заявитель включил в свою статью несколько примеров предполагаемых злоупотреблений, совершенных С.М. в качестве начальника отдела кадров. С этой целью заявитель процитировал официальные жалобы служащих аэропорта на сексуальные домогательства со стороны С.М., на случаи нахождения того в нетрезвом виде и ненадлежащего использования им служебного транспорта (см., пункт 8 выше). Далее Суд отмечает, что национальные суды не установили факта неточности или неправильности какого-либо из этих утверждений. В то же время, он считает выражения, использованные для описания С.М. в свете этих предполагаемых злоупотреблений, порочащими его честь и достоинство (см., пункт 16 выше). В частности, такие выражения, как «колоритная фигура», «начальник отдела кадров аэропорта даст сто очков вперед любому сотруднику отдела кадров исправительных учреждений» и «похождения этого распоясавшегося функционера», были признаны порочащими честь и достоинство С.М.

74. Суд полагает, что оспариваемые места представляют собой выражение мнения или оценочные суждения, правдивость которых, по определению, не подлежит доказыванию. Хотя такое мнение может быть чрезмерным, особенно в отсутствие какой-либо фактической основы, это не относится к настоящему делу. Суд считает, что заявитель действовал добросовестно и в соответствии с журналистской этикой, и что было продемонстрировано наличие надлежащих фактических оснований для выраженного мнения.

75. Принимая во внимание то обстоятельство, что оспариваемые сведения сделаны журналистом в рамках дискуссии по вопросу, представляющему общественный интерес, и учитывая использованные

им выражения, Суд заключает, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

(iii) В отношении С.В.

76. Заявитель был обязать выплатить денежное возмещение за утверждение о том, что С.В. не обладал достаточной профессиональной квалификацией. В частности, заявитель утверждал, что С.В. был назначен начальником отдела покупки услуг, несмотря на то, что он по образованию — ветеринарный врач. Национальные суды установили, что на самом деле С.В. закончил бизнес-школу (см., пункт 21 выше).

77. Суд придерживается мнения, что оспариваемый фрагмент содержал как утверждение о предполагаемом факте, так и оценочное суждение.

78. Суд полагает, что заявитель не проверил информацию перед публикацией, что он как журналист обязан был сделать, и что, как было доказано, информация являлась неточной и могла быть признана оскорбительной и наносящей урон репутации С.В. По существу, публикуя оспариваемые сведения, заявитель пытался убедить читателей в некомпетентности С.В. вследствие недостаточной его профессиональной подготовленности, а именно из-за того, что по образованию он был ветеринарным врачом. В этой связи заявитель сделал также оценочное суждение, основанное на указанном факте, утверждая, что назначение совершенно неквалифицированного человека наглядно иллюстрирует тот факт, что в коррумпированной системе возможно все, что угодно. Суд отмечает, что сам заявитель признал во время разбирательства в национальных судах, что он опубликовал неточную информацию о профессиональной подготовке С.В., даже не пытаясь убедить суды, что он предпринял должные меры по проверке этой информации перед ее опубликованием.

79. Соответственно, Суд заключает, что вмешательство может быть признано необходимым в демократическом обществе.

(iv) В отношении С.И.

80. В отношении С.И. заявитель сделал два утверждения, которые были признаны порочащими ее честь и достоинство и не соответствующими действительности.

81. Во-первых, заявитель утверждал, что С.И. закончила Институт пищевой промышленности, тогда как национальные суды установили, что она закончила Коммерческий колледж (см., пункт 23).

82. Суд находит, что данный случай аналогичен ситуации с С.В. (см. пункты 75-78), и заключает, что вмешательство в отношении утверждения *«А.И. назначил С.И. (выпускницу Киевского института пищевой промышленности) […]»* можно признать обоснованным в понятиях статьи 10 Конвенции.

83. В отношении второго оспариваемого утверждения, Суд отмечает, что заявитель написал, что, по мнению многих работников гражданской авиации, С.И. была причастна к «сомнительной сделке», то есть к продаже государственных воздушных судов (см. пункт 23). В национальных судах заявитель доказывал, что это утверждение основывалось на официальном докладе Парламентской комиссии.

84. Суд отмечает, что существовали сомнения относительно законности операции, о которой идет речь в оспариваемом утверждении, и что Парламентская комиссия подготовила доклад по данному вопросу (см., пункт 40 выше). Таким образом, имелись определенные объективные и фактические основания для того, чтобы заявитель мог назвать ее «сомнительной сделкой». В то же самое время, национальные суды не установили того, что С.И. была непричастна к этой сделке. Напротив, в ходе судебных разбирательств С.И. признала, что она вместе с А.И. входила в состав государственной комиссии, осуществлявшей продажу самолетов (см. пункт 24 выше). В этих обстоятельствах нельзя сказать, что заявитель действовал недобросовестно с целью ущемить честь и достоинство С.И. Следует отметить, что заявитель провел достаточно тщательное расследование, чтобы установить факт наличия подозрений в незаконности продажи воздушных судов, а также факт причастности С.И. к этой сделке. Сделанные заявителем выводы следует рассматривать как оценочные суждения, имевшие под собой фактическую основу.

В этой связи Суд напоминает, что пресса играет в демократическом обществе исключительно важную роль «сторожевого пса» (см. вышеуказанное постановление по делу *Торгер Торгерсон против Исландии*, § 63). В обстоятельствах, когда имеются объективные основания подозревать государственных служащих в причастности к незаконной продаже государственной собственности, пресса должна пользоваться, в соответствии со своими обязанностями и ответственностью, свободой распространять такую информацию и идеи, а общественность — обладать правом получать их.

85. Соответственно, Суд заключает, что вмешательство в связи с утверждением *«…сомнительной сделке, за которой, по мнению многих работников гражданской авиации, стоят А.И. и С.И.»* не было необходимым в демократическом обществе.

(v) В отношении А.И.

86. Суд выделил четыре главных утверждения, сделанных заявителем в отношении А.И., которые были признаны национальными судами порочащими его честь и достоинство.

87. Во-первых, суды установили неверность утверждения заявителя, будто А.И. созвал митинг на площади старого аэропорта (см. пункт 25 выше). Похоже, заявитель пытался привести доказательства в пользу оспариваемого утверждения, призвав свидетеля и представив экземпляр листовки, которую якобы напечатал А.И. (см. пункты 26 и 35 выше). Суд указывает, что национальные суды проигнорировали приведенные заявителем доказательства и не дали им никакой оценки.

88. Суд считает, что сделанное молдавскими судами, которые, требуя от заявителя доказать правдивость его утверждений и в то же время лишая его действенной возможности представить доказательства в подтверждение своих утверждений и тем самым показать их правдивость, заключение о том, что утверждение было порочащим честь и достоинство А.И., не может быть признано необходимым в демократическом обществе (см. вышеупомянутое постановление по делу *Джерусалем против Австрии*, № 26958/95, §§ 45-46, ECHR 2001 II).

89. Во втором оспариваемом фрагменте заявитель утверждал, что после своего восстановления на должности директора А.И.

организовал чистку кадров. В этой связи заявитель указал на пятерых бывших служащих аэропорта, уволенных после восстановления А.И. на работе (см. пункты 25 и 26 выше). Национальные суды не установили, что утверждения об указанных увольнениях были неверными. Однако они нашли, что утверждаемая причастность к ним А.И. не соответствует действительности, отметив, что согласно установленному порядку А.И. не имеет права нанимать на работу или увольнять персонал.

90. Суд отмечает, что нельзя сказать, чтобы описание событий в оспариваемом утверждении не имело под собой никаких оснований. Все указывает на то, что перед опубликованием оспариваемой информации заявитель провел достаточно тщательное расследование, поскольку он знал фамилии уволенных служащих. Суд указывает, что хотя согласно установленному порядку директор не мог принимать решений об увольнении служащих, у журналиста имелось достаточно оснований полагать, что между весьма широкомасштабными увольнениями персонала и сменой директора существует определенная связь. В этих обстоятельствах Суд считает, что вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

91. В третьем оспариваемом фрагменте заявитель утверждал, что А.И. нанял на работу своего родственника И.В. (см. пункт 25 выше).

92. Суд находит, что данный случай аналогичен ситуации с утверждением относительно И.В. (см. пункты 67-72), и заключает, что вмешательство можно признать обоснованным в понятиях статьи 10 Конвенции.

93. Что же касается четвертого оспариваемого утверждения, а именно того, что А.И. вместе с С.И. был причастен к «сомнительной сделке», Суд повторяет вывод, сделанный им относительно этого утверждения в отношении иска С.И. (см. пункты 80-85 выше). По аналогичным причинам Суд заключает, что вмешательство в свободу выражения заявителя не было необходимым в демократическом обществе.

94. В отдельном пункте жалобы заявитель обращал внимание также на суровость наложенного на него денежного возмещения.

95. Характер и строгость наложенного наказания также являются факторами, которые необходимо принимать во внимание при оценке

соразмерности вмешательства в свободу выражения, гарантированную статьей 10 Конвенции (см. например, постановление по делу *Кейлан против Турции* (*Ceylan v. Turkey*) [GC], № 23556/94, § 37, ECHR 1999 IV; постановление по делу *Таммер против Эстонии (Tammer v. Estonia)*, № 41205/98, § 69, ECHR 2001 I; и постановление по делу *Лесник против Словакии* (*Lešník v. Slovakia*), № 35640/97, § 63, ECHR 2003 IV).

96. Учитывая сделанный Судом вывод о нарушении в отношении утверждений, касающихся С.М., С.И. и А.И., необходимо рассмотреть вопрос о строгости наложенного на заявителя денежного возмещения. В то же время Суд отмечает, что заявителя обязали выплатить в качестве компенсации: И.В. — 450 молдавских леев, и С.В. — 180 молдавских леев. Принимая во внимание среднюю заработную плату в Молдове на рассматриваемое время и то обстоятельство, что размер наложенного на заявителя возмещения находился на нижней границе шкалы санкций, предусмотренных законодательством (см. пункт 39 выше), Суд пришел к заключению, что суммы денежного возмещения не были чрезмерными.

С. Заключение

97. Учитывая все вышесказанное, Суд пришел к заключению:

(1) Что не имело места нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений заявителя, касающихся И.В.;

(2) Что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений заявителя, касающихся С.М.;

(3) Что не имело места нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений заявителя, касающихся С.В.;

(4) Что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений заявителя, касающихся С.И.;

(5) Что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений заявителя, касающихся А.И.;

II. Применение статьи 41 Конвенции

98. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

А. Материальный ущерб

99. Заявитель потребовал 2460 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, причиненный ему вследствие нарушения его права на свободу выражения. Он утверждал, что после проигрыша дела он не мог уже работать журналистом, потому что все стали считать его плохим журналистом. По этой причине он вынужден был работать переводчиком за меньшую зарплату. Заявитель указал, что востребованная сумма включает в себя: выплаченное им истцам возмещение; деньги, которые он мог бы заработать, работая журналистом, и потери, вызванные инфляцией.

100. Правительство оспаривало размер востребованной заявителем суммы. Оно полагало, что достаточным возмещением была бы сумма наложенных на заявителя санкций, а именно 2610 молдавских леев (224 евро). По мнению Правительства, заявитель работал переводчиком еще до проигрыша дела и, следовательно, нет причинной связи между судебными разбирательствами и его последующей занятостью.

101. Суд согласен с Правительством, что заявитель не продемонстрировал наличия связи между наложенного на него денежного возмещения и его последующей работой. Поэтому Суд не присуждает компенсации в связи с предполагаемой неспособностью заявителя работать журналистом после проигрыша судебного процесса о защите чести и достоинства. С другой стороны, Суд установил факт нарушения статьи 10 вследствие решений относительно всех или некоторых из оспариваемых утверждений, сделанных заявителем в отношении С.М., С.И. и И.В. В свете вышеуказанного и производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает сумму в 125 евро в

качестве возмещения материального ущерба в отношении сумм, которые заявитель был вынужден выплатить истцам в качестве денежного возмещения.

B. Моральный ущерб

102. Заявитель потребовал 30 000 евро в качестве компенсации за моральный вред, причиненный ему вследствие страданий и расстройства в связи с вынесением судом в его адрес решения о возмещении убытков. Как и в случае материального ущерба, заявитель утверждал, что судебный процесс по обвинению его в ущемлении чести и достоинства и наложенное на него возмещение убытков сыграли крайне негативную роль в его карьере и привели к тому, что он не может найти работу ни в одной серьезной газете. Он заявлял, что при этом пострадала не только его карьера, но и семейная жизнь.

103. Правительство было несогласно с затребованной заявителем суммой, называя ее чрезмерной в свете прецедентного права Суда. Оно указывало на то, что в целом ряде дел одно лишь установление факта нарушения было признано достаточным справедливым возмещением. Далее Правительство утверждало, что в любом случае сумма компенсации за моральный вред не может превышать суммы компенсации за материальный ущерб, а именно 2610 молдавских леев.

104. Ввиду своего указанного выше заключения, Суд считает, что заявителю несомненно были причинены расстройства и страдания вследствие нарушения его права на свободу выражения. Производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает заявителю по совокупности 4000 евро в качестве компенсации за моральный вред.

C. Издержки и расходы

105. Заявитель потребовал также 1800 евро в качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных в Суде: из них 1600 евро представляли собой расходы на представление его в Суде, а остальное — расходы на транспорт и связь.

106. Правительство не согласилось с размером востребованных сумм, утверждая, что заявитель не представил доказательств расходов, понесенных на представление его в Суде. По мнению Правительства, затребованная заявителем сумма слишком высока с учетом средней

заработной платы в Молдове и официальных гонораров, выплачиваемых государством адвокатам *pro bono*. Правительство оспаривало также количество часов, затраченных представителем заявителя на дело в целом и на изучение прецедентного права Суда, в частности, заявляя, что человеку, закончившему юридический факультет Молдавского государственного университета, не было необходимости изучать прецедентное право Европейского Суда по правам человека, ибо он должен был изучать его на втором и четвертом курсе университета. С точки зрения Правительства, присуждение компенсации по данному пункту можно было бы приравнять к выплате стипендии.

107. Суд напоминает, что для того, чтобы судебные издержки и расходы были включены в компенсацию по статье 41, необходимо установить, что они были фактически произведены и необходимы, и что их размер был обоснованным (см., например, постановление Суда по делу *Нилсен и Йонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [GC], № 23118/93, § 62, ECHR 1999-VIII).

108. В настоящем деле, принимая во внимание представленный заявителем постатейный список, вышеизложенные критерии и сложность обстоятельств дела, Суд присуждает заявителю 1500 евро в качестве компенсации за судебные издержки и расходы.

D. Процентная ставка

109. Суд считает уместным базировать процентную ставку на предельном ссудном проценте Европейского центрального банка, к которому следует прибавить три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановляет*, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений, касающихся И.В.;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений, касающихся С.М.;
3. *Постановляет,* что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений, касающихся С.В.;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений, касающихся С.И.;

5. *Постановляет,* что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении утверждений, касающихся А.И.;

6. *Постановляет,*

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю в трехмесячный срок со дня, когда постановление станет окончательным согласно статье 44 п. 2 Конвенции, 125 евро (сто двадцать пять евро) в качестве компенсации за материальный ущерб, 4000 евро (четыре тысячи евро) в качестве компенсации за моральный вред, и 1500 евро (одну тысячу пятьсот евро) в качестве компенсации за судебные издержки и расходы. Указанные суммы должны быть конвертированы в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день урегулирования задолженности, плюс любые налоги, которые могут подлежать оплате;

(b) что по истечении вышеуказанного трехмесячного срока и вплоть до урегулирования задолженности на вышеуказанные суммы должны будут выплачиваться простые проценты исходя из предельного ссудного процента Европейского центрального банка на соответствующий период, к которому следует прибавить три процентных пункта;

7. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливом возмещении.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 21 декабря 2004 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Майкл О'Бойл — Секретарь Секции

© Институт проблем информационного права (г. Москва), перевод с английского

Краткое изложение дела

ДЕЛО «АМИХАЛАКИОАЙЕ ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Amihalachioaie v. Moldova)

(жалоба № 60115/00)

Постановление Суда
Страсбург, 20 апреля 2004 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); шесть голосов против одного

Краткое изложение обстоятельств дела:

В Конституционный суд Молдовы группа депутатов и парламентский адвокат направила обращение о признании неконституционным Закона «Об адвокатуре», в части обязанности адвокатов состоять в Союзе адвокатов – национальной ассоциации, объединяющей всех адвокатов местных коллегий адвокатов. Они утверждали, что обязательный характер членства в Союзе адвокатов вступает в противоречие с правом на свободу объединений, гарантируемым конституцией Молдовы.

В результате Конституционный суд вынес определении о признании положения об обязательном членстве в Союзе адвокатов неконституционным.

Заявитель — юрист и председатель Союза адвокатов Республики Молдова, выступил с критикой данного определения в телефонном интервью для журналиста А. М. газеты «Экономическое обозрение».

Журналист А. М. опубликовал статью о полемике, разгоревшейся среди адвокатов в связи с определением Конституционного суда и описал содержание беседы с заявителем.

Позднее Председатель Конституционного суда уведомил заявителя, что высказывания последнего в газете «Экономическое обозрение»

могут составлять неуважение к Конституционному суду и предложил ему представить свои письменные пояснения на этот счет.

Заявитель представил свои пояснения, указав, что ему не было известно об опубликовании его беседы с журналистом. К тому же его высказывания переданы в статье не совсем точно и в значительной степени вырваны из контекста. Если бы он был ознакомлен с текстом статьи до ее опубликования, то внимательно проверил бы правильность передачи своих высказываний и, соответственно, взял бы на себя полную ответственность за их содержание.

В ответ Конституционный суд вынес определение, в котором наложил на заявителя административный штраф в сумме эквивалентной примерно 36 евро. Он расценил эти высказывания как проявление неуважения к Конституционному суду и принятому им постановлению. Данное определение было исполнено заявителем.

Оценка Европейского Суда:

Прежде всего, Суд отметил, что адвокаты имеют право публично комментировать процесс отправления правосудия, однако их критика при этом не должна преступать определенных рамок. Учитывая специфику данного дела, следует принимать в расчет необходимость установления правильного баланса между различными вовлеченными интересами, среди которых — право общественности на получение информации по вопросам, вытекающим из судебных решений; требования надлежащего отправления правосудия и защита достоинства адвокатов (п. 28 постановления).

Суд посчитал, что вмешательство было «предусмотрено законом» в смысле статьи 10 Конвенции. Спорным, по мнению Суда, является вопрос, подлежит ли статья 82 (е) Кодекса конституционной юрисдикции, где излагаются действия, за которые предусмотрены меры административной ответственности и по которой был осужден заявитель, расширительному или ограничительному истолкованию.

В этой связи суд указал, что действия, за которые может последовать ответственность при высказывании любого неуважения к Конституционному суду, не были определены в законе с абсолютной точностью. Однако, принимая во внимание юридическую подготовку и профессиональный опыт заявителя в качестве председателя Союза

адвокатов, он вполне мог предвидеть, что его высказывания подпадают под действие вышеупомянутого положения Кодекса конституционной юрисдикции (п. 33 постановления).

Суд также отметил, что вмешательство преследовало правомерную цель - обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия.

Суд указал на то, что комментарии заявителя были высказаны по вопросу общественной значимости в контексте дискуссии среди адвокатов по теме, представляющей для них огромный профессиональный интерес. Поэтому, даже если они и могли быть квалифицированы как проявление некоторого неуважения к Конституционному суду, их нельзя было считать ни серьезными, ни оскорбительными по отношению к судьям Конституционного суда (п. 36 постановления).

Суд посчитал неправомерным возложение всей ответственности на заявителя, поскольку именно пресса сообщила о высказываниях заявителя, часть из которых были впоследствии им опровергнуты.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «АМИХАЛАКИОАЙЕ ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Amihalachioaie v. Moldova)

(жалоба № 60115/00)

Постановление Суда
Страсбург, 20 апреля 2004 года

По делу «Амихалакиоайе против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Вторая секция), заседая Палатой в следующем составе:

г-н Ж.-П. Коста, *Председатель,*
г-н Л. Лукаидес,
г-н К. Бирсан,
г-н К. Юнгвирт,
г-н В. Буткевич,
г-жа В. Томассен,
г-н С. Павловский, с*удьи,*

а также г-н Т.Л. Эли, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 3 февраля и 23 марта 2004 года закрытые совещания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено Судом по жалобе (№ 60115/00) против Республики Молдова, поданной 14 июля 2000 года гражданином Молдовы г-ном Георге Амихалакиоайе (далее - «Заявитель»), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы заявителя в Суде представлял г-н А. Танасе, член Кишиневской коллегии адвокатов. Интересы правительства Молдовы

(далее - «Правительство») защищал его представитель, сотрудник министерства юстиции г-н В. Пырлог.

3. В своей жалобе г-н Амихалакиоайе утверждал, что было нарушено его право на свободу выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции, вследствие того, что он был оштрафован за критику решения Конституционного суда о неконституционности отдельных положений закона, регламентирующего занятие адвокатской деятельностью.

4. Первоначально жалоба была передана в ведение Первой секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда).

5. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 правила 25 Регламента Суда). Данное дело было передано в ведение новообразованной Второй Секции (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). В рамках этой Секции в соответствии с пунктом 1 правила 26 Регламента Суда была образована Палата для рассмотрения данного дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции).

6. Решением от 23 апреля 2002 года Палата объявила жалобу частично приемлемой.

7. Заявитель и Правительство представили свои письменные объяснения по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель — молдавский гражданин, который родился в 1949 году и проживает в г. Кишиневе (Молдова). Он — юрист и председатель Союза адвокатов Республики Молдова.

9. В 2000 году группа депутатов Парламента и парламентский адвокат направили в Конституционный суд обращение о признании неконституционным Закона № 395-XIV «Об адвокатуре». В этом Законе, в частности, предусматривалось, что все практикующие в Молдове адвокаты обязаны состоять в Союзе адвокатов — национальной ассоциации, объединяющей всех адвокатов местных

коллегий адвокатов. Они утверждали, что обязательный характер членства в Союзе адвокатов вступает в противоречие с правом на свободу объединений, гарантируемым конституцией Молдовы.

10. После проведения консультаций, в том числе с Союзом адвокатов, высказавшим мнение о соответствии Закона положениям Конституции, Конституционный суд постановил в своем определении от 15 февраля 2000 года, что положения об обязательном членстве адвокатов в молдавском Союзе адвокатов являются неконституционными.

11. Заявитель выступил с критикой определения Конституционного суда в телефонном интервью, которое он дал А.М., журналисту газеты «Экономическое обозрение».

12. В номере указанной газеты за февраль 2000 года А.М. опубликовал статью о полемике, разгоревшейся среди адвокатов в связи с определением Конституционного суда от 15 февраля 2000 года. Он следующими словами описал содержание своей телефонной беседы с заявителем:

> *«…Сразу после провозглашения решения Конституционного суда «Экономическое обозрение» обратилось с рядом вопросов к председателю Союза адвокатов Молдовы Георге Амихалакиоайе. В силу остроты ситуации его комментарий оказался чересчур эмоциональным:*
>
> *«Из-за решения Конституционного суда в системе адвокатуры воцарится полная анархия, — заявил г-н Амихалакиоайе. — Увидите через год, чем это закончится. С сегодняшнего дня в Молдове нет единой адвокатуры. Как и нет единого государства. Так мы привыкли — в хаосе легче жить и работать. Не платятся налоги, нет никакого контроля и, как следствие, этики, дисциплины, ответственности.*
>
> *В этой связи возникает вопрос: а конституционен ли Конституционный суд? В 1990 году ООН утвердила основные принципы адвокатской деятельности, которые в полной мере нашли отражение в нашем Законе. Во всем мире адвокатура независима, у нас же ее подчинили исполнительной власти —*

министерству юстиции. Это грубейшее нарушение фундаментальных демократических принципов!

Конституционный суд не принял во внимание и конкретные примеры из практики Страсбургского суда, на которые Союз адвокатов ссылался в представленном отзыве. По-видимому, для судей молдавского Конституционного суда Европейский суд по правам человека не является авторитетом. Может быть, у них за 5 лет работы накопилось больше практического опыта, чем у судей из Страсбурга за 50 лет? Мы обязательно доведем до сведения Совета Европы, что Молдова игнорирует практику и требования Европейского суда по правам человека».

По словам Георге Амихалакиоайе, адвокаты всегда считались самой передовой частью юристов: «Несмотря ни на что, адвокаты — это сила. Даже после решения Конституционного суда. (...)».

13. В письме от 18 февраля 2000 года Председатель Конституционного суда уведомил заявителя, что высказывания последнего в газете «Экономическое обозрение» могут составлять неуважение к Конституционному суду в смысле статьи 82 § 1 (е) Кодекса конституционной юрисдикции, и предложил ему в 10-дневный срок представить свои письменные пояснения на этот счет.

14. 28 февраля 2000 года заявитель представил затребованные пояснения. В них он указал, что узнал об опубликовании своих высказываний из письма от 18 февраля 2000 года, он подтвердил, что у него действительно состоялся продолжительный телефонный разговор с журналистом А.М. по поводу определения Конституционного суда от 15 февраля 2000 года. В то же время он подчеркнул, что его высказывания переданы в статье не совсем точно и в значительной степени вырваны из контекста. Он добавил, что если бы А.М. предоставил ему текст статьи до ее опубликования, то он внимательно проверил бы правильность передачи своих высказываний и, соответственно, взял бы на себя полную ответственность за их содержание.

15. 6 марта 2000 года Конституционный суд вынес, в соответствии со статьями 81 и 82 Кодекса конституционной юрисдикции,

окончательное определение, в котором наложил на заявителя административный штраф в размере 360 молдавских лей (примерно 36 евро). Суд установил, что в вышеуказанном интервью заявитель сделал следующие комментарии:

> *«Благодаря решению Конституционного суда в системе адвокатуры воцарится полная анархия… В этой связи возникает вопрос: а конституционен ли Конституционный суд? ...Для судей молдавского Конституционного суда Европейский суд по правам человека не является авторитетом».*

Он расценил эти высказывания как проявление неуважения к Конституционному суду и принятому им постановлению.

16. Поскольку определение Конституционного суда носило окончательный характер, заявитель уплатил 7 июля 2000 года сумму в размере 360 лей на счет Министерства финансов.

II. Применимое национальное законодательство

17. В соответствующих положениях Кодекса конституционной юрисдикции предусматривается следующее.

Статья 81 § 1:

> *«В целях защиты достоинства судей Конституционного суда и участников процесса, обеспечения надлежащих условий для осуществления конституционной юрисдикции Конституционный суд вправе принимать меры, предусмотренные статьей 82».*

Статья 82:

> *«1. В целях обеспечения осуществления конституционного судопроизводства предусматриваются меры административной ответственности в виде штрафа в размере до двадцати пяти минимальных заработных плат за:*
> *(а) неконституционные заявления независимо от формы выражения;*

(b) вмешательство в процессуальную деятельность судей Конституционного суда, попытку воздействия на судей не процессуальными методами;
(c) невыполнение без уважительных причин в установленном порядке и в установленные сроки требований судей Конституционного суда, а также постановлений и заключений Конституционного суда;
(d) нарушение судебной присяги;
(e) проявление неуважения к Конституционному суду, выражающееся в неподчинении распоряжениям председательствующего в заседании, нарушении порядка во время заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства. <…>».

18. Статья 4 Закона о печати от 26 октября 1994 года (№ 243-XIII) предусматривает:

«Периодические издания …публикуют по своему усмотрению любые материалы и информацию с учетом того, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями и штрафными санкциями, предусмотренными законом и необходимыми в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях защиты правопорядка и предупреждения преступности, охраны здоровья, защиты нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения конфиденциальной информации или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

ПРАВО

I. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

19. Заявитель утверждает, что наложенная на него мера взыскания представляет собой необоснованное вмешательство в его право на

свободу выражения. При этом он ссылается на статью 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц ...».*

А. Письменные замечания сторон

1. Заявитель

20. Заявитель утверждает, что вмешательство не было ни «предусмотренным законом», ни «необходимым в демократическом обществе».

21. Во-первых, он полагает, что статья 82 Кодекса конституционной юрисдикции не соответствует требованию предсказуемости права, поскольку в ней не устанавливаются с достаточной определенностью действия, которые наказываются административным штрафом. В частности, из формулировки статьи 82 трудно понять, касаются ли ее положения только действий, совершенных во время заседаний Конституционного суда, или же они распространяются на любые случаи проявления неуважения к Конституционному суду или процедуре конституционного судопроизводства.

22. Он также заявляет, что не подвергал Конституционный суд или его судей какой-либо общей критике, а всего лишь выразил неодобрение его решением, в рамках широкой дискуссии о путях организации

адвокатуры. Исходя из этого, он настаивает на том, что наложенное на него наказание не было необходимым в демократическом обществе.

2. Правительство

23. Правительство согласно с тем, что имело место вмешательство в право заявителя на свободу выражения, но утверждает, что оно удовлетворяет требованиям пункта 2 статьи 10 Конвенции. Правительство отмечает, что статья 82 Кодекса конституционной юрисдикции удовлетворяет требованию предсказуемости, будучи рассмотрена в свете статьи 81, которая предусматривает, что Конституционный суд вправе принимать меры, посягающие на свободу выражения, в целях защиты достоинства его судей и обеспечения надлежащих условий для осуществления конституционной юрисдикции. Учитывая его должность и профессиональный опыт, заявитель должен был отдавать себе отчет в том, что к авторитету Конституционного суда следует относиться уважительно не только во время его заседаний, но и во все остальное время.

24. Правительство утверждает, что вмешательство было обосновано необходимостью гарантировать авторитет и беспристрастность правосудия, и было необходимым в демократическом обществе, поскольку заявитель преступил границы приемлемой критики, допустив оскорбительные и клеветнические выпады в адрес Конституционного суда и его судей. Оно подчеркивает, что, будучи адвокатом, заявитель обязан был проявлять большую осмотрительность в своих высказываниях относительно системы отправления правосудия, и потому пользовался более ограниченной свободой выражения.

B. Оценка Суда

1. Общие принципы

25. Суд напоминает, что под «законом» в смысле пункта 2 статьи 10 понимается норма, которая сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ней свое поведение и предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие. Впрочем, эти последствия не обязательно предвидеть с

абсолютной определенностью; хотя определенность весьма желательна, право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются более или менее расплывчатые термины: их толкование и применение — задача практики (см., постановление по делу *«Санди таймс» против Соединенного Королевства (№ 1) (The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1))* от 26 апреля 1979 г., Серия А, т. 30, стр. 31, § 49; и постановление по делу *Хертель против Швейцарии (Hertel v. Switzerlan)* от 25 августа 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-VI, стр. 2325-2326, § 35).

26. Степень точности во многом зависит от содержания рассматриваемого правового документа, сферы его действия, а также количества и статуса его адресатов (см., постановление по делу *«Гроппера Радио АГ» и другие против Швейцарии (Groppera Radio AG and Others v. Switzerland)* от 28 марта 1990 г., Серия А, т. 173, стр. 26, § 68).

27. Суд еще раз повторяет, что особый статус адвокатов отводит им центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредников между публикой и судами. Это объясняет ограничения, налагаемые на поведение членов коллегии адвокатов (см., постановление по делу *Касадо Кока против Испании (Casado Coca v. Spain)* от 24 февраля 1994 г., Серия А, т. 285-А, стр. 21, § 54).

28. Однако, как указал ранее Суд в одном из дел, адвокаты также имеют право публично комментировать процесс отправления правосудия, однако их критика при этом не должна преступать определенных рамок. Более того, статья 10 защищает не только содержание выражаемых идей и информации, но и форму их передачи. В этой связи следует принимать в расчет необходимость установления правильного баланса между различными вовлеченными интересами, среди которых — право общественности на получение информации по вопросам, вытекающим из судебных решений; требования надлежащего отправления правосудия и защита достоинства адвокатов см., постановление по делу *Шепфер против Швейцарии (Schöpfer v. Switzerland)* от 20 мая 1998 г., Reports 1998-III, стр. 1053-1054, § 33).

29. Хотя государствам-участникам и предоставлена определенная сфера усмотрения в оценке существования подобной потребности, но она идет рука об руку с европейским контролем, который охватывает

как закон, лежащий в основе решения, так и сами решения (постановление по делу *«Санди таймс» против Соединенного Королевства (№ 2) (The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 2))* от 26 ноября 1991 г., Серия А, т. 217, стр. 28-29, § 50).

30. При осуществлении своей контрольной юрисдикции Суд должен взглянуть на оспариваемое вмешательство с учетом обстоятельств дела в целом, включая характер высказываний, вменяемых в вину заявителю, и контекст, в которых он их сделал. Он должен определить, «соответствует» ли рассматриваемое вмешательство «настоятельной общественной потребности», «соразмерно» ли оно «преследуемым правомерным целям» и являются ли основания, выдвинутые в его оправдание национальными властями, «существенными и достаточными» (см. постановление по делу *«Санди таймс» против Соединенного Королевства (№ 2), ibid.*; и постановление по делу *Никула против Финляндии (Nikula v. Finland),* жалоба № 31611/96, § 44, ECHR 2002-II).

2. Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

31. Суд отмечает, что заявитель был осужден за то, что в данном одной газете «интервью» он сказал: *«благодаря решению Конституционного суда, в системе адвокатуры воцарится полная анархия», а также «в этой связи возникает вопрос: а конституционен ли Конституционный суд?».* Кроме того, ему было вменено в вину следующее высказывание: *«по-видимому, для судей молдавского Конституционного суда Европейский суд по правам человека не является авторитетом».* Такого рода осуждение может быть признано вмешательством в право заявителя на уважение его свободы выражения, гарантированное статьей 10 Конвенции.

32. Суд указывает, во-первых, что вмешательство, о котором идет речь, было «предусмотрено законом», в смысле второго пункта статьи 10 Конвенции. В этой связи он отмечает, что спорным вопросом между сторонами в рассматриваемом деле является то, подлежит ли статья 82 (е) Кодекса конституционной юрисдикции, где излагаются действия, за которые предусмотрены меры административной ответственности, расширительному или ограничительному истолкованию.

33. Суд указывает, что в формулировке статьи 82 содержится общее положение, по которому всякий, кто совершит действия, свидетельствующие о явном пренебрежении к Конституционному суду, несет ответственность в виде штрафа. Суд полагает, что хотя действия, влекущие за собой административную ответственность, не определяются или излагаются в законе с абсолютной точностью, однако, принимая во внимание юридическую подготовку и профессиональный опыт заявителя в качестве председателя Союза адвокатов, он вполне мог предвидеть, что его высказывания подпадают под действие вышеупомянутого положения Кодекса конституционной юрисдикции.

34. Далее, Суд считает, что вмешательство преследовало правомерную цель, ибо оно было оправдано необходимостью обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия, в смысле второго пункта статьи 10 Конвенции. Остается выяснить, было ли это вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

35. Суд отмечает, что комментарии заявителя были высказаны по вопросу большой общественной значимости в контексте жаркой дискуссии, которая разгорелась в среде адвокатов в связи с постановлением Конституционного суда о статусе их профессии, положившем конец системе объединения всех адвокатов в единую структуру — Союз адвокатов Молдовы — председателем которой являлся заявитель.

36. В этой связи Суд полагает, что даже если эти высказывания могут быть квалифицированы как проявление некоторого неуважения к Конституционному суду в связи с принятым им постановлением, их нельзя считать ни серьезными, ни оскорбительными по отношению к судьям Конституционного суда (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Скалка против Польши (Skałka v. Poland),* жалоба № 43425/98, § 34, 27 мая 2003 г.; постановление по делу *Перна против Италии (Perna v. Italy)* [GC], жалоба № 48898/99, § 47, ECHR 2003-V; и вышеуказанное постановление по делу *Никула против Финляндии*, §§ 48, 52).

37. Кроме того, поскольку именно пресса сообщила о высказываниях заявителя, часть из которых были впоследствии им опровергнуты, Суд считает, что заявитель не может нести ответственность за все то, что фигурировало в опубликованном «интервью» (см. пункт 14 выше).

38. Наконец, хотя наложенный на заявителя штраф в размере 360 лей (примерно 36 евро) и представляет сам по себе незначительную сумму, тем не менее, он имеет символическое значение и свидетельствует о намерении Конституционного суда строго наказать заявителя, ибо размер его близок к максимальной мере наказания, предусмотренной законом.

39. В свете всего вышесказанного, Суд полагает, что не было «настоятельной общественной потребности» в ограничении свободы заявителя выражать свое мнение, и что национальные власти не представили «существенных и достаточных» доводов в обоснование такого ограничения. Поскольку заявитель не преступал границ допустимой критики по статье 10 Конвенции, рассматриваемое вмешательство не может быть признано «необходимым в демократическом обществе».

40. Следовательно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

II. Применение статьи 41 Конвенции

41. Статья 41 Конвенции предусматривает:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Моральный вред

42. Заявитель потребовал 100 000 евро в качестве возмещения за моральный вред, причиненный ему вследствие признания его виновным, что тяжело ударило по его репутации адвоката и председателя Союза адвокатов.

43. Правительство утверждало, что затребованная заявителем сумма возмещения за моральный вред чрезмерно завышена. Оно добавило, что признание факта нарушения статьи 10 само по себе составляет достаточное справедливое возмещение.

44. Суд согласился с Правительством, что установление факта нарушения представляет собой достаточное справедливое возмещение за причиненный заявителю моральный вред.

B. Издержки и расходы

45. Заявитель потребовал 2000 долларов США (1670 евро) в качестве компенсации за оплату услуг адвоката в связи с разбирательством дела в Суде. Он предоставил в распоряжение Суда заключенный им с его адвокатом договор об оплате адвокатских услуг, в котором предусматривается, что вышеуказанная сумма будет выплачена только в том случае, если жалоба заявителя будет удовлетворена судом. Он указал, что заключение такого рода договоров является обычной практикой среди молдавских адвокатов.

46. Правительство оспаривало данное требование, ссылаясь при этом на то, что запрошенная сумма была завышенной, и на отсутствие документальных подтверждений фактической уплаты заявленных издержек.

47. Суду не подобает заниматься оценкой договоров относительно адвокатских гонораров. В соответствии со своим прецедентным правом, ему следует рассмотреть, были ли заявленные судебные издержки и расходы фактически произведены и необходимы, и был ли их размер обоснованным (постановление по делу *Нилсен и Йонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [GC], жалоба № 23118/93, § 62, ECHR 1999-VIII). В этой связи он может принять во внимание такие факторы, как число отработанных адвокатом часов и запрошенный им почасовой тариф (постановление по делу *Ятридис против Греции (Iatridis v. Greece)* (по вопросу справедливой компенсации) [GC], жалоба № 31107/96, § 55, ECHR 2000-XI). Однако в настоящем деле заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих требований. В связи с этим, Суд решает не присуждать компенсации по данному пункту.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет* шестью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
2. *Постановляет* пятью голосами против двух, что установление факта нарушения представляет собой достаточное справедливое возмещение заявителю за причиненный ему моральный вред;
3. *Отклоняет* пятью голосами против двух оставшуюся часть требований заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на французском языке; уведомление в письменной форме сделано 20 апреля 2004 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Ж.-П. Коста Председатель Суда

Т.Л. Эли Заместитель Секретаря Секции

В соответствии со пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(a) частично совпадающее, частично особое мнение г-на Лукаидеса;
(b) частично совпадающее, частично особое мнение г-жи Томассен;
(c) особое мнение г-на Павловского.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУКАИДЕСА

Я согласен с мнением большинства, что в рассматриваемом деле имело места нарушение статьи 10 Конвенции, однако совсем по другим мотивам. Я полагаю, что предусмотренное в соответствующем законе ограничение, которое в деле заявителя было применено в форме административного штрафа за высказанные им в одном из интервью замечания по поводу постановления Конституционного суда, не было

напрямую связано с допустимой и значимой правомерной целью, а именно, с целью обеспечения авторитета правосудия, и выходило за рамки того, что было необходимо для достижения указанной цели. Соответственно, я считаю, что установленное законом ограничение, о котором идет речь, не может считаться преследующим такую цель.

Твердо устоявшимся принципом толкования Конвенции является то, что предписанные в ней ограничения прав и свобод должны трактоваться строго и ограничительно. Как указала Комиссия в постановлении по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства (ECHR, Серия B, т. 28, стр. 9), строгое толкование в отношении исключающих оговорок в контексте Конвенции означает:

> *«…что никакие иные критерии, кроме тех, что упомянуты в самой исключающей оговорке, не могут лежать в основе каких-либо ограничений, и эти критерии в свою очередь должны пониматься таким образом, чтобы употребленные в их формулировках слова не выходили за рамки их обычного значения».*

Кроме указанного принципа толкования, в самой статье 10 есть два частных фактора, регулирующих концепцию и пределы допустимой цели рассматриваемого ограничения. Во-первых, это условие, по которому ограничение должно быть «необходимым в демократическом обществе», а во-вторых, понятие «авторитета» правосудия, по отношению к которому возможно наложение ограничения.

Вопрос о том, действительно ли закон, ограничивающий какое-либо из прав, защищаемых Конвенцией, преследует допустимую цель, следует, по моему мнению, рассматривать в контексте требований современного демократического общества. В законе, налагающем такого рода ограничение, недостаточно просто указать или сослаться на одну из целей, ради которых допускается соответствующее ограничение. Вопрос по существу следует ставить следующим образом: а действительно ли необходимо, с учетом современных условий демократии, налагаемое ограничение для выдвигаемой цели? Если ограничение выходит за рамки необходимого для осуществления соответствующей цели, или если оно служит этой цели только косвенно или отдаленно, то его нельзя считать необходимым в демократическом обществе для достижения указанной цели, и его

следует по этой причине квалифицировать как непопадающее под применимую исключающую оговорку.

Что касается настоящего дела, то в соответствующей части закона, на основании которого заявитель был признан виновным, сказано:

> *«В целях обеспечения осуществления конституционного судопроизводства предусматриваются меры административной ответственности в виде штрафа в размере до двадцати пяти минимальных заработных плат за:*
> *…*
> *(е) проявление неуважения к Конституционному суду, выражающееся в неподчинении распоряжениям председательствующего в заседании, нарушении порядка во время заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о* ***явном пренебрежении*** *к Конституционному* суду…» (выделено автором особого мнения).

Однако я не представляю, как наказание кого бы то ни было за действие, свидетельствующее о «пренебрежении» к суду (по сравнению с более строгим понятием неуважения к суду) может быть необходимым в современном демократическом обществе для обеспечения авторитета правосудия. Это становится еще более очевидным, если мы примем во внимание тот факт, что свобода критиковать судебные решения и функционирование судебной системы в целом является в наше время неотъемлемым элементом демократии — тем более потому, что такого рода критика служит гарантией надлежащего контроля над судебными органами. Подобная критика вполне может быть истолкована как «пренебрежение» к суду, поскольку это понятие настолько широко, что может распространяться на любое недовольство, оспаривание или несогласие с каким-либо действием судебной власти, выражающееся в форме голословной критики.

Важно в этой связи обратить наши взоры на требования современного демократического общества относительно подотчетности всех государственных учреждений перед народом и соответствующее право последнего свободно выражать свое мнение по вопросам, касающимся возможных недостатков в работе государственных учреждений. В современном демократическом обществе критика таких учреждений,

даже если она равносильна «пренебрежению», имеет куда более важное значение, чем защита престижа любого государственного учреждения. Мне представляется полезным привести здесь слова знаменитого британского судьи, председателя Апелляционного суда лорда Деннинга, высказанные им еще в 1968 г. по поводу статьи, в которой содержалась резкая критика решения суда[1], и в связи с которой были выдвинуты обвинения в неуважении к суду:

> *«Эта статья, бесспорно, весьма критична по отношению к данному суду. В той части, в какой критика касается Апелляционного суда, она, конечно же, ошибочна ... Позвольте мне сразу указать, что мы никогда не станем пользоваться данной юрисдикцией [неуважения к суду] в качестве средства отстаивания нашего собственного достоинства. Оно должно покоиться на более надежном фундаменте. Не станем мы использовать ее и для подавления тех, кто выступает против нас. Мы не боимся критики и не обижаемся на нее, ибо на карту поставлено нечто гораздо более серьезное. Это ни больше, не меньше как свобода слова. Каждый человек вправе, в Парламенте и за его пределами, в печати, на радио или телевидении, выступать с честными, даже чистосердечными комментариями по вопросам, представляющим общественный интерес. Те, кто комментируют, могут добросовестно касаться всего, что делается в судебных органах. Они могут говорить, что мы ошибаемся и что наши решения неправильны, невзирая на то, подлежат они обжалованию или нет».*[2]

Кроме того, слово «авторитет» означает власть или право принуждать к повиновению (Оксфордский словарь). Опять же я не вижу, как простое «пренебрежение» к суду может подорвать власть или авторитет судебных органов в том, что касается принуждения к

---

[1] В частности, в статье говорилось следующее: *«Недавнее решение Апелляционного суда — удивительный пример ослепления, которое иногда ниспадает на лучших из судей. Начиная с 1960 г. и далее, законодательство фактически перестало работать из-за нереалистических, противоречивых, а в ключевых делах и ошибочных решений судов, в том числе Апелляционного суда. Как же они поступают? Извиняются за расходы и ненужные хлопоты, на которые они обрекают полицию? Ничего подобного».*

[2] Дело «R. против комиссара Столичной полиции, от имени Блэкберна (№ 2), [1968] 2 All E.R., п. 319 на стр. 320.

исполнению принятых ими решений или других судебных актов. Такой «авторитет» может быть действенным, несмотря на «пренебрежение», проявляемое теми, кого оно затрагивает, или какой-либо третьей стороной.

В данных обстоятельствах я полагаю, что закон, о котором идет речь, в той мере, в какой он запрещает в абсолютных выражениях выражать пренебрежение к Конституционному суду в целях защиты, по утверждению Правительства, авторитета суда, выпадает из сферы действия этой цели и не может считаться преследующим указанные в нем цели. Это наглядно видно на примере применения этого закона в деле заявителя.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ, ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОМАССЕН

Я согласна с мнением большинства, что статья 10 была нарушена в данном деле, но руководствуюсь я при этом другими основаниями.

В то же время, я не согласна с отклонением большинством судей требований заявителя по статье 41 Конвенции. Вмешательство в свободу заявителя выражать свое мнение было, как утверждается, основано на втором пункте статьи 10, который оправдывает ограничения, налагаемые на осуществление этой свободы «для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия». Это основание близко к такому понятию англо-саксонского права, как институт неуважения к суду, который имеет целью не допустить умаления авторитета и независимости судов, а также прав участников процессов, посредством публикаций или других действий того же рода (постановление по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства от 26 апреля 1979 г., Серия А, т. 30, § 55).

В настоящем деле статьи 81 и 82 Кодекса конституционной юрисдикции давали Конституционному суду право расследовать, допрашивать и принимать нужные меры по своей инициативе и своей властью: «В целях защиты достоинства судей Конституционного суда и участников процесса, обеспечения надлежащих условий для осуществления конституционной юрисдикции» (см. пункт 17).

Любое основание для предоставления суду таких широких полномочий подлежит самой тщательной проверке ввиду значимости поставленного на карту права на свободу выражения. По моему мнению, это означает, что эти полномочия в принципе могут использоваться только в контексте обязательства суда гарантировать справедливое судебное разбирательство в деле, находящемся на стадии рассмотрения, что единственно может оправдать применение санкций по обвинению в неуважении к суду.

Нет причин говорить, что примененные Конституционным судом полномочия были призваны гарантировать справедливое судебное разбирательство в деле, находящемся на стадии рассмотрения. Суд возбудил процесс против заявителя, допросил его и наложил на него штраф, который тот обязан был уплатить после получения соответствующего уведомления. Эти меры были применены к заявителю не как к адвокату в судебном процессе, а скорее как к участнику процесса, выступившему с комментарием относительно окончательного постановления по его собственному делу. Полномочия, применение которых оправдано в целях гарантировать справедливое судебное разбирательство в деле, находящемся на стадии рассмотрения, были употреблены Конституционным судом для иной цели, а именно, для ограничения демократического права заявителя на публичное обсуждение этого постановления суда по существу.

Более того, само назначение наказания Конституционным судом, который по собственной инициативе возбудил процесс против заявителя и выступал в нем в роли «потерпевшего» от сделанных заявителем высказываний, может быть оспорено как произведенное в нарушение права на разбирательство дела независимым и беспристрастным судом (см. постановление по делу *Киприану против Кипра (Kyprianou v. Cyprus)* от 27 января 2004 г., жалоба № 73797/01).

С моей точки зрения, пункт 2 статьи 10 не может служить оправданием подобного вмешательства в право заявителя на свободу выражения. Отсюда следует, что в отличие от большинства коллег, я не могу признать принятые меры и представленные Конституционным судом основания (см. пункт 15 постановления) преследующими цель обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Если бы ограничения на право заявителя были наложены после разбирательства дела независимым судом, и если бы по этой причине можно было согласиться, что назначение меры взыскания преследовало цель обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия, то наложенное на заявителя наказание все равно нельзя было бы признать необходимым в демократическом обществе. По этому пункту я согласилась бы с мнением большинства, хотя к тому же заключению я пришла бы и в том случае, если бы наложенное наказание имело символическое значение (см. пункт 38 постановления).

Я согласна с мнением судьи Лукаидеса, высказанным им в особом мнении, что свобода критиковать судебные решения и функционирование судебной системы является неотъемлемым элементом демократии. Настоящее дело демонстрирует всю значимость такой свободы выступать с критикой. Конституционный суд объявил неконституционным закон, предусматривавший обязательность для молдавских адвокатов членства в Союзе адвокатов. Такого рода обязательное членство принято в правовых системах многих европейских стран, где оно считается необходимым для обеспечения независимости адвокатуры. Значение независимости адвокатов изложено в Рекомендации R (2000) 21 Комитета министров Совета Европы в следующих выражениях:

> *«(1) Следует разрешить адвокатам образовывать и вступать в местные, национальные и международные профессиональные ассоциации, которые сами по себе либо совместно с другими организациями будут стремиться к повышению профессиональных стандартов и обеспечению независимости и интересов адвокатов, а также оказывать всяческое содействие созданию таких ассоциаций и вступлению в них адвокатов.*
>
> *(2) Ассоциации адвокатов или другие профессиональные ассоциации юристов должны быть самоуправляющимися органами, независимыми от властей и от общественности».*

В преамбуле к Рекомендации подчеркивается, что значимость объединения адвокатов в независимые ассоциации основывается на презумпции, что необходимо обеспечить надлежащее исполнение адвокатами своих должностных обязанностей, и что для адвокатов

особенно важно… установить справедливый баланс между своими обязательствами перед судами и своими обязательствами перед клиентами. Нельзя отрицать, что критика заявителем постановления Конституционного суда касалась вопроса, представляющего всеобщий интерес, и что государственные органы в демократическом обществе не должны были каким-либо образом отбивать охоту к такого рода критическим выступлениям.

Даже если комментарии заявителя могут быть истолкованы как проявление неуважения или «пренебрежения» к Конституционному суду (см. пункт 36 постановления), всеобщий интерес в дозволении общественной дискуссии о независимости адвокатов, как в данном случае, перевешивает интерес судей Конституционного суда в защите их от критики того рода, что была высказана в интервью с заявителем, — критики, которая по сути была весьма краткой и которая не может быть квалифицирована как личностные нападки на судей (как, например, в постановлении по делу *Барфод против Дании (Barfod v. Denmark)* от 22 февраля 1989 г., Серия А, т. 149; и постановлении по делу Перна против Италии от 6 мая 2003 г. [GC], жалоба № 48898/99). Поэтому-то, даже если предположить, что вмешательство преследовало правомерную цель, его ни в коей мере нельзя признать «необходимым».

В соответствии с вышеизложенными мотивами, я не могу согласиться с мнением большинства, что установление факта нарушения представляет собой достаточное справедливое возмещение за причиненный заявителю моральный вред. Он имел все основания предполагать, что назначенная ему мера наказания тяжело ударила по его репутации адвоката и председателя Союза адвокатов, который отстаивает права защиты в целом. Таким образом, имелись основания присудить ему компенсацию, произведя ее оценку на справедливой основе (см., к примеру, постановление по делу Никула против Финляндии от 21 марта 2002 г., жалоба № 31611/96, ECHR 2002-II). Не могу я согласиться и с решением отказать заявителю в присуждении ему компенсации судебных издержек и расходов, оцененных им в 2 000 долларов США. Даже если его никто не представлял в Суде, он сам был адвокатом и должен быть затратить немало рабочего времени на представление в Суд своей жалобы. Кроме того, он утверждал, причем, как мне представляется, весьма логично, что он понес определенные административные расходы (такие, как оплата услуг секретаря, расходы на ксерокопирование и прочие издержки). Его

требования не показались мне завышенными, но, даже если бы они являлись таковыми, не было никаких особых причин не присуждать ему ничего по данному пункту (см., постановление по делу *Фолей против Соединенного Королевства (Foley v. the United Kingdom)* от 22 октября 2002 г., жалоба № 39197/98).

Отклонив требования заявителя по статье 41, Суд, по моему мнению, не подчеркнул в достаточной мере серьезность вмешательства в права заявителя по статье 10.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАВЛОВСКОГО

В данном деле большинство судей Палаты признали нарушение прав заявителя по статье 10 Конвенции. К моему глубочайшему сожалению, я не могу согласиться с этим заключением.

Я не ставлю под вопрос наличие вмешательства в настоящем деле. Вопрос, по моему мнению, заключается в том, было ли это вмешательство обосновано по пункту 2 статьи 10 Конвенции. В этой связи необходимо рассмотреть, было ли оно «предусмотрено законом», преследовало ли оно правомерную цель, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе», в смысле указанного положения (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г., Серия А, т. 103, стр. 24-25, §§ 34-37).

I. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»?

Анализируя значение понятия «предусмотрено законом», Суд в постановлении по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства указал:

> *«По мнению Суда, из выражения «предусмотрены законом» вытекают следующие два требования. Во-первых,* ***право должно быть в адекватной мере доступным****: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом», пока* ***она не будет сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину сообразовывать с ней свое поведение: он***

должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие. Эти последствия не обязательно предвидеть с абсолютной определенностью; *опыт показывает, что это недостижимо. Более того, хотя определенность весьма желательна, она может сопровождаться чертами окаменелости, тогда как право должно обладать способностью идти в ногу с меняющимися обстоятельствами. Соответственно, во многих законах неизбежно используются более или менее расплывчатые термины: их толкование и применение — задача практики…».* (выделено автором особого мнения)

Применяя вышеуказанные принципы к настоящему делу, следует обратить внимание на следующие моменты:

Доступность Кодекса конституционной юрисдикции не вызывает никаких сомнений. Этот кодекс был опубликован в газете *Monitorul Official*, официальном издании, где регулярно публикуются все нормативные акты, и его легко найти на разных Интернет-страницах, например, на сайте Конституционного суда *www.ccrm.rol.md*, сайте правовой информации *www.docs.md* и т.д.

Что касается качества этого закона, то я нахожу его достаточно ясным, поскольку он разрабатывался в соответствии со всеми необходимыми элементами законотворческой деятельности.

Давайте взглянем на соответствующие положения Кодекса конституционной юрисдикции.

Статья 81.
Обеспечение осуществления конституционной юрисдикции:

«1. В целях защиты достоинства судей Конституционного суда и участников процесса, обеспечения надлежащих условий для осуществления конституционной юрисдикции Конституционный суд вправе принимать меры, предусмотренные статьей 82».

Статья 82.
Ответственность за нарушение процедуры конституционного судопроизводства:

«1. В целях обеспечения осуществления конституционного судопроизводства предусматриваются меры административной ответственности в виде штрафа в размере до двадцати пяти минимальных заработных плат за:
(a) неконституционные заявления независимо от формы выражения;
(b) вмешательство в процессуальную деятельность судей Конституционного суда, попытку воздействия на судей непроцессуальными методами;
(c) невыполнение без уважительных причин в установленном порядке и в установленные сроки требований судей Конституционного суда, а также постановлений и заключений Конституционного суда;
(d) нарушение судебной присяги;
(e) проявление неуважения к Конституционному суду, выражающееся в неподчинении распоряжениям председательствующего в заседании, нарушении порядка во время заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства.

2. Меры, направленные на обеспечение надлежащих условий для осуществления конституционного судопроизводства, принимаются определением председательствующего в заседании, которое вносится в протокол заседания или прилагается к нему.

3. Уплата штрафа осуществляется в 15-дневный срок с момента уведомления лица о наложении на него штрафа. В случае отказа уплатить штраф или неуплаты штрафа в установленный срок решение Конституционного суда приводится в исполнение… на основании выписки из протокола заседания или определения председательствующего в заседании. (…)».

Итак, мои выводы таковы:

1. В данном законе четко определяется «настоятельная общественная потребность» в защите достоинства судей Конституционного суда и обеспечении надлежащих условий для их работы.
2. Закон содержит перечень действий, которые законодатели считают незаконными; в их число входят действия, свидетельствующие о «о явном пренебрежении к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства».
3. В законе указаны меры, которые могут быть применены к нарушителям его положений, т.е. «штраф в размере до двадцати пяти минимальных заработных плат».

Это приводит меня к заключению, что положения Кодекса конституционной юрисдикции позволяют гражданам, как обусловлено в вышеупомянутом постановлении по делу «Санди таймс» против Соединенного Королевства, *«…предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой то или иное действие…»,* поскольку закон предусматривает как описание наказуемых действий, так и их негативных последствий.

Подводя итог вышесказанному, я считаю, что качество правовых норм, содержащихся в Кодексе конституционной юрисдикции, достаточно для того, чтобы прийти к заключению, что заявитель был в состоянии предвидеть, «в разумной применительно к обстоятельствам степени», опасности, к которым ведет пренебрежение к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства.

Таким образом, вмешательство в данном конкретном случае было «предусмотрено законом».

II. «Преследовало» ли вмешательство «правомерную цель»?

Ни заявитель, ни Правительство не оспаривают того факта, что наложенный на заявителя штраф преследовал правомерную цель обеспечения авторитета, независимости и беспристрастности правосудия.

III. Было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе»?

Как неоднократно подтверждалось на различных международных встречах, система независимых и беспристрастных судебных органов представляет собой необходимый инструмент каждого демократического государства. Она является неотъемлемой частью политической системы, основанной на верховенстве закона. Ясно, что все такие государства не только имеют право, но и обязаны предпринимать все необходимые меры для защиты достоинства судей в целях обеспечения авторитета судов. Кроме того, они должны обеспечить, чтобы члены судейского корпуса могли работать в условиях, когда на них не оказывается никакого незаконного давления, в том числе психологического, и когда они могут базировать свои решения на юридически обоснованных доводах, а не на основаниях, «окрашенных» угрозами, оскорблениями, диффамацией, клеветой или иными формами противозаконного влияния.

Неприкосновенность судей, как составляющая их независимости — не привилегия, а непременное условие их объективности и беспристрастности при осуществлении ими своей профессиональной деятельности. Поскольку на плечи судей возложена ответственность по принятию окончательных решений о жизни, свободе, правах, обязанностях и собственности граждан, судебные органы должны работать таким образом, чтобы у народа не возникало сомнений в их подлинной независимости. Задачи защиты и повышения доверия населения к судебной системе признаны общественной потребностью, основанной на общих интересах граждан.

В «Основных принципах, касающихся независимости судебных органов», принятых Генеральной ассамблеей ООН, говорится:

> *«Независимость судебных органов гарантируется государством и закрепляется в конституции или законах страны. Все государственные и другие учреждения обязаны уважать и соблюдать независимость судебных органов… Судебные органы решают переданные им дела беспристрастно, на основе фактов и в соответствии с законом, без каких-либо ограничений, неправомерного влияния, побуждения, давления, угроз или вмешательства, прямого или*

косвенного, с чьей бы то ни было стороны и по каким бы то ни было причинам…».

Та же самая тема поднимается и в Рекомендации R (94) 12 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам «О независимости, эффективности и роли судей» (принятой Комитетом министров 13 октября 1994 г. на 518-м заседании на уровне заместителей министров), где говорится:

> *«Независимость судей должна гарантироваться в соответствии с положениями Конвенции и конституционными принципами, например, посредством включения конкретных положений в конституцию или другие законодательные акты или посредством включения положений настоящей рекомендации во внутреннее право. (…) В процессе принятия решений судьи должны быть независимыми и действовать без каких-либо ограничений, постороннего влияния, воздействия, давления, угроз или вмешательства, прямого или косвенного, с какой бы то ни было стороны или по любой причине. Закон должен предусматривать санкции в отношении лиц, пытающихся воздействовать на судей каким-либо из этих способов. Судьи должны иметь неограниченную свободу беспристрастно принимать решения, руководствуясь своей совестью, своим толкованием фактов и действующими нормами права. (…) Судьи должны быть наделены достаточной властью и иметь возможность применять ее, чтобы осуществлять свои обязанности, выполнять свои полномочия и отстаивать авторитет суда …».*

Все эти положения, несомненно, свидетельствуют, что защита достоинства судов и судей от неподобающего воздействия, и защита независимости судебной системы абсолютно необходимы в демократическом обществе. У государства нет иного способа исполнять свои обязательства, кроме как налагать меры взыскания за нарушение этих принципов. Это неизбежный путь, и именно по нему пошли молдавские законодатели, которые запретили, под угрозой штрафа, действия, свидетельствующие о явном пренебрежении к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства.

Заявитель выдвинул три аргумента против постановления Конституционного суда:

1. Он сказал, что благодаря решению Конституционного суда в системе адвокатуры воцарится полная анархия. Больше нет единой адвокатуры, как нет и единого государства. Не платятся налоги, и, как следствие, нет никакой этики, дисциплины, ответственности.
2. Он ставит под сомнение саму конституционность Конституционного суда.
3. Он обвиняет Конституционный суд в неуважении к Европейскому суду по правам человека и в непризнании его авторитета. В соответствии с Рекомендацией R (2000) 21 Комитета министров государствам-участникам «О свободе осуществления профессии адвоката» (принятой Комитетом министров 25 октября 2000 г. на 727-м заседании на уровне заместителей министров), *«адвокаты должны уважать судебную систему и выполнять свои обязанности по отношению к суду в соответствии с национальными правовыми и иными нормами…».*

Та же самая идея развивается в постановлении по делу *Шепфер против Швейцарии* (Reports 1998-III, 20 мая 1998 г.): *«…Суд еще раз повторяет, что особый статус адвокатов отводит им центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредников между публикой и судами. Это объясняет ограничения, налагаемые на поведение членов коллегии адвокатов».*

Более того, Суд уже указал, что суды — гаранты правосудия, а их роль является ключевой в государстве, основанном на верховенстве закона. Поэтому они должны пользоваться доверием общественности (см. постановление по делу *Де Хаэс и Гийселс против Бельгии* от 24 февраля 1997 г., Reports 1997-I, стр. 234, § 37). Принимая во внимание ключевую роль адвокатов в этой области, логично ожидать, что они будут способствовать надлежащему отправлению правосудия, и тем самым поддерживать доверие общества к системе отправления правосудия.

Как и в деле *Шепфер,* в настоящей жалобе высказывания, вменяемые в вину заявителю, не были критикой мотивировочной части решения Конституционного суда, а представляли собой скорее обвинения диффамационного характера в адрес судей указанного суда, а также в адрес самого суда — наивысшего судебного органа в государстве.

По моему мнению, в диффамационных высказываниях заявителя не прослеживается ни уважения к судебной системе, как того требует вышеупомянутая Рекомендация R (2000) 21 Комитета министров, ни желания «способствовать надлежащему отправлению правосудия, и тем самым поддерживать доверие общества к системе отправления правосудия», как указано в постановлении по делу *Шепфер*.

Даже поверхностный анализ утверждений заявителя показывает, что в своем интервью он пытался компенсировать отсутствие правовых аргументов попытками подорвать доверие общества к наивысшему судебному органу и дискредитировать его намеками на, с одной стороны, правовое «невежество» членов Конституционного суда, которые не уважают авторитет Европейского суда по правам человека и его постановления, и, с другой, на нерадивое их отношение к своим профессиональным обязанностям, что вызывает правовой хаос и беспорядок в государстве, и более того, подрывает единство государства.

Не думаю, чтобы в намерения разработчиков Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод входило обеспечить по статье 10 международную защиту лиц, подрывающих доверие общества к судебной системе, дискредитирующих наивысший судебный орган страны или порочащих членов Конституционного суда.

Таким образом, я ничуть не сомневаюсь в том, что своим поведением заявитель совершил действия, свидетельствующие о явном пренебрежении к Конституционному суду и процедуре конституционного судопроизводства, и в связи с этим подлежит наказанию согласно Кодексу конституционной юрисдикции. Такое поведение, по определению, не может подпадать под защиту статьи 10 Конвенции.

IV. Было ли вмешательство «соразмерным преследуемой правомерной цели»?

Прежде чем начать рассмотрение вопроса о соразмерности наложенной на заявителя меры взыскания, мне представляется уместным во избежание возможных недоразумений сказать несколько слов о понятии «минимальная заработная плата».

В отличие от многих европейских стран, где минимальная зарплата отражает прожиточный минимум, в Молдове минимальная заработная плата представляет собой некую финансовую единицу, применяемую для исчисления базовой зарплаты государственных служащих, а также для определения размера штрафов.

Понятие «минимальная заработная плата» было введено Законом № 1432-XIV «О порядке установления и пересмотра минимальной заработной платы» от 28 декабря 2000 г. В нем минимальная зарплата устанавливалась на уровне 18 молдавских лей (около 1,125 евро), а в статье 7 предусматривалось, что до принятия новых редакций Уголовного кодекса, Уголовно-процессуального кодекса, Гражданского процессуального кодекса и Кодекса об административных правонарушениях для исчисления размера штрафов будет использоваться сумма в 18 молдавских лей.

В соответствии с инструкциями, регламентирующими методику начисления зарплаты лицам, получающим ее из государственного бюджета, размер зарплаты определяется путем перемножения специальных коэффициентов, зависящих от занимаемой должности, и минимальной заработной платы. К этой базовой зарплате прибавляются различные предусмотренные законом надбавки. На 1 апреля 2001 г. правительство Молдовы установило минимальную зарплату в размере 100 молдавских лей. Однако сумма, используемая для исчисления размера штрафов, осталась неизменной — 18 молдавских лей.

По вопросу о соразмерности, я считаю нужным указать следующее:

Соразмерность предполагает, что преследование целей, изложенных в пукнкте 2 статьи 10, должно быть соотнесено с потребностью в открытом обсуждении общественно-значимых вопросов (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г., Серия А, т. 103, стр. 26, § 42). При установлении справедливого баланса между этими интересами, Суд не должен упускать из вида, сколь важно не отбить у членов общественности желания высказывать свое мнение по общественно-значимым вопросам из-за опасения санкций уголовного и иного характера (см. постановление по делу *Барфод против Дании* от 22 февраля 1989 г., Серия А, т.149, § 29).

Как упоминалось ранее, Кодекс конституционной юрисдикции регламентирует вопросы защиты достоинства судей Конституционного суда и обеспечения надлежащих условий для их работы; нарушения его положений наказываются наложением штрафа в размере до двадцати пяти минимальных заработных плат, т.е. 450 молдавских лей, что эквивалентно примерно 28,1 евро.

На заявителя был наложен штраф меньшего размера — 360 молдавских лей. Могут спросить, а не слишком ли велик этот штраф? Теоретически, данный вопрос можно проанализировать с разных точек зрения:

1) с позиции молдавского административного права в целом;
2) с позиции правовых норм, регламентирующих ответственность за действия, свидетельствующие «о явном пренебрежении к Конституционному суду»; либо
3) с позиции финансового положения заявителя.

Сейчас я вкратце разберу вопрос о соразмерности наложенных на заявителя санкций с этих трех точек зрения:

Кодекс об административных правонарушениях предусматривает различные виды наказания, в том числе краткосрочное лишение свободы и штрафы. Что касается штрафов за различные типы правонарушений, то статья 26 Кодекса предусматривает, что, как правило, их размер для граждан не может превышать 50-кратной, а для должностных лиц — 300-кратной минимальной заработной платы. При определенных обстоятельствах, размер штрафа может достигать 3000-кратной минимальной заработной платы. Принимая во внимание, что по внутреннему законодательству председатель Союза адвокатов является должностным лицом, в принципе при определенных обстоятельствах на него может быть наложен штраф размером до 300 и даже 3000 минимальных зарплат, в зависимости от характера правонарушения. В связи с этим я полагаю, что размер штрафа в настоящем деле был если не символическим, то уж по меньшей мере никак не чрезмерным.

Что касается общих правовых норм, то меры взыскания за действия, свидетельствующие о неуважении к суду, регламентируются статьей 200/7 Кодекса об административных правонарушениях, которая

предусматривает наложение штрафа в размере до 25 минимальных заработных плат или административный арест на срок до 15 суток. Согласно Кодексу конституционной юрисдикции, аналогичные действия, совершенные против Конституционного суда, наказываются только штрафом. Так, сравнивая общие положения с вынесенным в настоящем деле наказанием, последнее никак не может быть расценено как «обескураживающее». Принимая во внимание принцип индивидуализации наказаний, самый лучший способ решить вопрос о соразмерности наложенного на заявителя наказания — сравнить размер штрафа с доходами заявителя. Таким образом, можно оценить, носило ли наказание «обескураживающий» или «расхолаживающий» характер.

По моему мнению, данный вопрос имеет ключевое значение по следующему соображению: 360 молдавских лей для человека, зарабатывающего, скажем, 300 лей в месяц — наказание весьма серьезное, тогда как для человека, зарабатывающего 3000 лей в месяц, оно довольно мягко. По этой причине, я бы запросил дополнительную информацию о доходах заявителя. Так как Палата не располагает такого рода информацией, я могу только сравнить уровень наложенного штрафа с данными о прожиточном минимуме в Молдове, который составляет 1000 молдавских лей в месяц. Мне представляется маловероятным, чтобы доходы председателя Союза адвокатов были ниже этого уровня. Так, если сравнить наложенный на заявителя штраф с прожиточным минимумом, окажется, что размер штрафа в два с половиной раза меньше прожиточного минимума. Этот факт еще раз показывает, что мера взыскания в настоящем деле не была чрезмерной, и ее можно считать соразмерной.

Какой бы подход мы ни избрали, вывод окажется одним и тем же: Правительство-ответчик, наказав заявителя за проявленное им неуважение к Конституционному суду, не преступило рамок соразмерности.

Суммируя все вышеприведенные аргументы, я не нахожу какого-либо нарушения прав заявителя по статье 10 Конвенции.

© Институт проблем информационного права (г. Москва), перевод с английского, 2004

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЛУКС» И САМСОН ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Flux and Samson v. Moldova)

(жалоба № 28700/03)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2007 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

В газете «Флукс», выходящей в столице Молдовы Кишиневе, была опубликована статья, посвященная проблеме, с которой обратилась в редакцию госпожа Аурелия Самсон. В статье описывались проблемы заявительницы и ее дочери с их соседом Г. С., бывшим министром строительства Молдовы. В статье также высказывалось неверие заявительницы (А. Самсон) в способность судебной системы защитить ее от гораздо более влиятельного и состоятельного соседа.

Г.С. обратился в суд, требуя возмещения ущерба своей репутации, однако не указал, какие именно статьи порочат его честь и достоинство. До обращения Г. С. в суд редакция газеты по просьбе заявительницы опубликовала ее извинения.

Буюканский районный суд удовлетворил иск Г.С. частично и обязал газету напечатать опровержение и выплатить компенсацию ущерба, а также судебных издержек в общей сумме эквивалентной 105 евро.

Кишиневский областной суд и Апелляционный суд, несмотря на жалобы заявителей, оставили первоначальное решение суда в силе. Редакция газеты «Флукс» и госпожа Самсон обратились с жалобами в Европейский суд, полагая, что вынесенные национальными судами решения повлекли нарушение их права на свободу выражения мнения и права на репутацию, в рамках ст.ст. 8 и 10 Европейской Конвенции.

Оценка Европейского Суда:

Суд согласился с доводами заявителей о том, что большинство высказанных утверждений являлись оценочными суждениями, и указал на невозможность доказывания достоверности последних (п. 23-24 постановления):

> *«Суд считает, что фразы «**бывший государственный чиновник строит себе замки**» и «**экс-министр строительства Г.С. решил нажиться на несчастье других**» являются оценочными суждениями, выражавшими мнение газеты о строительной деятельности Г.С. и том, как она сказывалась на его соседях. К тому же, эти мнения основывались на фактах, которые не были доказаны как недостоверные, и некоторые из которых были упомянуты в самой статье (см. пункт 10 постановления Суда), а некоторые прозвучали в ходе судебного процесса (см. пункт 14 постановления Суда). В таких обстоятельствах Суд считает, что нельзя было ожидать от газеты предоставления доказательств достоверности своих оценочных суждений, и что, к тому же, ее мнения не были безосновательными».*

Суд указал на противоречивую позицию национальных судов в требовании доказать достоверность опубликованных оценочных сведений и одновременном игнорировании попыток заявителей по предоставлению доказательств обоснованности критических оценок.

Суд отметил добросовестность заявителей при подготовке статьи и взвешенность тона при подаче материала, указав, в частности, что газета действовала в соответствии с принципами ответственной журналистики.

Также Суд обратил внимание на общественную значимость поднятого в статье вопроса:

> *«… в статье были подняты вопросы, вызывавшие большой общественный интерес, а именно, предполагаемые злоупотребления своим положением со стороны бывшего государственного служащего и неспособность*

правоохранительной системы отреагировать на эти злоупотребления должным образом».

В итоге Суд пришел к заключению, что обжалуемое вмешательство не было «необходимым в демократическом обществе», а любой остаточный ущерб репутации Г. С. был устранен незамедлительной публикайцией извинения. Следовательно, вынесение судебных решений молдавскими судами в пользу Г.С. и возложение на заявителей обязанности опуликовать опровержение распространенных сведений и возместить ущерб нарушали статью 10 Европейской Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ФЛУКС» И САМСОН ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Flux and Samson v. Moldova)

(жалоба № 28700/03)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2007 года

По делу «Флукс» и Самсон против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель,*
г-н Ж. Касадеваль,
г-н Дж. Бонелло,
г-н К. Трайа,
г-н С. Павловский,
г-н Л. Гарлицкий,
г-жа Л. Мийович, *судьи,*

а также г-н Т. Л. Эли, *Секретарь Секции*,

Проведя 2 октября 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 28700/03) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») молдавской газетой «Флукс» (Далее – «газета-заявитель») и г-жой Аурелией Самсон («Заявительница»), 13 мая 2003 года.

2. Интересы заявителей представлял г-н В. Грибинча из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдавское правительство (далее -

«Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. Газета-заявитель утверждала, в частности, что ее право на свободу выражения мнения было нарушено вследствие судебных решений, принятых в ходе рассмотрения дела о защите чести и достоинства против нее. Заявительница обратилась с жалобой на нарушение ее права на репутацию, гарантированного статьей 8 Конвенции.

4. Жалоба была направлена в Четвертую Секцию Суда. 9 февраля 2006 года председатель секции принял решение довести заявление до сведения Правительства. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было решено рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Факты дела, представленные сторонами процесса, могут быть кратко изложены нижеследующим образом.

6. 13 декабря 2001 года Газета-заявитель опубликовала статью, содержание которой было передано г-жой З. Самсон и касалось ее дочери (Заявительницы). В статье описывались проблемы Заявительницы с ее соседом, Г.С., бывшим министром строительства.

7. Г.С. обратился в суд, требуя возмещения ущерба своей репутации. Он не указал, какие именно фрагменты статьи он счел порочащими его. До того, как суд первой инстанции принял свое решение по этому поводу, Газета-заявитель опубликовала извинение перед Г.С. по просьбе Заявительницы и требованию самого Г.С.

8. 17 октября 2002 года суд района Буюканы удовлетворил иск Г.С. частично, учитывая факт публикации извинения, и обязал газету напечатать опровержение на той же странице, где была помещена первоначальная статья и выплатить компенсацию ущерба, а также судебных издержек в общей сумме в 1404 молдавских лей, эквивалентной 105 евро.

9. Суд пришел к выводу о том, что следующая «информация» из статьи «не соответствовала действительности»:

> *«… бывший государственный чиновник строит себе замки», «соседи говорят, что он сдает их и зарабатывает на этом огромные деньги», «экс-министр строительства Г.С. решил нажиться на несчастье других», «разными способами он принудил пожилых людей, живших в том же районе, что и [Заявительница], покинуть свои дома в обмен на ничтожные суммы денег», «он сказал [Заявительнице], что добьется своего любой ценой» и что «он сделает ее жизнь невыносимой».*

10. В статье также содержались следующие утверждения, ни одно из которых не нашло подтверждения в судах:

> *«один из «симпатичных домиков» Г.С. был построен рядом с домом [Заявительницы]» и «возвышался над ним», «для того, чтобы расширить свою собственность Г.С. разрушил сарай [Заявительницы]»; «то обстоятельство, что [Г.С.] имеет три квартиры, не означает, что он не может получить четвертую».*

В статье также обсуждалось неверие [Заявительницы] в способность судебной системы защитить ее от гораздо более состоятельного соседа. Был опубликован снимок домов Заявительницы и Г.С. Статья заканчивалась изложением мнения Г.С. о происходившем, которое он высказал по телефону, а также краткого содержания нескольких переданных им по факсу документов, которые свидетельствовали о том, что Заявительница нарушила некоторые свои обязательства перед законом.

11. Суд счел, что неоднократное упоминание бывшей должности Г.С. как министра усугубило нанесенный ему вред, и констатировал, что доказательств того, что он незаконно пользовался своим бывшим служебным положением, обнаружено не было.

12. В своей кассационной жалобе, Газета-заявитель выдвинула аргумент о том, что высказанные утверждения были оценочными суждениями, не подлежавшими доказыванию. Газета также заявила, что при рассмотрении ее дела суд занял активную позицию в пользу

Г.С., расценив некоторые конкретные выражения как порочащие, притом, что сам Г.С. на них внимания в иске не обратил. К тому же, газета указала на то, что суд никак не отреагировал на доказательства, представленные г-жой З. Самсон ранее сделанных ею заявлений.

13. 14 января 2003 года Кишиневский областной суд подтвердил постановление районного суда, отклонив доводы газеты и констатировав, что «*...информация, изложенная в статье, была основанием логически вытекавшего предположения о причинах увольнения [Г.С.]*». Довод о том, что в статье лишь пересказывались мнения соседей Г.С., был отклонен на основании того, что именно газета обнародовала их. Суд также исходил из того, что два утверждения (а именно, «он сказал [Заявительнице], что добьется своего любой ценой» и что «он сделает ее жизнь невыносимой» могли быть сделаны только самой Заявительницей.

14. Газета-заявитель обжаловала постановление вновь (30 января 2003 года и 3 марта 2003 года), утверждая, что несколько соседей Заявительницы были выселены из своих домов, что один из них вовсе остался без жилья, и что Г.С. стал собственником этих домов. Другим аргументом был тот факт, что, по национальному законодательству, Г.С. был обязан доказать, что Заявительница действительно высказала два оспоренных утверждения, тогда как суд принял ее авторство как должное.

15. 20 марта 2003 года Апелляционный суд также подтвердил принятое ранее постановление. Он отклонил апелляцию газеты как необоснованную и несвоевременную, никак не объяснив свое второе заключение.

II. Применимое национальное законодательство

16. Применимое национальное право было изложено в деле *Бусуйок против Молдовы (Busuioc v. Moldova)* от 21 декабря 2004 года, № 61513/00, § 39.

ПРАВО

17. Газета-заявитель обратилась с жалобой на нарушение своих прав, гарантированных статьей 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий.*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращений беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

I. Приемлемость

18. Суд отмечает, что в своих замечаниях от 4 сентября 2006 года Газета-заявитель обратилась к Суду с просьбой не рассматривать ее жалобы по статьям 6 и 13 Конвенции или статье 1 Протокола № 1 к Конвенции. В тех же самых замечаниях Заявительница просила Суд не рассматривать ее жалобу, поданную по статье 8 Конвенции, поскольку к этому времени она уже разрешила спор со своим соседом. Соответственно, Суд не будет рассматривать эти жалобы.

19. Суд считает, что жалоба заявителя по статье 10 Конвенции поднимает достаточно серьезные правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не

было. Поэтому Суд объявляет жалобу приемлемой. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этой жалобы.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

20. Стороны согласились с тем, что в данном деле имело место вмешательство в осуществление права Газеты-заявителя на свободу выражения мнения, что оно было «предписано законом» и преследовало законную цель в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Задача Суда состоит в определении того, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

21. Суд делает ссылки на применимые общие принципы, установленные в его судебной практике относительно свободы выражения мнения (см., среди многих других источников, постановления по делам «*Санди Таймс» против Великобритании (№1) (Sunday Times v. The United Kingdom)* от 26 апреля 1979 года, Серия А № 30; *Бусуйок против Молдовы* (*Busuioc v. Moldova*) от 21 декабря 2004 года, № 61513/00; и *Савицки против Молдовы (Savitchi v. Moldova)* от 11 октября 2005 года, № 11039/02).

22. Суд отмечает, что Газета-заявитель была обязана судом выплатить денежную компенсацию за свою неспособность доказать достоверность нескольких утверждений, содержавшихся в ее выпуске от 13 декабря 2001 года (см. пункт 9 выше). Газета-заявитель утверждала в национальных судах, что большинство высказанных утверждений являлись оценочными суждениями, достоверность которых нельзя доказать в принципе. В своей апелляции она привела несколько дополнительных фактов, которые, по ее мнению, подтверждали основательность сделанных оценочных суждений (см. пункт 14 выше).

23. Суд отмечает, что ни один из национальных судов не отреагировал на эти доводы, не пытался определить, можно ли было расценить какие-либо из соответствующих утверждений как оценочные суждения, или установить достоверность дополнительных фактов, представленных Газетой-заявителем в обоснование своей позиции. Суд напоминает о том, что существование фактов может быть установлено, в то время как оценочные суждения не подлежат

доказыванию. Требование доказать достоверность оценочного суждения выполнить невозможно, и оно нарушает саму свободу выражения мнения, которая представляет собой основополагающую часть права, закрепленного в статье 10 (см. постановления по делам *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 42, ЕСПЧ 2001-II, и дело *Бусуйок против Молдовы*, упомянутое выше, § 61), притом, что мнения, не имеющие достаточного фактического обоснования, также могут быть признаны чрезмерными (см. постановление по делу *Обершлик против Австрии (№ 2) (Oberschlik v. Austria)* от 1 июля 1997 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-IV, стр. 1276, § 33).

24. Суд считает, что фразы «*бывший государственный чиновник строит себе замки*» и «*экс-министр строительства Г.С. решил нажиться на несчастье других*» являются оценочными суждениями, выражавшими мнение газеты о строительной деятельности Г.С. и том, как она сказывалась на его соседях. К тому же, эти оценочные суждения основывались на фактах, которые не были доказаны как недостоверные, и некоторые из них упоминались в самой статье (см. пункт 10 выше), а некоторые прозвучали в ходе судебного процесса (см. пункт 14 выше). В таких обстоятельствах, Суд считает, что нельзя было ожидать от газеты предоставления доказательств достоверности своих оценочных суждений, и что, к тому же, ее мнения не были безосновательными.

25. Суд также отмечает, что национальные суды не отреагировали на подтверждения, представленные матерью Заявительницы, в отношении своих утверждений, опубликованных в газете. Суд считает, что в ситуации, когда к Газете-заявителю предъявлялись требования доказать достоверность ее утверждений, и одновременно с этим игнорировались ее попытки представить такие доказательства, и тем самым подтвердить их правдивость, выводы молдавских судов о порочащем характере указанных утверждений нельзя считать обоснованными, что необходимо в демократическом обществе (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии*, № 26958/95, § 45-46, ЕСПЧ 2001-II; дело *Савицки против Молдовы*, упомянутое выше, § 59; и дело *Бусуйок против Молдовы*, упомянутое выше, § 88).

26. Суд также принимает во внимание взвешенность тона статьи. Изложив позицию одной стороны, статья также проинформировала читателя о взгляде на произошедшие события противоположной

стороны, а также содержала ссылки на некоторые документы, из содержания которых следовало, что Заявительница также нарушила определенные правовые обязательства (см. пункт 10 выше). В свете вышесказанного, Суд одобряет добросовестность подхода газеты и то обстоятельство, что она действовала в соответствии с принципами ответственной журналистики (см. постановление по делу *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Trömsö and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 63, ЕСПЧ 1999-III), хотя и с использованием «некоторой степени преувеличения или даже провокации», что требовало защиты (см. постановление по делу *Прагер и Обершлик пр. Австрии (Prager and Oberschlik v. Austria)* от 26 апреля 1995 года, Серия А № 313, § 38).

27. Наконец, необходимо отметить, что в статье были подняты вопросы, вызывавшие большой общественный интерес, а именно, предполагаемые злоупотребления своим положением со стороны бывшего государственного служащего и неспособность правоохранительной системы отреагировать на эти злоупотребления должным образом. В статье также были непредвзято отражены взгляды третьих сторон. Это имеет непосредственное отношение к следующим фразам из статьи «*соседи говорят, что он сдает их и зарабатывает на этом огромные деньги*», «*он сказал [Заявительнице], что добьется своего любой ценой*» и что «*он сделает ее жизнь невыносимой*». Суд напоминает, что «*наказание журналиста за содействие в распространении утверждений, сделанных другим человеком, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идет об особо серьезных ситуациях*» (см. постановления по делам *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 года, Серия А № 298, § 35; и *Тома против Люксембурга (Toma v. Luxembourg)*, № 38432/97, § 62, ЕСПЧ 2001-III). Суд не усматривает наличия такой особо серьезной ситуации, которая бы оправдывала вмешательство в осуществление газеты своей свободы выражения мнения в данном деле, учитывая взвешенный тон статьи.

28. В свете вышесказанного, и учитывая, что любой остаточный ущерб репутации Г.С. был устранен незамедлительной публикацией извинения (см. пункт 7 выше), Суд приходит к выводу, что вмешательство не соответствовало острой общественной потребности,

и, следовательно, не было необходимым в демократическом обществе. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

29. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Материальный ущерб

30. Газета-заявитель потребовала 112 евро в качестве возмещения материального ущерба, соответствовавшего размеру выплаченной компенсации и судебных издержек.

31. Правительство заявило, что отсутствовала причинно-следственная связь между предполагаемым нарушением и иском о возмещении ущерба со стороны Газеты-заявителя.

32. Суд считает требование Газеты-заявителя о материальном ущербе обоснованным и удовлетворяет его в полном объеме.

B. Нематериальный ущерб

33. Газета-заявитель также потребовала 5000 евро за понесенный нематериальный ущерб, ссылаясь на компенсации, назначенные Судом в предыдущих разбирательствах дел по статье 10.

34. Правительство не согласилось, утверждая, что доказательств нанесенного нематериального ущерба представлено не было.

35. Принимая во внимание тот факт, что было установлено нарушение статьи 10 Конвенции, Суд считает, что назначение возмещения нематериального ущерба в данном деле оправдано. Проведя оценку справедливой компенсации, Суд назначает Газете-заявителю 3000 евро (см. дело *Савицки против Молдовы*, упомянутое выше, § 64;

Украинская медиа-группа против Украины (Ukrainian Media Group v. Ukraine) от 29 марта 2005 года, № 72713/01, § 75, и «*Коммерсант Молдовы» против Молдовы (Kommersant Moldovy v. Moldova)* от 9 января 2007 года, № 41827/02, §§ 49 и 52).

С. Издержки и расходы

36. Адвокат Газеты-заявителя потребовал 1665 евро на покрытие судебных издержек и расходов. Он представил подробную ведомость, в соответствии с которой он затратил на работу по делу 27,75 часов с почасовой ставкой в 60 евро. Расчеты в ведомости не включали в себя время, потраченное на рассмотрение жалоб по статьям 6, 8 и 13 и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, которые были впоследствии отозваны Газетой-заявителем.

37. В том, что касается почасовой ставки в 60 евро, адвокат утверждал, что ее размер находился в рамках, рекомендованных Ассоциацией адвокатов Молдовы, а именно 40-150 евро в час. Он также упомянул высокую стоимость жизни в Кишиневе, приведя в качестве примеров цены на жилье и бензин.

38. Правительство не согласилось с затребованной суммой на оплату представительских услуг в суде. Его представитель назвал ее чрезмерной и заявил, что сумма, затребованная адвокатом, не соответствовала той, которая была в действительности выплачена ему Газетой-заявителем. Правительство усомнилось в количестве часов, отработанных адвокатом Газеты-заявителя по делу и оспорило размер почасовой ставки оплаты. Оно также заявило, что размеры почасовой ставки, рекомендованные Ассоциацией адвокатов Молдовы, были слишком высоки, учитывая уровень среднемесячной заработной платы в Молдове, и напомнило о некоммерческом характере организации «Адвокаты за права человека».

39. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, *Амихалакьоае против Молдовы (Amihalachioaie v. Moldova)*, № 60115/00, § 47, ЕСПЧ 2004-III).

40. Компенсация судебных издержек не может быть ограничена теми суммами, которые заявитель уже выплатил своему адвокату; по

существу, подобный подход лишил бы многих адвокатов мотивации представлять в суде менее состоятельных заявителей. В любом случае, Суд всегда назначал компенсацию судебных издержек и расходов в ситуациях, в которых заявители не выплачивали никаких сумм своим адвокатам до того, как Суд выносил свое решение (см., среди прочих источников *Илашку и другие против Молдовы и России (Ilaşcu and Others v. Moldova)* [БП], № 48787/99, § 493, ЕСПЧ 2004-VII, и *Христианская демократическая народная партия против Молдовы (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, § 85, ЕСПЧ 2006-...).

41. В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости и сложность дела, Суд назначает адвокату Газеты-заявителя 1000 евро в качестве компенсации издержек и расходов.

D. Процентная ставка

56. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*,

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции, 112 евро (сто двенадцать евро) в качестве компенсации материального ущерба, 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации нематериального ущерба, и 1000 евро (одну тысячу евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов в переводе на национальную валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на сумму, указанную выше, выплачиваются

простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

4. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Газеты-заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 23 октября 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Т. Л. Эли — Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2008

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЛУКС ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Flux v. Moldova)

(жалоба № 28702/03)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2007 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Евпрпейского Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

В июле 2001 года в молдавской газете «Флукс» была опубликована статья под заголовком «На деньги Л. коммунисты В.Степанюк и В. Мишин устроили шумную вечеринку в «Джолли Алон». Статья, содержащая фотографии двух парламентариев друг с другом, информировала читателей об изменениях, внесенных в Закон о бюджете, и о преимуществах, которые эти изменения дадут нескольким крупным импортерам топлива, имеющим связи с Таможенным департаментом, и породят недобросовестную конкуренцию. В статье также сообщаолось, что «*коммунисты В. Степанюк и В. Мишин, оставив пролетарское приличие, устроили шумную вечеринку на деньги акул из «Л.*» (компания «Л.» - главный импортер топлива в Молдову). Далее в статье приводились законодательные планы коммунистической партии и, как следствие, льготы, предоставленные крупным импортерам топлива за счет обычных рабочих.

Г-н Степанюк, лидер Коммунистической парламентской фракции, подал иск против газеты-заявителя, сочтя порочащими опубликованные сведения.

Председатель Буюканского районного суда И. М., рассматривая дело по существу, осудил использование слухов в качестве основы журналистики и установил, что газета-заявитель действовала

недобросовестно. Суд принял во внимание «резкие выпады» в адрес г-на Степанюка, огромную аудиторию читателей газеты и «степень моральных и нравственных страданий», причиненных истцу публикацией. Кроме того, суд счел, что тот факт, что г-н Степанюк являлся членом парламента и лидером парламентской фракции «усилил степень нанесенного морального вреда», и как следствие, было назначено максимально допустимая финансовая компенсация. Суд также обязал газету-заявителя опубликовать извинение и покрыть судебные издержки (в общей сложности 3 690 молдавских леев, что было равнозначно 278 евро по курсу на момент рассмотрения дела).

Обжалуя решение суда, газета-заявитель утверждала, что оспариваемые фразы являлись оценочными суждениями и были основаны на фактах.

Газета-заявитель также утверждала, что судья И. М. не был независимым и беспристрастным, потому что он был другом г-на Степанюка и был назначен председателем Буюканского районного суда парламентской группой Коммунистической партии. Кроме того, большая часть дел о защите чести и достоинства, с участием газеты «Флукс» и г-на Степанюка были рассмотрены лично им, и его решения были стереотипными и недостаточно обоснованными. По другим делам о защите чести и достоинства, с участием газеты «Флукс» и членов Правительства, судья И.М. всегда выносил решение в пользу последних и назначал максимальный размер компенсации вреда, который предусматривался законом.

Тем не менее, Областной Суд поддержал решение суда первой инстанции, сочтя его законным и обоснованным. По словам заявителя, и суд первой и суд вышестоящей инстанции провели лишь по одному заседанию, которое длилось не более 15 минут, при этом газете-заявителю не было задано ни одного вопроса.

Апелляционный суд поддержал ранее принятые решения судов, установив, что они были законны и основаны на представленных по делу доказательствах. Никаких комментариев по поводу отсутствия беспристрастности судьи И.М. дано не было.

Оценка Европейского Суда:

Стороны и Суд согласились с тем, что решения национальных судов и назначенное Заявителю возмещение ущерба представляли собой «вмешательство государства» в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения в соответствии с первым пунктом статьи 10. Данное вмешательство было «предписано законом» и служило законной цели – защиты репутации г-на Степанюка.

Суд в качестве основного принципа, применимого в настоящем деле отметил, что политик должен проявлять большую степень терпимости к критике в свой адрес. А г-н Степанюк был очень высокопоставленным политиком.

Анализируя содержание спорных сведений, Суд пришел к выводу, что они содержат не только утверждения о фактах, как сочли национальные суды, но и оценочные суждения, которые не могли быть проверены на соответствие действительности.

С другой стороны, Суд счел сведения о том, что вечеринка была проведена *«на деньги акул из «L.»,* утверждением о факте, который подлежит доказыванию, и который, как было установлено национальными суда, не был доказан газетой-заявителем. В этой связи Суд напомнил, что свобода выражения мнения не является свободой абсолютной, ничем не ограниченной:

> *«Статья 10 Конвенции не гарантирует ничем не ограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения прессой вопросов, вызывающих серьезную общественную озабоченность. В соответствии с формулировкой пункта 2 этой статьи, осуществление этой свободы, налагает «обязанности и ответственность», что относится и к прессе. Эти «обязанности и ответственность» приобретают значимость, когда, как в данном деле, рассматривается вопрос о нападках на репутацию частных лиц и умалении «прав других людей». По причине существования этих «обязанностей и ответственности» неотъемлемых от осуществления свободы выражения мнения, защита, гарантированная в статье 10 журналистам при освещении тем, представляющих всеобщий интерес, обусловлена их добросовестностью в стремлении*

предоставить точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой». (п. 30 постановления)

Несмотря на то, что газета не соблюла полностью вышеприведенные требования, Суд принял во внимание давность описываемых событий, а, соответственно, и трудность их доказывания, а также то, что причиненный г-ну Степанюку вред по прошествии указанного времени должен был сойти на нет.

Подытоживая, Суд также учел важность поднятой в статье проблемы, и тот факт, что большая часть статьи, как было установлено, соответствовала действительности и не носила оскорбительный характер, а также Суд принял во внимание максимальный размер компенсации, назначенной национальными судами.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ФЛУКС ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Flux v. Moldova)

(жалоба № 28702/03)

Постановление Суда
Страсбург, 23 октября 2007 года

По делу «Флукс против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель*,
г-н Ж. Касадеваль,
г-н К. Трайа,
г-н С. Павловский,
г-н Л. Гарлицки,
г-жа Л. Мийович,
г-жа П. Хирвелаа, *судьи*,

а также г-н Т. Л. Эли, *Секретарь Секции*,

Проведя 23 октября 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 28702/03) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») молдавской газетой «Флукс» (далее - «Заявитель»), 10 июля 2003 года.

2. Интересы заявителей представлял г-н В. Грибинча из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдавское правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его право на свободу выражения мнения было нарушено вследствие судебных решений, вынесенных в отношении него в ходе судебного разбирательства по иску о защите чести и достоинства.

4. Заявление было передано в Четвертую Секцию Суда. 13 февраля 2006 года Суд принял решение коммуницировать жалобу Правительству. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было решено рассмотреть жалобу по существу одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. Обстоятельства дела, как они изложены сторонами, могут быть кратко изложены следующим образом.

6. 19 июля 2001 года Парламент Молдовы принял поправки к Закону о бюджете, принятому в 2001 году, которые позволяли Таможенному департаменту откладывать взимание налогов на топливо, ввозимое в Молдову, на срок до трех месяцев. Вечером того же дня, лидер коммунистического большинства в Парламенте (г-н В. Степанюк) встретился с заместителем Спикера Парламента (г-ном В. Мишиным) за ужином в ресторане роскошной гостиницы в Кишиневе. По словам газеты-заявителя, источники, пожелавшие остаться неизвестными, подтвердили, что ужин был оплачен компанией «Л.», главным импортером топлива в Молдову.

7. 24 июля 2001 года в газете была опубликована статья под заголовком «На деньги Л. коммунисты В.Степанюк и В. Мишин устроили шумную вечеринку в «Джолли Алон». Статья, содержащая фотографии двух парламентариев друг с другом, информировала читателей об изменениях, внесенных в Закон о бюджете, и о преимуществах, которые эти изменения дадут нескольким крупным импортерам топлива, имеющим связи с Таможенным департаментом, и породят недобросовестную конкуренцию. В статье утверждалось, что задержка уплаты налогов представляет собой своего-рода кредит

от государства без процентов и гарантий и отвергает разъяснение этой поправки, данное одним из членов Парламента.

В одном из абзацев статьи говорилось:

> *«Следует заметить, что вечером того же дня в гостинице «Джолли Алон» коммунисты В. Степанюк и В. Мишин, оставив пролетарское приличие, устроили шумную вечеринку на деньги акул из «Л.» Была ли эта вечеринка простым совпадением? Мы не знаем».*

Далее в статье приводились законодательные планы коммунистической партии и, как следствие, льготы, предоставленные крупным импортерам топлива за счет обычных рабочих.

8. 8 июля 2002 года г-н Степанюк, лидер Коммунистической парламентской фракции, которая, в то время, имела 71 голос от общего числа в 101 голос в Парламенте, подал иск против газеты-заявителя, сочтя порочащими сведения в вышеприведенном абзаце. Он не оплатил пошлину при подаче иска, не появился ни на одном из слушаний по делу и не делегировал никого для представления своих интересов в суде.

9. 1 августа 2002 года судья И. М., занимая на момент рассмотрения дела должность председателя Буюканского районного суда, установил, что заявитель по существу утверждал, что г-н Степанюк *«голосовал за законы в интересах нескольких частных компаний, а затем устроил вечеринку на их деньги»*. Суд осудил использование слухов в качестве основы журналистики и установил, что газета-заявитель действовала недобросовестно. Суд принял во внимание «резкие выпады» в адрес г-на Степанюка, огромную аудиторию читателей газеты и «степень моральных и нравственных страданий», причиненных истцу публикацией. Кроме того, суд счел, что тот факт, что г-н Степанюк являлся членом парламента и лидером парламентской фракции «усилил степень нанесенного морального вреда», и как следствие, было назначено максимально допустимая финансовая компенсация.

10. Суд удовлетворил иск г-на Степанюка и обязал газету-заявителя, в соответствии со статьями 7 и 7 § 1 Гражданского Кодекса, опубликовать извинение и выплатить истцу максимальную компенсацию морального вреда, предусмотренную законом, а также

покрыть судебные издержки (в общей сложности 3 690 молдавских леев, что было равнозначно 278 евро по курсу на момент рассмотрения дела). По словам заявителя, суд провел одно заседание, которое длилось менее 15 минут и газете-заявителю не было задано ни одного вопроса.

11. В своей апелляционной жалобе газета-заявитель утверждала, что оспариваемые фразы являлись оценочными суждениями, достоверность которых не может быть доказана, и что эти мнения были основаны на фактах, а именно, что вечеринка имела место в указанном отеле в указанный в статье день, что не оспаривалось, а также поправки к закону, принятые Парламентом. Кроме того, учитывая период времени, который прошел после публикации статьи, заявитель не мог представить доказательств того, что этих лиц видели в ресторане отеля, где они устроили вечеринку, или подтвердить источник оплаты данной вечеринки. Газета-заявитель также утверждала, что судья И.М. не был независимым и беспристрастным, потому что он был другом г-на Степанюка и был назначен председателем Буюканского районного суда парламентской группой Коммунистической партии. Большая часть дел о защите чести и достоинства, с участием газеты «Флукс» и г-на Степанюка были рассмотрены лично им, и его решения были стереотипными и недостаточно обоснованными. По другим делам о защите чести и достоинства, с участием газеты «Флукс» и членов Правительства, судья И.М. всегда выносил решение в пользу последних и назначал максимальный размер компенсации вреда, который предусматривался законом.

12. 30 января 2003 года Областной суд г. Кишинева установил, что газета-заявитель пропустила срок подачи апелляционной жалобы на решение, однако изучил существо дела. Суд поддержал решение суда первой инстанции, сочтя это решение законным и обоснованным. Суд не отреагировал на жалобу заявителя по поводу отсутствия беспристрастности со стороны судьи И. М. Заседание длилось менее 10 минут и газете-заявителю не было задано ни одного вопроса.

13. В кассационной жалобе газета-заявитель сослалась на статью 10 Конвенции и указала, что национальные суды не смогли разграничить оценочные суждения и утверждения о фактах. Кроме того, суды не выслушали показаний истца и не приняли во внимание его статус общественного деятеля, что должно было сузить рамки вмешательства

в право заявителя на свободу выражения мнения, а также не учли особую роль, которую играет пресса в демократическом обществе. Наконец, суды первой инстанции не отреагировали на большинство аргументов, приведенных заявителем.

14. 1 апреля 2003 года Апелляционный суд поддержал решения судов более низких инстанций, установив, что они были законны и основаны на представленных по делу доказательствах. Никаких комментариев по поводу отсутствия беспристрастности судьи И.М. дано не было.

II. Применимое национальное законодательство

15. Правовые нормы национального законодательства, имеющие отношение к делу, были изложены в постановлении по делу *Бусуйок против Молдовы* (*Busuioc v. Moldova,* № 61513/00, пункты 39-40, 21 декабря 2004 года).

ПРАВО

16. Заявитель обратился с жалобой по статье 6 Конвенции на то обстоятельство, что постановления национальных судов никак не были обоснованы, и что судья И. М. в суде первой инстанции не был независимым и беспристрастным. Относящаяся к делу часть статьи 6 гласит следующее:

> *«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях… имеет право на справедливое… разбирательство дела… независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».*

17. Заявитель также обратился с жалобой по статье 10 Конвенции на то, что решения национальных судов повлекли за собой вмешательство в осуществление его права на свободу выражения мнения, и это вмешательство нельзя было расценить как необходимое в демократическом обществе. В статье 10 говорится:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без*

какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...
2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

18. В заключение, Заявитель обратился с жалобой на нарушение его прав, гарантированных статьей 13 Конвенции вместе со статьей 10 Конвенции. Статья 13 предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

I. Приемлемость жалоб

A. Жалобы по статьям 6 и 13 Конвенции и статьи 1 Протокола №1 Конвенции

19. Изначально, Заявитель подал жалобу по статьям 6 и 13 Конвенции и статье 1 Протокола № 1 Конвенции. Однако, в своих замечаниях по приемлемости жалобы и по существу дела, Заявитель обратился к Суду с просьбой не рассматривать эти жалобы. В отношении жалобы по статье 6 Конвенции, Правительство просило Суд отклонить просьбу Заявителя, а что касается отсутствия независимости и беспристрастности со стороны судьи И.М., установить, что нарушение Конвенции не имело место. Ввиду четкой и недвусмысленной формулировки просьбы, в обстоятельствах настоящего дела Суд не находит оснований для того, чтобы рассматривать указанные жалобы.

B. Жалобы по статьям 10 и 6 Конвенции

20. Суд считает, что жалоба Заявителя по статье 10 Конвенции и жалоба по статье 6 относительно недостаточности оснований для принятия национальными судами известных постановлений поднимают достаточно серьезные правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не было. Поэтому Суд объявляет жалобы в этой части приемлемыми. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этих жалоб.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

A. Аргументы сторон

21. Заявитель обжаловал нарушение его права на свободу выражения мнения. Заявитель сослался на судебную практику Суда, касающуюся разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах, особой роли, отводимой прессе в демократическом обществе, и более широким границам допустимой критики, которой политические деятели сознательно выставляют свои слова и поступки. Заявитель указал суровость назначенного судами наказания, которое было максимально возможным по закону. Заявитель также отметил, что г-н Степанюк подал иск спустя год после публикации статьи, и что в законодательстве Молдовы не установлены сроки подачи исковой давности, что налагало чрезмерное бремя на СМИ в плане хранения документов и свидетельств прошлых событий, которые случились давно. В заключение, заявитель сослался на добросовестность газеты при освещении общественно значимого вопроса.

22. Правительство утверждало, что решения судов были обоснованны; в своих решениях суды учли два спорных интереса, право на свободу выражения мнения и защиту репутации, и установили, что была “острая общественная потребность” в назначении компенсации, которую газета-заявитель должна была выплатить истцу. Суды, действующие в рамках свободы усмотрения, сочли, что газета-заявитель перешла границы допустимой критики, сделав необоснованные нападки в адрес г-на Степанюка. Несмотря на то, что суды признавали особую роль прессы в демократическом обществе,

они сослались на существование “особых обязанностей и обязательств”, сопряженных с выполнением этой роли.

B. Оценка Суда

23. Стороны и Суд согласились с тем, что решения национальных судов и назначенное Заявителю возмещение ущерба представляли собой «вмешательство государства» в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения в соответствии с первым пунктом статьи 10. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если только оно не «предписано законом», не преследует одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 данной статьи, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предписано законом»

24. Суд отмечает, что обжалованное вмешательство имело юридическое основание, а именно, статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса (см. пункт 10 выше). В своем постановлении по делу *Бусуйок против Молдовы* (упомянутом выше, § 52-54), Суд установил, что эти положения законодательства Молдовы были доступны и предсказуемы. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что в данном деле вмешательство было «предписано законом» в смысле пункта 2 статьи 10.

2. «Законная цель»

25. Стороны не оспаривают, а Суд соглашается с тем, что вмешательство служило законной цели защиты репутации г-на Степанюка. Следовательно, остается ответить на вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

3. «Необходимость в демократическом обществе»

(a) Общие принципы

26. Соответствующие общие принципы были суммированы в деле *Бусуйок против Молдовы* (упомянутом выше, §§ 56-62) и *Савицки против Молдовы (Savitchi v. Moldova)* от 11 октября 2005 года, № 11039/02, §§ 43-50.

27. Кроме этого, Суд напоминает о том, что в деле *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* (постановление от 8 июля 1986 г., серия А № 103, § 42), было решено следующее:

> *«[политик] неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости. Нет сомнений, что пункт 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т.е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам».*

(b) Применение вышеуказанных принципов в данном деле

28. В настоящем деле Суд отмечает, что заявитель понес ответственность за причинение вреда, поскольку не смог доказать, что сведения, опубликованные в статье от 24 июля 2001 года, соответствуют действительности (см. пункт 7 выше). Газета-заявитель отстаивала в национальных судах, что оспариваемые сведения являлись оценочными суждениями, достоверность которых, в принципе, не может быть доказана. Национальные суды никак не прокомментировали данные заявления.

29. Суд полагает, что абзац, выделенный судами в своих решениях, содержит как утверждения о фактах («вечером того же дня в гостинице «Джолли Алон», коммунисты В. Степанюк и В. Мишин... устроили ... вечеринку на деньги акул из «Л.») и оценочные суждения (характеристика вечеринки как «шумная», утверждение, «оставив пролетарское приличие» и вопрос «Была ли эта вечеринка простым совпадением? Мы не знаем.»). Суд отмечает, что национальные суды сочли все сведения в абзаце несоответствующими действительности, включая вышеупомянутые оценочные суждения. Суд повторяет, что существование фактов может быть доказано, в то время как соответствие оценочных суждений действительности доказано быть не может. Требование доказать соответствие оценочных суждений действительности невыполнимо и нарушает свободу выражения мнения, как таковую, - а она является основной частью права,

гарантируемого статьей 10 (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 42, ECHR 2001-II, и *Бусуйок*, приведенное выше, § 61), хотя мнения, не имеющие достаточной фактической основы, могут также быть чрезмерными (постановление по делу *Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Австрия)* (№ 2) от 1 июля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, стр. 1276, § 33). Из этого следует, что от заявителя было невозможно требовать доказательств соответствия действительности своих собственных мнений об опубликованных фактах. К тому же, национальные суды не сочли неправильными утверждения о фактах, что вечеринка состоялась в указанном отеле, и что были приняты поправки к закону, как описывалось в статье.

30. С другой стороны, Суд считает сведения о том, что вечеринка была проведена *«на деньги акул из «L.»*, являются утверждением о факте, который подлежит доказыванию, и который, как было установлено национальными суда, не был доказан газетой-заявителем. Суд напоминает, что:

> *«Статья 10 Конвенции не гарантирует ничем не ограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения прессой вопросов, вызывающих серьезную общественную озабоченность. В соответствии с формулировкой пункта 2 этой статьи, осуществление этой свободы, налагает «обязанности и ответственность», что относится и к прессе. Эти «обязанности и ответственность» приобретают значимость, когда, как в данном деле, рассматривается вопрос о нападках на репутацию частных лиц и умалении «прав других людей». По причине существования этих «обязанностей и ответственности» неотъемлемых от осуществления свободы выражения мнения, защита, гарантированная в статье 10 журналистам при освещении тем, представляющих всеобщий интерес, обусловлена их добросовестностью в стремлении предоставить точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой (см. постановление по делу Савицки против Молдовы (Savitchi v. Moldova) от 11 октября 2005 года, № 11039/02, § 46).*

31. Из материалов дела следует, что в настоящем деле газета-заявитель не соблюла полностью требования, приведенные выше, в

отношении некоторых фактов, изложенных в статье. Однако, Суд принимает во внимание утверждение заявителя о том, что было невозможно доказать, спустя год после событий, все факты (см. пункт 11 выше), а также то, что национальные суды не учли это обстоятельство. Суд полагает, что с учетом прошедшего времени, мало того, что СМИ было трудно доказать факты, которые легли в основу статьи, так и вред, причиненный указанному лицу вследствие опубликования якобы порочащих сведений, должен был сойти на нет (сравните с постановлением по делу *Эдисьонс Плон против Франции* (*Editions Plon v. France)*, № 58148/00, § 53, ECHR 2004-IV).

32. Суд отмечает, что статья была написана журналистом, и напоминает о чрезвычайно важной роли прессы в демократическом обществе по распространению идей и мнений по политическим и другим вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу *«Санди таймс» против Соединенного Королевства (№ 1) (Sunday Times v. The United Kingdom)* от 26 апреля 1979 года, серия А № 30, § 65). Суд также напоминает о том, что государства имеют очень узкие пределы усмотрения в делах, касающихся политиков (см. пункт 27 выше) и отмечает, что г-н Степанюк во время происходивших событий был очень высокопоставленным политиком.

33. Далее Суд отмечает, что статья, в целом, поднимала вопрос, представляющий общественный интерес, а именно, предполагаемое использование законодательной власти для предложения налоговых льгот, дающих внеконкурентные преимущества некоторым фирмам, и планирования дальнейших поправок к закону, ведущим к убыткам со стороны обычных рабочих. Следовательно, статья была опубликована в рамках общественной дискуссии по данной проблеме, а значит, ее содержание подпадает под защиту статьи 10 Конвенции (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании* (*Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 года, Series A № 298, § 33). Установлено, что ни один из других фактов, опубликованных в статье, не был недостоверным, что говорит о том, что статья, в целом, имела достаточную фактическую основу.

34. Суд, наконец, еще раз напоминает, что суровость наказания также является частью критериев для проверки пропорциональности вмешательства по статье 10 (см. постановление по делу *Толстой-Милославский против Великобритании (Tolstoy Miloslavsky v. the*

United Kingdom) от 13 июля 1995 года, Series A no. 316-B, § 51; постановление по делу *Карата и Сари против Франции* (*Karatas and Sari v. France)* от 16 мая 2002 года, № 38396/97, § 53). Суд отмечает, что суды присудили г-ну Степанюку максимальную сумму компенсации вреда, которая возможна по закону (см. пункт 10 выше), несмотря на то, что они не выслушали его пояснений, чтобы оценить размер причиненного ему морального вреда.

35. Учитывая важность поднятой в статье проблемы, которая была опубликована в газете-заявителе, и тот факт, что большая часть статьи, как было установлено, соответствовала действительности и не носила оскорбительный характер, то, что заявитель столкнулся с особыми трудностями при доказательстве достоверности событий, которые случились задолго до начала судебного разбирательства, что вред, причиненный истцу, существенно ослаб с течением времени, что некоторые из сведений, за которые заявитель понес ответственность, являлись оценочными суждениями, не подлежащими доказательству, и принимая во внимание размер компенсации, назначенной национальными судами, Суд приходит к выводу, что вмешательство не отвечало острой общественной потребности и, таким образом, не было необходимым в демократическом обществе. Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции

36. Газета-заявитель также утверждала, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции на том основании, что национальные суды не смогли обосновать принятые ими решения. Поскольку эта жалоба не поднимает вопроса отдельного от того, который рассматривался в связи со статьей 10 выше, Суд не считает необходимым рассматривать его отдельно.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

37. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в*

случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Материальный ущерб

38. Заявитель потребовал 278 евро в качестве возмещения материального ущерба, который складывался из суммы, выплаченной им ранее.

39. Правительство утверждало, что не было причинной связи между оспариваемым нарушением и требованиями, выдвинутыми заявителем.

40. Суд считает требование Заявителя о возмещении материального ущерба полностью обоснованным и удовлетворяет его в полной мере.

B. Моральный ущерб

41. Заявитель потребовал 10000 евро в качестве возмещения морального ущерба, опираясь на практику присуждения Судом сумм компенсаций в делах по статье 10.

42. Правительство оспорило это требование, заявив, что оно необоснованно.

43. Учитывая факт нарушения статьи 10 Конвенции, установленный выше, Суд считает оправданным присуждение компенсации морального ущерба в данном деле. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Газете-заявителю 3000 евро (см. постановление по делу *Савицки*, приведенное выше, § 64; *Украинская Пресс Группа против Украины* (*Ukrainian Media Group v. Ukraine)* от 29 марта 2005 года, № 72713/01, § 75, и *Коммерсант Молдовы против Молдовы* (*Kommersant Moldovy v. Moldova)* от 9 января 2007 года, № 41827/02, §§ 49 и 52).

C. Издержки и расходы

44. Адвокат Газеты-заявителя потребовал 2500 евро на покрытие судебных издержек и расходов, понесенных в Суде. Он представил подробную ведомость, в соответствии с которой время работы над делом составило 41.67 часов, почасовая ставка равнялась 60 евро.

Расчеты в ведомости не включали в себя время, потраченное на рассмотрение жалоб по статьям 6, 8 и 13 и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, которые были впоследствии отозваны Газетой-заявителем.

45. Правительство не согласилось с затребованной суммой на оплату представительских услуг в суде. Его представитель назвал ее чрезмерной и заявил, что сумма, затребованная адвокатом, не соответствовала той, которая была в действительности выплачена ему Газетой-заявителем. Правительство усомнилось в количестве часов, отработанных адвокатом Газеты-заявителя по делу и оспорило размер почасовой ставки оплаты. Оно также заявило, что размеры почасовой ставки, рекомендованные Ассоциацией адвокатов Молдовы, были слишком высоки, учитывая уровень среднемесячной заработной платы в Молдове, и напомнило о некоммерческом характере организации «Юристы за права человека».

46. В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости и сложность дела, Суд назначает адвокату Газеты-заявителя 1000 евро в качестве компенсации издержек и расходов.

C. Проценты за просрочку

47. Суд считает целесообразным установление процента на основании предельной ставки по кредиту Европейского Центрального Банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу по статье 10 Конвенции и пункту 1 статьи 6 Конвенции в части необоснованности вынесенных национальными судами решений приемлемой;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет,* что необходимости в отдельном рассмотрении жалобы по пункту 1 статьи 6 Конвенции не было;
4. *Постановляет*,

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44

Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета:

(i) 278 евро (двести семьдесят восемь евро) в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба;

(iii) 1000 евро (одну тысячу восемьсот евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(iv) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше.

(b) на указанную сумму начисляется простой процент в размере 3% годовых, который подлежит уплате по прошествии вышеупомянутого трехмесячного срока вплоть до погашения задолженности;

5. *Отклоняет* остальную часть иска Газеты-заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 20 ноября 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Т. Л. Эли — Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2009

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЛУКС» ПРОТИВ МОЛДОВЫ» (№ 2)
(Flux v. Moldova (№ 2))

(жалоба № 31001/03)

Постановление Суда
Страсбург, 3 июля 2007 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

Газета «Флукс» опубликовала анонс статьи под названием «Красные миллионеры», готовящейся к выходу в одном из следующих номеров, вместе с кратким изложением ее содержания, сопровождавшимся большой фотографией лидера парламентской группы коммунистической партии Виктора Степанюка в шляпе-цилиндре. В анонсе сообщалось о намерении коммунистов осуществить кампанию по ликвидации консервного завода, а также о том, что некий член парламента (чьи инициалы были указаны в заметке) извлекает из этой аферы максимальную выгоду.

На следующий день г-н Степанюк подал иск о диффамации против газеты и автора статьи, считая, что ответчики распространили информацию, порочащую его как гражданина, члена парламента и лидера парламентской группы коммунистической партии.

Позднее «Флукс» опубликовала ранее анонсированную статью. Ее содержание было основано на информации, полученной от заместителя исполнительного директора консервного завода и касалось событий, связанных с предполагаемыми попытками парламентария-коммуниста (М. А.) организовать банкротство завода с тем, чтобы его впоследствии продать.

Председатель Буюканского районного суда, рассматривавшего дело, удовлетворил исковые требования г-на Степанюка, сославшись на непредоставление ответчиками доказательств достоверности своих обвинений. Доводы заявителя о том, что оспариваемые сведения не относятся к истцу, поскольку в статье не указано его имя, а фотография в лице Степанюка лишь олицетворяет парламентскую фракцию коммунистов, был признан не обоснованным, поскольку фотография, по мнению суда, очевидно, указывала на то, что клеветнические и ложные сведения направлены именно против г-на Степанюка. Суд обязал газету и автора статьи опубликовать извинение и выплатить компенсацию морального вреда в эквиваленте равном 270 евро.

Оценка Европейского Суда:

Суд напомнил о чрезвычайной важной роли прессы в распространении идей и мнений по политическим и другим вопросам, представляющим общественный интерес, о том, что государства имеют очень узкие рамки свободы усмотрения в делах, касающихся политиков, а также указал, что спорные утверждения были основаны на информации, исходившей из надежного источника (п. 42 постановления).

Суд согласился с доводами заявителей о том, что отсутствовала очевидная связь между фотографией г-на Степанюка и текстом статьи и о том, что оспариваемая статья была всего лишь анонсом и представляла собой фактически вывод автора по всей опубликованной впоследствии информации. В свою очередь, информация в полной публикации основывалась на сообщениях исполнительного директора завода, и не была никем опровергнута, не оспаривалась как клеветническая или ложная. Именно на это, национальным судам и следовало бы обратить внимание (п. 43 постановления).

Помимо этого, Суд напомнил о непоследовательности позиции Суда, который, с одной стороны, требует доказательств достоверности опубликованных сведений, а, с другой, - лишает его действительной возможности это сделать, что, несомненно, является *«несоразмерным вмешательством в осуществление права на свободное выражение мнения»*.

Учитывая характер спорных утверждений, то обстоятельство, что свобода журналиста также допускает определенную долю преувеличения или даже провокации, и, взвесив различные интересы, представленные в данном деле, Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ФЛУКС» ПРОТИВ МОЛДОВЫ» (№ 2)

(Flux v. Moldova (№ 2))

(жалоба № 31001/03)

Постановление Суда
Страсбург, 3 июля 2007 года

По делу «Флукс» против Молдовы» (№ 2) Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель,*
г-н Ж. Касадеваль,
г-н Дж. Бонелло,
г-н К. Трайа,
г-н С. Павловский,
г-н Я. Шикута,
г-жа П. Хирвелаа, *судьи,*

а также г-н Т. Л. Эли, *Секретарь Секции*,

Проведя 12 июля 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано после подачи жалобы (№ 31001/03) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») кишиневской газетой «Флукс» (далее - «Заявитель»), 15 сентября 2003 года.

2. Интересы заявителей представлял г-н В. Грибинча из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдавское правительство (далее -

«Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его право на свободу выражения мнения было нарушено вследствие предъявленного ему обвинения в клевете на политика.

4. 9 февраля 2006 года Суд принял решение довести заявление до сведения Правительства. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было решено рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. 19 июня 2002 года «Флукс» опубликовала на первой странице анонс статьи «Красные миллионеры», которая готовилась к выходу в одном из следующих номеров, вместе с кратким изложением ее содержания, сопровождавшимся большой фотографией лидера парламентской группы коммунистической партии, Виктора Степанюка, в шляпе-цилиндре на голове.

6. Краткое изложение статьи было следующим:

> *«Коммунисты хотят продать по частям консервный завод Anenii Noi (Новые Анены).*
>
> *Завод Anenii Noi (Новые Анены) остается единственным еще уцелевшим предприятием. Остальные заводы уже распроданы по частям. С момента прихода коммунистов к власти, была начата кампания по ликвидации этого завода. Некоторые члены парламента Молдовы намерены демонтировать его и продать по частям. Источники на заводе сообщили нашей газете о том, что член парламента М. А., который возглавляет район Anenii Noi (Новые Анены), при поддержке главных кредиторов ... стоит за этой аферой. Обладая огромным влиянием и парламентским иммунитетом, он хочет набить свои карманы от продажи завода.*

В настоящее время завод не действует и несет значительные потери, и указанный член парламента извлекает из этой ситуации максимальную пользу. Поскольку завод не работает и не приносит прибыли, его акционеры хотят его ликвидировать. Проблема в том, что завод мог бы работать, если бы его акционеры не препятствовали администрации завода.

(Полная версия статьи о данном деле будет опубликована в пятницу на стр. 5)».

7. На следующий день, 20 июня 2002 года, г-н Степанюк подал гражданский иск против газеты и автора статьи. Он заявил, помимо прочего, что:

«... ответчики распространили информацию, порочащую меня как гражданина, члена парламента и лидера парламентской группы коммунистической партии...

... статья, сопровождавшаяся моей фотографией, содержит следующие клеветнические утверждения: «Коммунисты хотят продать по частям консервный завод Anenii Noi (Новые Анены)» ... «С момента прихода коммунистов к власти, была начата кампания по ликвидации этого завода. Некоторые члены парламента Молдовы намерены демонтировать его и продать по частям».

Опубликовывая эту статью, ответчики действовали недобросовестно, дезинформируя общественность о моих действиях в качестве члена парламента, а также о деятельности парламентской группы коммунистической партии, которую я представляю, обвинив нас в уничтожении предприятия, являющегося частью национальной экономики».

8. 21 июня 2002 года газета «Флукс» опубликовала статью, анонсированную в номере от 19 июня. Содержание статьи было основано на информации, полученной от В.Н., заместителя исполнительного директора консервного завода Anenii Noi (Новые Анены), и касалось событий, связанных с предполагаемыми попытками парламентария-коммуниста (М.А.) организовать банкротство завода с целью его продажи. В статье говорилось о том,

что указанный парламентарий использовал для этой цели налоговый и другие государственные органы, и что он (М. А.) сказал В. Н. о том, что его действия поддерживает парламентская группа коммунистической партии. По словам В. Н. три других завода на территории региона уже были объявлены банкротами и проданы подобным же образом.

9. 1 августа 2002 года судья И. М., который одновременно являлся председателем Буюканского районного суда, вынес решение в пользу г-на Степанюка, обосновав его следующим образом:

> *«Из содержания и смысла статьи [от 19 июня 2002 г.] ясно, что «Флукс» и автор статьи выдвинули клеветнические и ложные обвинения против г-на Степанюка, в частности, утверждая, что он, будучи членом парламента и лидером парламентской группы коммунистической партии, предпринял действия, направленные на разрушение предприятия, составляющее часть национальной экономики республики Молдова, ради личной наживы.*
>
> *К тому же, статья сопровождалась фотографией истца.*
>
> *Ответчики не представили в статье никаких доказательств достоверности своих обвинений.*
>
> *В таких обстоятельствах, суд считает необходимым указать, что любая статья должна быть достоверной и содержать только точные и правдивые сведения, соответствующие действительности, а не основанные на слухах, анонимных письмах или плохо проверенной информации из ненадежных источников.*
>
> *Однако ответчики, вопреки здравому смыслу, оклеветали истца.*
>
> *Таким образом, ответчики явно переступили границы конструктивной критики публичных лиц необходимой в демократическом обществе.*
>
> *По мнению суда, то обстоятельство, что имя истца не было названо в статье, не имеет решающего значения, поскольку его фотография и само содержание статьи ясно*

свидетельствуют о том, против кого она была направлена. Таким образом, ему были причинены душевные страдания, за которые ответчикам следует отвечать.

При определении размера компенсации за причинение морального ущерба, суд принимает во внимание значительную резкость выпада в сторону г-на Степанюка, большое количество читателей газеты и степень страданий, причиненных истцу.

Суду также следует принять во внимание общественные функции г-н Степанюка в качестве члена парламента и лидера парламентской группы, что должно увеличить размер возмещения за моральный вред. Поэтому суд считает необходимым назначить истцу максимальный объем компенсации, предписанной законом».

10. Суд расценил утверждение «Коммунисты хотят продать консервный завод Anenii Noi (Новые Анены) по частям» как клеветническое и распорядился, чтобы газета и автор статьи выплатили истцу 3600 молдавских лей (эквивалент 270 евро в то время) и 1800 лей, соответственно. Далее суд обязал газету напечатать извинение в течение пятнадцати дней. На ответчиков также была возложена обязанность оплатить судебные издержки.

11. Газета обжаловала это постановление, утверждая, помимо прочего, что статья была направлена против М.А., другого члена парламентской группы коммунистической партии, а не против г-на Степанюка, фотография которого была опубликована для того, чтобы было легко понять, что речь шла о коммунистической парламентской группе, поскольку он был председателем партии.

12. Заявитель также сослался на то, что оспоренная статья была выдержкой из статьи, которая должна была выйти впоследствии, и что утверждение, признанное судом первой инстанции клеветническим, было лишь субъективным заключением, которое автор сделал на основании информации, содержавшейся в главной статье. Затем Заявитель сообщил суду о том, что М. А. также подал иск о защите чести и достоинства против газеты и обратился с просьбой о том, чтобы производство по искам г-на Степанюка и М. А. были объединены и иски рассматривались вместе.

13. Наконец, Заявитель утверждал, что судья И. М. не был независимым и беспристрастным, потому что он был другом г-на Степанюка, и был назначен председателем Буюканского районного суда парламентской группой коммунистической партии. Большинство судебных дел о защите чести и достоинства между «Флукс» и г-ном Степанюком рассматривались им единолично и суды лишь озвучили заранее принятые решения. В других делах о диффамации между «Флукс» и представителями власти, судья И. М. всегда принимал сторону последнего и назначал ему максимально возможный по закону размер возмещения.

14. 6 февраля 2003 года Кишиневский областной суд отклонил апелляционную жалобу как необоснованную, не приняв во внимание статью, опубликованную 21 июня 2002 года.

15. Газета подала новую жалобу по вопросам права, обосновав ее так же, как и первую, и добавила, в числе прочего, что в оспоренной статье лишь воспроизводилось мнение руководства консервного завода Anenii Noi (Новые Анены).

16. 1 апреля 2003 года Апелляционный суд отклонил и эту жалобу. Он заявил, в числе прочего, что информация, опубликованная в статье о г-не Степанюке, явно не соответствовала действительности; более того, рядом с текстом статьи была помещена его фотография.

17. Вероятно, иск М. А. против «Флукс» не был рассмотрен по причине того, что истец не явился в суд.

II. Применимое национальное законодательство

18. Применимые положения Гражданского кодекса Молдовы, действовавшие во время происходивших событий:

Статья 7. Защита чести и достоинства

> *«(1) Любое физическое или юридическое лицо имеет право обращения в суд с требованием опровержения утверждений, наносящих ущерб его чести и достоинству и несоответствующих действительности, а также*

утверждений, не наносящих ущерб чести и достоинству, но несоответствующих действительности.

(2) В случаях, когда СМИ, распространившее такие утверждения, не в состоянии доказать, что они соответствуют действительности, суд должен обязать редакцию СМИ опубликовать не позднее 15 дней после вступления в силу судебного решения опровержение соответствующих утверждений в той же колонке, на той же странице или в той же программе или серии теле/радио передач».

Статья 7 § 1. Компенсация морального ущерба

«(1) Моральный ущерб, нанесенный человеку в результате распространения через СМИ или организации или других людей утверждений, несоответствующих действительности, а также утверждений, касающихся его частной или семейной жизни, без его согласия, должны возмещаться в форме денежной компенсации, размер которой определяет суд.

(2) Сумма компенсации определяется судом по каждому отдельному делу в размере от 75 до 200 месячных МРОТ, если информация была распространена юридическим лицом и в размере от 10 до 100 месячных МРОТ, если информация была распространена физическим лицом».

III. Материалы, на которые опирался заявитель

19. В соответствующей части отчета по странам за 2003 года организации «Дом свободы» (Freedom House) относительно Молдовы говорится следующее:

«... В 2002 году, принцип главенства закона в Молдове был поставлен под вопрос. Свидетельством этому стало растущее число жалоб, поданных молдавскими гражданами на рассмотрение в Европейский Суд по правам человека, и действия, предпринятые парламентом и правительством страны для подавления независимости судов. Другим фактором, нарушающим хрупкий баланс сил между

законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в 2002 году, стала серия назначений, продиктованных соображениями лояльности правящей партии, намерением прекратить деятельность омбудсмена и попытками ограничить независимость Конституционного суда.

...

В апреле Ассоциация судей Молдовы (АСМ) сигнализировала о том, что правительство начало процесс «массовых чисток» судебного сектора. Семь судей остались без работы, включая Тудора Лазара, члена Апелляционного суда и Георге Ульяновски, председателя Кишиневского трибунала. В случае с Лазаром, его отстранение от работы, вероятно, было предпринято в отместку за ранее принятые Апелляционным судом решения в пользу Церкви архиепископа Бессарабии и местных импортеров нефти в их судебных спорах с правительством.

Ситуация ухудшилась, когда Президент Воронин отказал в продлении мандатов 57 судьям. АСМ передала заявление на эту тему представителям Совета Европы, находившимся в то время в Кишиневе с исследовательской миссией. Правительство проинструктировало министерство юстиции задержать принятие судебных решений относительно выплаты возмещений материального ущерба государственными органами. В октябре Георге Сусаренко, председатель Ассоциация судей Молдовы, заявил на пресс-конференции, что высокопоставленные сотрудники правительства оказывали давление на судей с целью вынудить их принимать постановления в пользу правительства.

В декабре президент Воронин провозгласил поправку к Конституции, дающую ему право назначать судей. В соответствии с этой поправкой, глава государства может назначать председателей судов, их заместителей и судей низших уровней на четырехлетний срок по рекомендации Высшего совета магистратуры. Парламент будет назначать на четырехлетний срок членов Верховного суда, включая его председателя, генерального прокурора и министра юстиции. Эти изменения являются подтверждениями того, что коммунистические лидеры

страны ослабляют независимость судов и стремятся подчинить себе эту ветвь власти…».

20. В отчете по странам госдепартамента США за 2003 год о Молдове говорится следующее:

«... Конституция страны гарантирует независимость судебной власти, однако, официальное давление на суды и коррупция среди судебных чиновников остаются неразрешенной проблемой.

Из достоверных источников продолжает поступать информация о том, что местные прокуроры и судьи вымогают взятки за смягчение обвинений и приговоров.

После прошедшей в мае крупной реорганизации, судебная ветвь власти теперь делится на три категории судов: суды общей юрисдикции, апелляционные суды и Верховный суд. Имеющий особое положение Конституционный суд пользуется исключительным приоритетом при рассмотрении дел, касающихся конституционности законопроектов и принятого законодательства, указов и других законодательных актов правительства. Если Конституционный суд по-прежнему имеет репутацию справедливой и объективной инстанции, то другие суды, по сообщениям наблюдателей, часто дают основания для подозрений их в коррупции и политической ангажированности.

Конституция предоставляет Президенту право, опираясь на рекомендации Высшего совета магистратуры, назначать судей на начальный пятилетний период. Для того чтобы быть переизбранными, судьи должны пройти специализированную судебную подготовку и тест, результаты которого оценивают члены Высшего совета судей. При переназначении судей значительную роль играют политические факторы».

ПРАВО

21. Заявитель обратился с жалобой по статье 6 Конвенции на то обстоятельство, что постановления национальных судов никак не были обоснованы, и что судья И. М. в суде первой инстанции не был независимым и беспристрастным. Относящаяся к делу часть статьи 6 гласит следующее:

> *«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях… имеет право на справедливое… разбирательство дела… независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».*

22. Заявитель также обратился с жалобой по статье 10 Конвенции на то, что решения национальных судов повлекли за собой вмешательство в осуществление его права на свободу выражения мнения, и это вмешательство нельзя было расценить как необходимое в демократическом обществе. В статье 10 говорится:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ ...*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

I. Приемлемость жалоб

А. Жалоба по статье 6 Конвенции относительно независимости и беспристрастности судьи И. М.

23. Правительство выдвинуло аргумент о том, что Заявитель не представил убедительных доказательств своего утверждения о том, что действиям судьи И. М. недоставало беспристрастности и независимости. По словам представителя Правительства, один лишь тот факт, что Заявитель несколько раз ранее потерпел неудачу в судебных разбирательствах, не был достаточным доказательством зависимости и пристрастности судьи. В любом случае, у Заявителя была возможность заявить судье И. М. отвод.

24. Заявитель утверждал, что судья И. М. не был независимым и беспристрастным в своих действиях. Притом, что впервые он был назначен на эту должность в 2000 году при прежнем правительстве, в 2001 году он вновь был назначен председателем Буюканского районного суда парламентской группой коммунистической партии, имевшей в то время 71 место в парламенте из 101, и лидером которой был г-н Степанюк. Начиная с этого момента, судья рассмотрел четыре других иска о защите чести и достоинства, поданных г-ном Степанюком против Газеты-заявителя, и во всех случаях принял решения в пользу г-на Степанюка, назначая максимально возможный размер компенсаций, предписанный законом. С точки зрения Заявителя, то обстоятельство, что председатель Суда лично рассматривал большинство исков о защите чести и достоинства, поданных г-ном Степанюком, было странным совпадением, которое становится еще более странным, если учесть, что он ни разу не рассматривал дела по подобным искам, поданным против «*Флукса*» «обычными» истцами. Во всех указанных делах иски были удовлетворены, невзирая на то, что г-н Степанюк не оплачивал государственную пошлину, что является формальным основанием для отказа в рассмотрении дел по Гражданско-процессуальному Кодексу. Г-н Степанюк даже не появлялся в суде, и все его иски рассматривались в его отсутствие, обычно в рамках первого же слушания. Судья И.М. никогда не задавал ответчику вопросов, а лишь выдвигал новые доводы в поддержку позиции истца, причем такие, которые сам истец не приводил. Все это было доказательством «особой опеки» г-на Степанюка судьей И. М.

18 марта 2004 года судья И. М. получил повышение и был назначен парламентом судьей Верховного суда. По утверждению Заявителя, это был первый случай, когда судья из суда общей юрисдикции был повышен по службе настолько стремительно. Более того, 14 мая 2004 года судья И. М. был назначен заместителем председателя Коллегии по экономическим делам Высшей судебной палаты, а 7 июля 2006 года он получил почетное звание Meritul Civic от президента Молдовы, одновременно являвшегося председателем коммунистической партии Молдовы.

25. Заявитель также сослался, помимо прочего, на отчеты организации «Дом свободы» (Freedom House) и государственного департамента США (см. пункты 19 и 20 выше) и заключил, что, учитывая общую обстановку в судебной ветви власти Молдовы, обстоятельства карьеры судьи И. М. и его поведение при рассмотрении других похожих дел, сторонами в которых были Газета-заявитель и г-н Степанюк, у него были основания для обоснованных и законных опасений, что указанный судья не был независимым и беспристрастным при рассмотрении данного дела.

26. Суд считает, что выяснение того, использовал ли Заявитель все существующие средства судебной защиты в своей стране, ненужным, поскольку находит данную жалобу очевидно плохо обоснованной с любой точки зрения и по следующим причинам.

27. Суд напоминает о том, что назначение судей исполнительной или законодательной властью допустимо при условии, что кандидаты не подвергаются влиянию или давлению при осуществлении своих судебных функций (см. постановление по делу *Кэмпбелл и Фелл против Великобритании (Campbell and Fell v. The United Kingdom)* от 28 июня 1984 года, серия А, № 80, § 79). Из обстоятельств данного дела видно, что судья И. М. имел определенный срок полномочий, и что его пребывание в должности не могло быть прекращено ни исполнительной, ни законодательной властью. Заявитель не представил никаких доказательств того, что судья И. М. находился под влиянием или давлением со стороны исполнительной или законодательной власти. В свете сказанного выше, Суд не может прийти к заключению о том, что действия судьи И. М. были продиктованы зависимостью и пристрастностью, ни с субъективной, ни с объективной точки зрения, в том смысле, который заложен в формулировке пункта 1 статьи 6 Конвенции, при рассмотрении

гражданского иска против Газеты-заявителя. Таким образом, в этой части жалоба должна быть объявлена неприемлемой по причине явной необоснованности с точки зрения пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

B. Жалобы по статье 1 Протокола № 1 и статье 13 Конвенции

28. В своем первом заявлении, Газета-заявитель также жаловалась на нарушение статьи 1 Протокола № 1 и статьи 13 Конвенции. В своих комментариях относительно их приемлемости и существа, Газета обратилась к Суду с просьбой об их рассмотрении. Суд не находит оснований для этого.

C. Жалобы по статьям 10 и 6 Конвенции

29. Суд считает, что жалоба Заявителя по статье 10 Конвенции и жалоба по статье 6 относительно недостаточности оснований для принятия национальными судами известных постановлений поднимают достаточно серьезные правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не было. Поэтому Суд объявляет жалобу в этой части приемлемыми. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этих жалоб.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

A. Аргументы сторон

1. Заявитель

30. Заявитель обратился с жалобой на то, что вмешательство не было предписано законом, потому что ни молдавское законодательство, ни судебная практика не содержат требования о разграничении между утверждениями, основанными на фактах, и оценочными суждениями.

31. Заявитель также утверждал, что статья от 19 июня 2002 года была лишь кратким изложением статьи, опубликованной 21 июня 2002 года, которая, в свою очередь, была только отражением утверждений, высказанных третьим лицом, а именно В. Н. Заголовок этого анонса, за публикацию которого газета подверглась наказанию, был не более

чем выводом, который сделал автор на основании утверждений В. Н., т.е. оценочным суждением, имевшим достаточное фактическое основание.

32. Статья была написана в контексте дебатов на тему, представлявшую несомненный общественный интерес, а именно, управление государственной собственностью и предполагаемые злоупотребления со стороны государственных чиновников. К тому же, статья не содержала никакой критики г-на Степанюка, а лишь критику М. А., члена парламентской группы коммунистической партии. Фотография г-на Степанюка была опубликована только для того, чтобы обеспечить узнаваемость парламентской группы. В любом случае, рамки усмотрения национальных судов были очень узкими в данном деле, поскольку истцом являлся политиком.

2. Правительство

33. Правительство согласилось с тем, что факты данного дела указывают на вмешательство в осуществление Заявителем его права на свободное выражение мнения. Вмешательство, однако, было оправданным в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Заявитель был обязан судебным решением выплатить компенсацию морального вреда за ущемление чести и достоинства на основании статей 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса. Следовательно, вмешательство было «предписано законом», а закон был доступным и предсказуемым. Оно служило законной цели защиты достоинства г-на Степанюка; более того, данная мера была необходима в демократическом обществе.

34. Правительство указало на существование у национальных органов власти определенных рамок усмотрения при оценке необходимости вмешательства и привело довод о том, что в ситуациях, при упоминании которых в Конвенции имеются ссылки на национальное законодательство, приоритет при осуществлении задачи его применения и толкования находится именно у национальных органов власти. Правительство заявило, что в данном деле национальные органы власти не вышли за пределы этих рамок, но использовали их вполне добросовестно, аккуратно и разумно.

35. Правительство также утверждало, что причины, выдвинутые в обоснование вмешательства, были «существенны и достаточны».

B. Оценка Суда

36. Стороны и Суд согласились с тем, что решения национальных судов и назначенное Заявителю возмещение ущерба представляли собой «вмешательство государства» в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения в соответствии с первым пунктом статьи 10. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если только оно не «предписано законом», преследует одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 данной статьи, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предписано законом»

37. Суд отмечает, что обжалованное вмешательство имело юридическое основание, а именно, статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса (см. пункт 18 выше). В своем постановлении по делу *Бусуйок против Молдовы (Busuioc v. Moldova)* от 21 декабря 2004 года (№ 61513/00, § 52-54), Суд установил, что эти положения были доступны и предсказуемы. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что в данном деле вмешательство было «предписано законом» в соответствии с пунктом 2 статьи 10.

2. «Законная цель»

38. Стороны не оспаривают, а Суд соглашается с тем, что вмешательство служило законной цели защиты репутации г-на Степанюка. Следовательно, остается ответить на вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

3. «Необходимость в демократическом обществе»

(a) Общие принципы

39. Соответствующие общие принципы были суммированы в деле *Бусуйок против Молодовы*, упомянутом выше, §§ 56-62, и *Савицки против Молдовы (Savitchi v. Moldova)* от 11 октября 2005 года, № 11039/02, §§ 43-50.

40. Кроме этого, Суд напоминает о том, что в деле *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* (постановление от 8 июля 1986 г., серия А № 103, § 42), было решено следующее:

> *«[политик] неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости. Нет сомнений, что пункт 2 статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т.е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам».*

(b) Применение вышеуказанных принципов в данном деле

41. Суд отмечает, что, по существу, Газета-заявитель подверглась наказанию за публикацию фотографии председателя парламентской группы коммунистической партии рядом с кратким изложением будущей статьи, содержащей критику этой группы за предполагаемое участие в незаконных действиях. Можно сказать, что сопоставление текста и фотографии предполагало наличие связи между предполагаемыми нарушениями закона и г-ном Степанюком. К тому же, краткое изложение не создавало ясного представления о том, что основная статья будет основана на информации от третьего лица. Однако сообщалось, что в основной статье будут изложены подробности, а из анонса было очевидно, что речь пойдет о политиках и политических вопросах.

42. Суд отмечает, что статья была написана журналистом, и напоминает о чрезвычайно важной роли прессы в демократическом обществе по распространению идей и мнений по политическим и другим вопросам, представляющим общественный интерес (см. постановление по делу *«Санди таймс» пр. Великобритании (№ 1) (Sunday Times v. The United Kingdom)* от 26 апреля 1979 года, серия А № 30, § 65). Суд также напоминает о том, что государства имеют очень узкие пределы усмотрения в делах, касающихся политиков (см. пункт 40 выше) и отмечает, что г-н Степанюк во время происходивших событий был очень высокопоставленным политиком. Наконец, Суд отмечает, что анонс статьи и оспоренные утверждения были основаны

на информации, исходившей из источника, который был надежным *prima facie,* а именно исполнительного директора завода (см., *mutatis mutandis*, постановление по делу *Бладет Тромсё и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsö and Stensaas v. Norway)* [БП], № 1980/93, § 68, ЕСПЧ 1999-III).

43. Суд отмечает, что в своей апелляции по вопросам права Заявитель приводит довод о том, что статья от 19 июня 2002 года была лишь выдержкой из статьи, которая появилась позднее 21 июня 2002 года, и что оспоренная фраза «Коммунисты хотят продать консервный завод Anenii Noi (Новые Анены) по частям» была лишь выводом, к которому пришел автор на основе информации, содержавшейся в этой статье. Информация в основной статье, в свою очередь, была основана на сообщениях исполнительного директора завода, и не была никем опровергнута как клеветническая или ложная (см. пункты 8 и 17 выше). Однако национальные суды не обратили никакого внимания на эти доводы Заявителя и не рассмотрели их, видимо сочтя их несущественными, и пришли к выводу о том, что оспоренные утверждения были недостоверными и клеветническими по отношению к г-ну Степанюку, даже не ознакомившись с содержанием основной статьи.

44. Суд напоминает, что требование к заявителю доказать достоверность его утверждений и одновременное лишение его действительной возможности представить доказательства правдивости своего утверждения и, тем самым, установить их достоверность или показать, что их содержание не было совершенно безосновательным, является несоразмерным вмешательством в осуществление права на свободное выражение мнения (см., например, дело *Бусуйок против Молдовы*, упомянутое выше, § 88 и *Савицки против Молдовы*, упомянутое выше, § 59).

45. Принимая во внимание сказанное выше, учитывая характер выражений, использованных газетой в оспоренном утверждении, то обстоятельство, что свобода журналиста также допускает применение определенного преувеличения или даже провокации, и, взвесив различные интересы, представленные в данном деле, Суд приходит к выводу о том, что вмешательство в осуществление Газетой-заявителем своего права на свободное выражение мнения не было «необходимым в демократическом обществе».

46. Таким образом, Суд постановляет, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

47. Газета-заявитель также утверждала, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции на том основании, что национальные суды не смогли обосновать принятые ими решения. Поскольку эта жалоба не поднимает вопроса отдельного от того, который рассматривался в связи со статьей 10 выше, Суд не считает необходимым рассматривать его отдельно.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

48. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

А. Материальный ущерб

49. Заявитель потребовал 278 евро в качестве возмещения материального ущерба, который складывался из суммы, выплаченной им ранее г-ну Степанюку и судебных расходов, которые ему пришлось нести для того, чтобы суды рассмотрели поданные жалобы.

50. Правительство не согласилось с размером затребованной суммы на том основании, что Заявитель не должен получать их возмещение, т.к. судопроизводство было справедливым, а принятые постановления были вполне обоснованными. Правительство обратилось к Суду с просьбой отклонить требование Заявителя о возмещении материального ущерба.

51. Суд считает требование Заявителя о возмещении материального ущерба полностью обоснованным и удовлетворяет его в полной мере.

B. Моральный ущерб

52. Заявитель потребовал 18500 евро в качестве возмещения морального ущерба, причиненного ему нарушением его права, гарантированного Конвенцией. Обосновывая свои требования о возмещении морального ущерба, связанного с нарушением статьи 10, Заявитель сообщил о том, что был принужден опубликовать опровержение оспоренного утверждения, и сослался на более раннюю судебную практику по молдавским делам. В частности, он сослался на дела *Бусуйок против Молдовы* (упомянутое выше) и *Савицки против Молдовы* (упомянутое выше), в которых были назначены четыре и три тысячи евро, соответственно.

53. Правительство оспорило это требование, заявив, что оно необоснованно и чрезмерно.

54. Учитывая факт нарушения статьи 10 Конвенции, установленный выше, Суд считает оправданным присуждение компенсации морального ущерба в данном деле. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Газете-заявителю 3000 евро.

C. Издержки и расходы

55. Адвокат Газеты-заявителя потребовал 2680 евро на покрытие судебных издержек и расходов. Он представил подробную ведомость и договор, в соответствии с которым его почасовая ставка равнялась 60 евро. Расчеты в ведомости не включали в себя время, потраченное на рассмотрение жалоб по статьям 6, 8 и 13 и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, которые были впоследствии отозваны Газетой-заявителем.

56. Он заявил, что количество часов, потраченных им на работу по данному делу, не было чрезмерным, а, напротив, оправданным сложностью дела и тем обстоятельством, что комментарии по делу необходимо было составлять на английском языке.

57. В том, что касается почасовой ставки в 60 евро, адвокат утверждал, что ее размер находился в рамках, рекомендованных Ассоциацией адвокатов Молдовы, а именно 40-150 евро в час. Он также упомянул высокую стоимость жизни в Кишиневе, приведя в качестве примеров цены на жилье и бензин.

58. Правительство не согласилось с затребованной суммой на оплату представительских услуг в суде. Его представитель назвал ее чрезмерной и заявил, что сумма, затребованная адвокатом, не соответствовала той, которая была в действительности выплачена ему Газетой-заявителем. Правительство усомнилось в количестве часов, отработанных адвокатом Газеты-заявителя по делу и оспорило размер почасовой ставки оплаты. Оно также заявило, что размеры почасовой ставки, рекомендованные Ассоциацией адвокатов Молдовы, были слишком высоки, учитывая уровень среднемесячной заработной платы в Молдове, и напомнило о некоммерческом характере организации «Адвокаты за права человека».

59. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, *Амихалакоайе против Молдовы (Amihalachioaie v. Moldova)*, № 60115/00, § 47, ЕСПЧ 2004-III).

60. Компенсация судебных издержек не может быть ограничена теми суммами, которые заявитель уже выплатил своему адвокату; по существу, подобный подход лишил бы многих адвокатов мотивации представлять в суде менее состоятельных заявителей. В любом случае, Суд всегда назначал компенсацию судебных издержек и расходов в ситуациях, в которых заявители не выплачивали никаких сумм своим адвокатам до того, как Суд выносил свое решение (см., среди прочих источников, постановления и по делам *Илашку и другие против Молдовы и России (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russian Federation)* [БП], № 48787/99, § 493, ЕСПЧ 2004-VII, и *Христианская демократическая народная партия против Молдовы (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, § 85, ЕСПЧ 2006-...).

В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости и сложность дела, а также тот факт, что одна из жалоб была объявлена неприемлемой, Суд назначает адвокату Газеты-заявителя 1800 евро в качестве компенсации издержек и расходов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Объявляет* большинством голосов жалобу по пункту 1 статьи 6 Конвенции на то, что судья И. М не был независимым и беспристрастным в своих действиях, неприемлемой;
2. *Объявляет* единогласно, остальную часть жалобы приемлемой;
3. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
4. *Постановляет* шестью голосами против одного, что необходимости в отдельном рассмотрении жалобы по пункту 1 статьи 6 Конвенции, не было;
5. *Постановляет* единогласно,

   (a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета:

   (i) 278 евро (двести семьдесят восемь евро) в качестве компенсации материального ущерба;

   (ii) 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба;

   (iii) 1800 евро (одну тысячу восемьсот евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

   (iv) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше.

   (b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;
6. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Газеты-заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 3 июля 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Т. Л. Эли — Секретарь Секции

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, к настоящему постановлению прилагается частично особое мнение судьи Дж. Бонелло.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БОНЕЛЛО

1. В этом деле Суд мог бы высказать свои взгляды на патологию в отправлении правосудия, но не сделал этого.

2. Газета-заявитель «Флукс» подала жалобы, касавшиеся двух нарушений статьи 6 Конвенции. Большинство судей объявили неприемлемой первую жалобу на отсутствие независимости и беспристрастности в действиях судьи И. М. Вторая жалоба относительно того, что национальные суды не обосновали принятые решения, была отклонена большинством состава Суда на основании того, что жалоба не поднимала вопросов отдельных от вопроса свободного выражения мнения, относительно которого была подана жалоба по статье 10, и поэтому Суд не счел необходимым рассматривать ее отдельно.

3. Поскольку первая жалоба Заявителя по статье 6 была объявлена неприемлемой не постановлением, а отдельным «решением» Суда, мне не следует высказываться относительно того, согласен я с этим или нет, и по каким причинам, утешаясь тем, что это не первый случай, когда суды спотыкаются о семантику на пути к правосудию. В отношении второй жалобы, объявленной неприемлемой в постановлении Суда, такое ограничение отсутствует; это позволяет мне остановиться на ней подробно и сообщить широкой аудитории о причинах моего несогласия.

4. Мне трудно согласиться с решением большинства о том, что заявление о нарушении гарантии справедливого судебного разбирательства (по причине того, что национальные суды, предположительно, не объяснили причин своего решения) не поднимает вопроса отдельного от вопроса нарушения свободы выражения мнения. Национальные суды обязали Газету-заявителя выплатить компенсацию нанесенного ущерба и судебных расходов, а также извиниться перед ведущим политиком правящей партии. Суд

единогласно расценил постановления национальных судов как нарушение права Заявителя на свободное выражение мнения. Но разве это заключение относительно «свободы выражения мнения» не очевидно отличается от вопроса о том, было ли Заявителю отказано в возможности справедливого суда? На мой взгляд, эту жалобу следовало рассматривать отдельно.

5. Суд, бесспорно, обладает правом воздержаться от рассмотрения жалоб, которые, будучи приемлемыми и содержательными, не поднимают вопросов, отличающихся от других, при рассмотрении которых уже было выявлено нарушение какой-либо гарантии Конвенции. Практически, можно с уверенностью предположить, что если ранее уже было установлено более серьезное нарушение, Суд будет прав, сочтя бесполезным тратить время на выявление меньшего нарушения на основании тех же фактов.

6. В обстоятельствах данного дела я не считаю возможное нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства более легковесным или менее значимым, чем нарушение свободы выражения мнения. Сами факты, на которых основана данная жалоба, указывают на то, что одним из ключевых вопросов, заслуживавших выяснения, был вопрос о том, были ли соблюдены гарантии справедливого суда в соответствии со статьей 6 или нет.

7. Газета-заявитель утверждает, что национальные суды не обосновали предъявленное обвинение в диффамации – не по случайности, не по причине недосмотра из-за большой нагрузки, а потому, что судья, выносивший решение против Заявителя, не был независимым и беспристрастным, «*потому что был другом г-на Степанюка (истца процессе о клевете) и был назначен председателем Буюканского районного суда парламентской группой коммунистической партии*», лидер которой выступал истцом в процессе о защите чести и достоинства против Газеты-заявителя.

8. Заявитель добавил, что в других делах о диффамации между «Флукс» и представителями правительства, судья И. М. всегда принимал решения в пользу г-на Степанюка, назначая максимально возможный размер компенсаций, установленный законом. По «странному совпадению» один и тот же судья рассматривал большинство исков о защите чести и достоинства, поданных г-ном Степанюком. Во всех указанных делах иски были удовлетворены,

невзирая на то, что г-н Степанюк не оплачивал государственную пошлину, факт чего, сам по себе, должен был бы сделать рассмотрение исков невозможным по процессуальным причинам. Равно как и то обстоятельство, что истец регулярно пропускал слушания своих дел, не возымело никакого отрицательного эффекта – дела все равно рассматривались и разрешались судьей И. М. обычно в рамках первого слушания.

9. Таковы претензии истца, высказанные для объяснения того, почему судью И.М. нельзя было считать независимым и беспристрастным, и почему он признал Газету-заявителя виновной в распространении недостоверных порочащих сведений и назначил возмещение ущерба в максимальном размере.

10. Сами по себе эти обвинения, если бы их обоснованность была доказана, были бы тревожными признаками подозрительной отстраненности председательствующего судьи от позиции заявителей – или одного из них. Тревога, однако, прозвучит еще громче, если факт того, что судья И. М. не объяснил причины принятого им решения (решения, которое Суд единогласно расценил как нарушение Конвенции), рассмотреть в более широком «историческом» контексте. Если, как было заявлено, это нарушение председательствующего судьи действительно было лишь одним из многих, систематически проявляющихся признаков слабости гарантий независимости и беспристрастности судебной системы в целом, то нужно бить тревогу по-настоящему.

11. В качестве приложения я добавляю краткие версии нескольких отчетов различных организаций о положении дел в судебной системе Молдовы, каждый из которых имеет резко отрицательный и пугающий характер. Стремясь к объективности, я хотел включить сюда отчеты и из других авторитетных источников, свидетельствующих о том, что сомнения в независимости судебной системы в Молдове преувеличены. Я не нашел ни одного.

12. Поступая так, как мне кажется, я не просто выражаю, казалось бы, естественную озабоченность тем, что предполагаемое действие судьи И. М., не объяснившего причины принятого решения, не заслужило никакого внимания Суда. Я считаю, что Суд мог бы задать себе вопрос о том, является ли нежелание обосновать безосновательное решение тем минимумом, которого следует ожидать от уважающего себя

профессионального суда. Суд мог или должен был бы попытаться разобраться в том, был ли данный случай примером «телефонной справедливости», в которой для «торжества» справедливости даже не было необходимости в самом телефоне.

13. Я считаю самообманом попытки использовать впечатляющие формулировки с целью избежать рассмотрения ключевых вопросов осуществления правосудия, чтобы затем одним ловким движением сгрести все осколки под ковер и на этом успокоиться. Во мне, несомненно, больше говорит иррациональная вера, чем стремление встать в позу. Я действительно думал, что Страсбург играет роль в укреплении стандартов, а не просто пытается укрыться за юридическими иллюзиями. Это, в конечном итоге, только укрепляет решимость тех, кто склонен считать идею независимости судебной власти забавной. Те, кто намерены списать независимость суда за ненадобностью, уже видят, как это сделать.

14. Я бы ожидал, что Суд немедленно воспользуется этой возможностью, чтобы дать надежду людям Молдовы. Дать выход робкому ропоту на несправедливость. Я бы ожидал, что Суд внимательно разберется в том, было ли постановление, обвинявшее Заявителя, серьезно обосновано или обосновано вообще. Я был бы удовлетворен, если бы Суд задал бы вопрос о том, как часто судья И.М. и прочие кандидаты на получение звания героя сопротивления, принимали постановления против правящей партии или ее сторонников в делах с политической подоплекой. Судебная система Молдовы, видимо, действует в соответствии с некоторыми принципами. Я попробовал найти их в тексте Статьи 6, но не нашел.

15. Все это меня чрезвычайно сильно встревожило. У меня есть старомодный предрассудок в отношении почти беспристрастных судей. Во мне вызывает страстный протест кредо некоторых политиков, считающих, что судьи хорошо умещаются где угодно, но лучше всего в их карманах. Я нахожу точку зрения, о том, что нужно не только осуществлять правосудие, но и демонстрировать его осуществление всем, слабой, чтобы не сказать непоследовательной. Гораздо правильнее, на мой взгляд, сказать, что для того, чтобы помешанные на власти могли править спокойно, нужно не только осуществлять несправедливость, но и демонстрировать ее всем.

16. Карьера судьи И. М. взлетела – от должности районного судьи низкого ранга до председателя Верховного суда – за время, в течение которого не успеешь сказать «партия всегда права». В этой унылой картине, радует лишь одно – жертвенность судей, которые направляют свою энергию в русло благоденствия правящего политического класса, не всегда калечит их карьеру.

17. Мне казалось, что самое время Суду запаниковать. Ведь это же была явная возможность провести детоксикацию системы отправления правосудия. Вместо этого мне пришлось стать свидетелем того, как Суд предоставляет судебной системе Молдовы широчайшие рамки обесценивания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. По отчетам, представленным Заявителем и не оспоренным государством-ответчиком, в определенный период времени в прошлом произошла серия судейских назначений, основанных на лояльности правящей партии, увольнение омбудсмена и попытки ограничить независимость Конституционного суда. Ассоциация судей Молдовы зарегистрировала начало «массовых чисток» судейского состава со стороны правительства. Семь судей лишились работы немедленно, а другим 57 судьям президент республики не продлил их полномочия. Председатель Ассоциации судей сделал публичное заявление в СМИ о том, что «высокопоставленные правительственные чиновники оказывали давление на судей, чтобы вынудить их к принятию решений в пользу правительственных органов».

2. Внеся поправку в Конституцию, президент получил право назначать судей и отбирать председателей судов, их заместителей и судей более низкого ранга на четырехлетний срок по рекомендации Высшего совета судей. Парламент (большинством голосов своих членов) получил власть назначать на четырехлетний срок членов Верховного суда, включая его председателя, генерального прокурора и министра юстиции.

3. В другом отчете по странам государственного департамента США за 2003 год, посвященном Молдове, подчеркивалось, что «…*официальное давление на суды и коррупция среди судебных*

чиновников остаются неразрешенной проблемой... другие суды, по сообщениям наблюдателей, часто дают основания для подозрений их в коррупции и политической ангажированности ... При переназначении судей значительную роль играют политические факторы».

4. В отчете Комиссара по правам человека Совета Европы (Com D+1 (2003) 7) прямо говорится о том, что «*независимость судебной системы в Молдове вызывает серьезные опасения*». В нем также указывается, что полномочия назначать, переназначать и увольнять судей, которыми облачен президент республики, являются «*серьезным вмешательством в независимость судебной системы*». Делегация представителей аппарата Комиссара безуспешно пыталась выяснить, какие гарантии невозможности переназначения предусмотрены процессуально». Отчет завершается выводом о том, что «… *настоящая президентская практика назначения и переназначения судей не обеспечивает достаточных гарантий главенства закона и, поэтому, производит впечатление произвольной ... Таким образом, необходимо срочно пересмотреть эту президентскую практику для обеспечения независимости судов и главенства закона*».

5. Подобно изложенному выше, Международная комиссия юристов также рисует весьма безрадостную картину по итогам выполнения миссии в Молдове совместно с Центром за независимость судей и адвокатов в феврале 2004 года. Ее отчет, датированный 30 ноября 2004 года, подверг резкой критики абсолютно все, касающееся назначения, срока полномочий и смещения судей. Авторы отчета делают вывод о том, что все эти стороны деятельности судебной системы совершенно не соответствуют обязательному минимуму европейских гарантий независимости и беспристрастности судебной власти, и отмечают масштабное возвращение явления «телефонного права» со стороны исполнительной и законодательной власти с целью осуществления контроля над судьями.

6. В подобном же духе было составлено заявление Международной хельсинской федерации за права человека «О нарушениях свободы СМИ и независимости судебной системы в Молдове», датированное 10 июня 2003 года, в котором говорится о том, что федерация «*глубоко обеспокоена ... грубыми нарушениями свободы СМИ и независимости судебной системы…судебная система продолжает испытывать чрезмерное политическое вмешательство, положение судей*

ненадежно по причине существования процедуры переназначения, введение которой является примером весьма сомнительных изменений в системе судопроизводства, и прецедентов политически мотивированных не правовых увольнений судей ... уничтожения гарантий пожизненного срока полномочий судей и частые случаи смещения с должности также оказывают дополнительное давление на судей ... в основе своей не подвергающийся критике режим работы, дающий новые возможности контроля над судебной властью со стороны чиновников и приводящий к нарушениям принципа разделения властей».

7. Более широкий спектр международных комментариев относительно независимости и беспристрастности суда в Молдове можно найти в Первом приложении к отчету Международной комиссии юристов, упомянутому выше.

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ФЛУКС» ПРОТИВ МОЛДОВЫ» (№ 3)
(Flux v. Moldova (№ 3))

(жалоба № 32558/03)

Постановление Суда
Страсбург, 12 сентября 2007 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

В ходе телевизионной передачи, глава отдела по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Н. А., обвинил Валериу Матея, в то время бывшего вице-спикером парламента и председателем одной из политических партий, в коррупции и, вместе с одной из мафиозных групп, в защите интересов нескольких компаний, якобы замешанных в преступной деятельности. Позже газета «Флукс» опубликовала статью, которая дословно воспроизводила содержание телевизионной передачи с добавлением комментария газеты.

Валериу Матей подал гражданский иск о защите чести и достоинства против газеты «Флукс», утверждая, что многие утверждения Н. А. были недостоверными и клеветническими в отношении него. Заголовок статьи не вошел в число таких утверждений.

Апелляционный суд пришел к выводу, что утверждения, оспоренные Валериу Матеем, не были клеветническими по отношении к нему, потому что газета просто воспроизвела утверждения Н. А.. Однако суд пришел к выводу о клеветническом характере заголовка статьи, порочащего честь и достоинство Валериу Матея. Суд констатировал, что Н. А. не произносил таких слов, и что газета не представила доказательств того, что Валериу Матей являлся членом мафиозного клана. Также суд обязал газету напечатать извинение и выплатить возмещение ущерба, нанесенного репутации.

Оценка Европейского Суда:

Европейский Суд указал на важность применения практики, согласно которой политик должен проявлять большую степень терпимости к критике в свой адрес и на необходимость взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам (п. 22 постановления).

Суд отметил и неправомерную позицию национального суда, который признал клеветническим утверждение, которое истец даже не оспаривал:

> *«Суд в первую очередь отмечает, что национальные суды расценили как клеветническое утверждение, которое не обжаловал даже истец в национальных судебных процессах, что само по себе является достаточным основанием для выявления нарушения в данном деле. Однако, даже если бы это не было так, оспоренное утверждение являлось заявлением о фактах, точность которого не вызывала сомнений, поскольку Н. А. обвинил Валериу Матея в защите интересов преступной группы, и стороны не оспаривали факт этого обвинения».*

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ФЛУКС» ПРОТИВ МОЛДОВЫ» (№ 3)

(Flux v. Moldova (№ 3))

(жалоба № 32558/03)

Постановление Суда
Страсбург, 12 сентября 2007 года

По делу «Флукс» против Молдовы» (№ 3) Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель,*
г-н Ж. Касадеваль,
г-н Дж. Бонелло,
г-н К. Трайа,
г-н С. Павловский,
г-н Я. Шикута,
г-жа П. Хирвелаа, *судьи,*

а также г-н Т. Л. Эли, *Секретарь Секции*,

Проведя 22 мая 2007 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано подачей жалобы (№32558/03) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») Кишиневской газетой «Флукс» (далее - «Заявитель»), 13 мая 2003 года.

2. Интересы заявителей представлял г-н В. Грибинча из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдавское правительство (далее -

«Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его право на свободу выражения мнения было нарушено вследствие признания его виновным в распространении диффамационных сведений о политике.

4. 9 февраля 2006 года Суд принял решение довести заявление до сведения Правительства. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было решено рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. 27 марта 1999 года, в ходе телевизионной передачи, глава отдела по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Н. А., обвинил Валериу Матея, в то время бывшего вице-спикером парламента и председателем одной из политических партий, представленных в парламенте, в коррупции и, вместе с одной из мафиозных групп, в защите интересов нескольких компаний, якобы замешанных в преступной деятельности. Он заявил, в числе прочего, что:

> *«... Г-на Матея следовало арестовать, поскольку он совершил и уголовное преступление, и административное правонарушение... Материалы уголовного дела, касающегося покрывания преступников, будут направлены в прокуратуру и в суд. Интересы этих компаний [подозреваемых в преступной деятельности] защищает преступная группа, возглавляемая М. и г-ном Матеем, членом парламента...».*

6. 30 марта 1999 года «Флукс» опубликовала статью под заголовком «Антикоррупционная война: генерал Н.А. против председателя Матея. Николае Алексей заявляет, что Валериу Матей предоставляет политическую защиту мафиозному клану».

7. Статья дословно воспроизводила содержание телевизионной передачи от 27 марта 1999 года с добавлением комментария газеты.

8. 30 апреля 1999 года Валериу Матей подал гражданский иск о защите чести и достоинства против газеты «Флукс», в котором утверждал, что многие утверждения Н. А., опубликованные «Флукс», были недостоверными и клеветническими в отношении него. Заголовок статьи не вошел в число таких утверждений.

9. 20 февраля 2003 года в своем окончательном постановлении апелляционный суд констатировал, что утверждения, оспоренные Валериу Матеем, не были клеветническими по отношении к нему, *inter alia*, потому что «Флукс» просто воспроизвела утверждения Н. А.. Однако суд пришел к выводу о том, что клеветнической в отношении Валериу Матея была следующая часть статьи: «*Н. А. заявляет, что Валериу Матей предоставляет политическую защиту мафиозному клану*». Суд констатировал, что во время передачи 27 марта 1999 года Н. А. не произносил таких слов, и что газета не представила доказательств того, что Валериу Матей являлся членом мафиозного клана. Суд обязал газету выплатить истцу 3600 молдавских лей и напечатать извинение в течение пятнадцати дней. Газета также была обязана оплатить судебные расходы.

II. Применимое национальное законодательство

10. Применимые положения гражданского кодекса, действовавшие во время происходивших событий

Статья 7. Защита чести и достоинства

> *«(1) Любое физическое или юридическое лицо имеет право обращения в суд с требованием опровержения утверждений, наносящих ущерб его чести и достоинству и несоответствующих действительности, а также утверждений, не наносящих ущерб чести и достоинству, но несоответствующих действительности.*
>
> *(2) В случаях, когда СМИ, распространившее такие утверждения, не в состоянии доказать, что они соответствуют действительности, суд должен обязать публикующий орган СМИ опубликовать не позднее 15 дней после вступления в силу судебного решения опровержение соответствующих утверждений в той же колонке, на той*

же странице или в той же программе или серии теле/радио передач».

Статья 7 § 1. Компенсация морального ущерба

«(1) Моральный ущерб, нанесенный физическому лицу в результате распространения через СМИ или организации или других людей утверждений, несоответствующих действительности, а также утверждений, касающихся его частной или семейной жизни, без его согласия, должны возмещаться в форме денежной компенсации, размер которой определяет суд.

(2) Сумма компенсации определяется судом по каждому отдельному делу в размере от 75 до 200 месячных МРОТ, если информация была распространена юридическим лицом и в размере от 10 до 100 месячных МРОТ, если информация была распространена физическим лицом».

ПРАВО

11. Заявитель подал жалобу по статье 6 Конвенции на несправедливость разбирательств в национальных судах, ссылаясь на то обстоятельство, что национальные суды не обосновали принятые ими решения и на отсутствие независимости в действиях судов. В соответствующих частях статьи 6 говорится:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях…имеет право на справедливое… разбирательство дела… независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

12. Заявитель также обратился с жалобой по статье 10 Конвенции на то, что решения национальных судов повлекли за собой вмешательство в осуществление его права на свободу выражения мнения, которое нельзя было расценить как необходимое в демократическом обществе. В статье 10 говорится:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения

и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

I. Приемлемость жалоб

13. В своей первой жалобе, Газета-заявитель предъявила дополнительные претензии по пункту 1 статьи 6 Конвенции, утверждая, что национальные суды недостаточно мотивировали свои решения, а их действия не были независимыми. Другая жалоба была подана по статье 1 Протокола № 1 и статье 13 Конвенции. Однако в своих комментариях относительно приемлемости и существа жалоб, Заявитель обратился к Суду с просьбой не рассматривать их по статье 1 Протокола № 1 и статье 13 Конвенции, и Суд не находит оснований для их рассмотрения.

14. Суд считает, что жалоба Заявителя по статье 10 Конвенции и жалоба по статье 6, касающаяся справедливости судебных разбирательств, поднимают достаточно серьезные фактические и правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не было. Поэтому Суд объявляет жалобы приемлемыми. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этих жалоб.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

A. Аргументы сторон

1. Заявитель

15. Заявитель утверждал, что заголовок статьи, за который газета была наказана, был ничем иным, как субъективным выводом автора, сделанным на основании утверждений Н. А., т.е. всего лишь оценочным суждением, имевшем достаточное фактическое основание.

16. Статья была написана в контексте дебатов на, несомненно, важную социальную тему, а именно, предполагавшееся участие высокопоставленного политика в незаконной деятельности. Поэтому рамки усмотрения национальных судов в данном случае были очень узкими.

2. Правительство

17. Правительство согласилось с тем, что факты данного дела указывали на вмешательство в осуществление Заявителем права на свободное выражение мнения. Вмешательство было, тем не менее, оправдано по пункту 2 статьи 10 Конвенции. Заявитель был присужден к выплате возмещения морального ущерба на основании статей 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса. Следовательно, вмешательство было «предписано законом», и закон был доступным и предсказуемым. Оно служило законной цели защиты достоинства Валериу Матея; к тому же, эта мера была необходима в демократическом обществе.

18. Правительство указало на существование у национальных органов власти рамок усмотрения при определении необходимости вмешательства и выдвинуло аргумент о том, что в ситуациях, при упоминании которых в Конвенции имеются ссылки на национальное законодательство, приоритет при осуществлении задачи его применения и истолковании находится именно у национальных органов власти. Правительство заявило, что в данном деле национальные органы власти не вышли за пределы этих рамок, но использовали их вполне добросовестно, аккуратно и разумно.

19. Правительство утверждало, что причины, выдвинутые в обоснование вмешательства, были «существенны и достаточны», и что в данном деле национальные суды действовали в своих рамках усмотрения.

B. Оценка Суда

20. Стороны и Суд согласились с тем, что решения национальных судов и назначенное Заявителю возмещение ущерба представляли собой «вмешательство государства» в осуществление Заявителем своего права на свободное выражение мнения в соответствии с первым пунктом статьи 10. Факт того, что такое вмешательство было «предписано законом» и преследовало законную цель, также споров не вызвал. Суду остается ответить на вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе».

21. Проверка того, было ли оспоренное вмешательство «необходимо в демократическом обществе» требует от Суда определить, существовала ли в нем «острая общественная необходимость», было ли оно соразмерно преследовавшейся законной цели (важным фактором для оценки соразмерности вмешательства является потенциальный эффект использованного способа выражения мнения), а также, были ли причины, приведенные национальными органами власти в его обоснование, «существенными и достаточными». При определении того, существует ли такая необходимость, и принятия каких мер она требует, национальные органы власти имеют определенные рамки усмотрения. Это право, однако, не является неограниченным, предполагает контроль со стороны Европейского Суда, которому принадлежит последнее слово в определении приемлемости ограничения свободного выражения мнения в соответствии со статьей 10 (для получения более подробной информации о соответствующих принципах, см. постановления по делам *Гиневски против Франции (Giniewski v. France)*, № 64016/00, §§ 43-54, ЕСПЧ 2006-...; *Аидин Татлав против Турции (Aydın Tatlav v. Turkey)*, № 50692/99, §§ 22-27, 2 мая 2006 г.; *Гундуз против Турции (Gündüz v. Turkey)*, № 35071/97, § 38, ЕСПЧ 2003-XI; *Мерфи против Ирландии (Murphy v. Ireland)*, № 44179/98, §§ 65-69, ЕСПЧ 2003-IX (отрывки), содержащие другие ссылки).

22. Кроме этого, Суд напоминает о том, что в деле *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria),* постановление от 8 июля 1986 года, серия А № 103, § 42), было решено следующее:

> *«[политик] неизбежно и сознательно выставляет каждое свое слово и дело под пристальный контроль со стороны журналистов и широкой общественности и, следовательно, должен проявлять большую степень терпимости, Нет сомнений, что пункт 2 Статьи 10 позволяет защищать репутацию всех лиц, т.е. распространяется и на политиков, даже когда они выступают не в качестве частных лиц; но в таких случаях необходимо взвешивать потребности подобной защиты в связи с интересом общества к открытой дискуссии по политическим вопросам».*

23. Суд в первую очередь отмечает, что национальные суды расценили как клеветническое утверждение, которое не обжаловал даже истец в национальных судебных процессах, что само по себе является достаточным основанием для выявления нарушения в данном деле. Однако, даже если бы это не было так, оспоренное утверждение являлось заявлением о фактах, точность которого не вызывала сомнений, поскольку Н. А. обвинил Валериу Матея в защите интересов преступной группы, и стороны не оспаривали факт этого обвинения.

24. Учитывая вышеуказанные обстоятельства, тот факт, что оспоренное утверждение было высказано журналистом в ходе дебатов на тему, вызывающую общественный интерес, что истцом в национальных процессах был высокопоставленный политик и, принимая во внимание характер использовавшихся выражений, Суд приходит к выводу о том, что вмешательство не отвечало острой общественной необходимости, и, следовательно, не было необходимо в демократическом обществе. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции

25. Газета-заявитель также подала жалобу на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции, утверждая, что прошедшие судебные разбирательства не были справедливыми, потому что национальные суды расценили как клеветническое утверждение, которое сам истец

не обжаловал. Поскольку эта жалоба не поднимает вопроса отдельного от того, который рассматривался в связи со статьей 10 выше, Суд не считает необходимым рассматривать ее отдельно.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

48. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Материальный ущерб

27. Заявитель потребовал 260 евро в качестве возмещения материального ущерба, складывающегося из суммы, уже выплаченной Валериу Матею, и судебных расходов, которые были оплачены для того, чтобы суды рассмотрели жалобы.

28. Правительство не согласилось с затребованной суммой, утверждая, что Заявитель не имеет право на возмещение, потому что судебные разбирательства в национальных судах были справедливыми, а принятые постановления вполне обоснованными. Правительство обратилось к Суду с просьбой отклонить требование Заявителя о возмещении материального ущерба.

29. Суд считает требование Заявителя о возмещении материального ущерба полностью обоснованным и удовлетворяет его в полной мере.

B. Моральный ущерб

30. Заявитель потребовал 18500 евро в качестве возмещения морального ущерба, причиненного ему нарушением его права, гарантированного Конвенцией. Обосновывая свои требования о возмещении морального ущерба, связанного с нарушением статьи 10, Заявитель сообщил о том, что был принужден опубликовать опровержение оспоренного утверждения, и сослался на более раннюю судебную практику по молдавским делам. В частности, он сослался на

дела *Бусуйок против Молдовы (Busuioc v. Moldova)* (постановление от 21 декабря 2004 года, № 61513/00, § 104) и *Савицки против Молдовы (Savitchi v. Moldova)* (постановление от 11 октября 2005 года, № 11039/02, § 64), в которых были назначены четыре и три тысячи евро, соответственно.

31. Правительство оспорило это требование, заявив, что оно необоснованно и чрезмерно.

32. Учитывая факт нарушения статьи 10 Конвенции, установленный выше, Суд считает оправданным присуждение компенсации морального ущерба в данном деле. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает Газете-заявителю 3000 евро (см. постановление по делу *Савицки против Молдовы*, § 64).

С. Издержки и расходы

33. Адвокат Заявителя потребовал 1455 евро на покрытие судебных издержек и расходов. Он представил подробную ведомость и договор, в соответствии с которым его почасовая ставка равнялась 60 евро. Расчеты в ведомости не включали в себя время, потраченное на рассмотрение жалоб по статьям 6, 8 и 13 и статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, которые были впоследствии отозваны Газетой-заявителем.

34. Он заявил, что количество часов, потраченных им на работу по данному делу, не было чрезмерным, а, напротив, оправданным сложностью дела и тем обстоятельством, что комментарии по делу необходимо было составлять на английском языке.

35. В том, что касается почасовой ставки в 60 евро, адвокат утверждал, что ее размер находился в рамках, рекомендованных Ассоциацией адвокатов Молдовы, а именно 40-150 евро в час. Он также упомянул высокую стоимость жизни в Кишиневе, приведя в качестве примеров цены на жилье и бензин.

36. Правительство не согласилось с затребованной суммой на оплату представительских услуг в суде. Его представитель назвал ее чрезмерной и заявил, что сумма, затребованная адвокатом, не соответствовала той, которая была в действительности выплачена ему Газетой-заявителем. Правительство усомнилось в количестве часов, отработанных адвокатом Газеты-заявителя по делу и оспорило размер

почасовой ставки оплаты. Оно также заявило, что размеры почасовой ставки, рекомендованные Ассоциацией адвокатов Молдовы, были слишком высоки, учитывая уровень среднемесячной заработной платы в Молдове, и напомнило о некоммерческом характере организации «Адвокаты за права человека».

37. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, постановление по делу *Амихалакоайе против Молдовы (Amihalachioaie v. Moldova),* № 60115/00, § 47, ЕСПЧ 2004-III).

38. Компенсация судебных издержек не может быть ограничена теми суммами, которые заявитель уже выплатил своему адвокату; по существу, подобный подход лишил бы многих адвокатов мотивации представлять в суде менее состоятельных заявителей. В любом случае, Суд всегда назначал компенсацию судебных издержек и расходов в ситуациях, в которых заявители не выплачивали никаких сумм своим адвокатам до того, как Суд выносил свое решение (см., среди прочих источников, постановление по делу *Илиеску и другие против Молдовы и России (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia)* [БП], № 48787/99, § 493, ЕСПЧ 2004-VII, и *Христианская демократическая народная партия против Молдовы (Christian Democratic People's Party v. Moldova)*, № 28793/02, § 85, ЕСПЧ 2006-...).

В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости и сложность дела, а также тот факт, что одна из жалоб была объявлена неприемлемой, Суд назначает адвокату Заявителя 1200 евро в качестве компенсации издержек и расходов.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет,* что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет,* что отсутствует необходимость рассмотрения жалобы по пункту 1 статьи 6 Конвенции на то, что национальные суды не обосновали свои решения;
4. *Постановляет*,

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции следующие суммы с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета:

(i) 260 евро (двести шестьдесят евро) в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 3000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации морального ущерба;

(iii) 1200 евро (одну тысячу двести евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов;

(iv) сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше.

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

5. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Газеты-заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 12 июня 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Т. Л. Эли — Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007

Краткое изложение дела

ДЕЛО «САВИЦКИ ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Savitchi v. Moldova)

(жалоба № 11039/02)

Постановление Суда
Страсбург, 11 октября 2005 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно

Краткое изложение обстоятельств дела:

В русскоязычной газете «Новый порядок» была опубликована статья журналистки Джульетты Савицки под заголовком «Дорожная полиция – звезда моя», в которой описывались события дорожного происшествия (со слов некоего Виктора – жертвы ДТП) и особо уделялось внимание неправомерному и некорректному поведению работника дорожной полиции. Фамилия полицейского не указывалось, а использовалась лишь уменьшительная форма его имени - Жора.

Полицейский Г. Р. подал гражданский иск о клевете против Заявительницы и газеты, утверждая, что в газетной статье содержались клеветнические утверждения по отношению к нему.

Районный суд Чентру констатировал, что информация, содержавшаяся в статье, была клеветнической в отношении Г. Р. и не соответствовала действительности. Суд заключил, что эти утверждения были клеветническими в отношении Г. Р., поскольку характеризовали его как жестокого, агрессивного и мстительного человека. К тому же, Заявительница не представила никаких доказательств, подтверждавших эти утверждения. В итоге суд обязал журналистку и газету опубликовать опровержение и выплатить истцу в качестве возмещения морального ущерба сумму в эквиваленте равном 150 евро.

Кишиневский областной суд оставил решение в силе. Апелляционный суд отменил принятое решение и принял новое постановление, сократив число оспоренных сведений. Обязанность публикации опровержения и компенсации морального ущерба по-прежнему была возложена на Заявительницу и газету.

Оценка Европейского Суда:

Рассматривая вопрос о том, было ли вмешательство государства в право заявительницы на свободу выражения мнения необходимым в демократическом обществе, суд указал, что

> *«право на свободное выражение мнения применимо не только к «информации» или «идеям», которые встречают благожелательный прием или рассматриваются как безобидные или безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения». Кроме этого, журналистская свобода также предполагает использование определенной степени преувеличения или даже провокации» (п. 45 постановления).*

При этом суд отметил, что осуществление свободы выражения мнения налагает на прессу определенные «обязанности и ответственность» (п. 46 постановления):

> *«Эти «обязанности и ответственность» приобретают особую значимость, когда, как в данном деле, рассматривается вопрос о нападках на репутацию частных лиц и умаление «прав других людей». По причине существования этих «обязанностей и ответственности» неотъемлемых от осуществления свободы выражения мнения, защита, гарантированная в статье 10 журналистам при освещении тем, представляющих всеобщий интерес, обусловлена их добросовестностью в стремлении предоставить точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой».*

Суд в очередной раз указал на важность разграничения фактов и оценочных суждений, мнений и невозможность доказать достоверность последних.

Суд посчитал неприменимой в данном деле позицию, изложенную им в деле *Яновский против Польши*, в соответствии с которой он осуществлял защиту государственных служащих при исполнении своих обязанностей от грубых, оскорбительных и клеветнических нападок. Суд мотивировал это тем, что

> *«оспоренные утверждения в данном деле стали частью открытого обсуждения злободневных общественных тем, включавших проблему свободы прессы, поскольку Заявитель действовала в качестве журналиста, а не просто как частное лицо».*

К тому же, по мнению Суда, характер языка, которым была написана статья, нельзя расценить как «грубый и оскорбительный» (п. 52 постановления).

Также суд напомнил, что:

> *«… наказание журналиста за содействие в распространении утверждения, высказанного другим человеком во время интервью, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение вопросов, вызывающих интерес общественности, и не должно рассматриваться, если только нет действительно весомых причин для его применения»* (п. 54 постановления).

Анализируя содержание спорных утверждений, суд признал, что первое является очевидным оценочным суждением, а второе было скорее фактологическим утверждением, и, что, следовательно, заявитель должна была доказать его достоверность. Учитывая, что национальные суды требовали от заявительницы доказать достоверность распространенных сведений и при этом не обратили никакого внимания на показания свидетеля по делу, Суд посчитал, что молдавские суды осуществили вмешательство в право Савицки на свободное выражение мнения в такой форме, которая не была необходима в демократическом обществе (п. 59 постановления).

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «САВИЦКИ ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Savitchi v. Moldova)

(жалоба № 11039/02)

Постановление Суда
Страсбург, 11 октября 2005 года

По делу «Савицки против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель,*
г-н Ж. Касадеваль,
г-н Дж. Бонелло,
г-н Р. Марусте,
г-н С. Павловский,
г-жа Х. Боррего Боррего,
г-н Л. Гарлицкий, *судьи*,

а также г-н М. О'Бойл, *Секретарь Секции*,

Проведя 22 сентября 2005 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано в результате подачи жалобы (№11039/02) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») гражданкой Молдовы Джульеттой Савицки (далее - «Заявитель»), 17 апреля 2001 года.

2. Интересы заявительницы представлял г-н В. Грибинча из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдавское правительство (далее -

«Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. Заявительница утверждала, в частности, что ее право на свободу выражения мнения было нарушено вследствие принятых судебных решений в ходе разбирательств поданных против нее исков о диффамации.

4. Жалоба была направлена в Четвертую секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В рамках работы секции Палата, которой предстояло рассмотреть данное дело (пункт 1 статьи 27 Конвенции), была составлена в соответствии с пунктом 1 Правила 26.

48. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав своих секций (пункт 1 Правила 25). Рассмотрение данного дела было поручено Четвертой секции в новом составе (пункт 1 Правила 52).

49. Решением от 1 февраля 2005 года Суд объявил жалобу частично приемлемой.

50. И Заявительница, и Правительство представили свое изложение обстоятельств дела (пункт 1 Правила 59), поскольку Палата после консультаций со сторонами приняла решение об отсутствии необходимости рассмотрения дела по существу (пункт 3 Правила 59 *in fine*).

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

51. Заявительница, г-жа Джульетта Савицки, гражданка Молдовы, 1970 года рождения, проживает в Кишиневе, журналист.

52. 2 октября 1999 года русскоязычная газета «Новый порядок» опубликовала статью под заголовком «Дорожная полиция – звезда моя», подписанную Заявительницей. В статье в частности, говорилось:

> *«... Для нас, обычных граждан, это довольно банальная история, и нормальное явление для инспекторов дорожной полиции. В любом случае, она служит хорошим примером*

«звездной болезни», которой страдают работники дорожной полиции.

Человек ехал на своем «Москвиче» по бульвару Штефана чел Маре. Назовем его «Виктор». Когда он подъехал к перекрестку бульвара имени Штефана чел Маре и улицы Тигина (Бендерской), свет светофора изменился на красный, и, как любой нормальный человек, он нажал на тормоз. Однако людям, соблюдающим правила, не всегда везет. И вот в него на большой скорости врезается роскошный «Опель». Обе машины получили повреждения, но «Москвич» был поврежден больше. Виктор остался на месте происшествия, как сделал бы любой человек, который верит в строгость закона, ожидая приезда дорожных полицейских и их мудрого и справедливого вердикта. Владелец же «Опеля», понимая, что виноват, нажал на газ и скрылся.

Через некоторое время появился сержант дорожной полиции и начал заниматься измерениями и выяснением обстоятельств, делая пометки в своей записной книжке. Ситуация была в самом разгаре, когда появился владелец «Опеля», но без машины. Он подождал, пока полицейский закончит свою работу, и затем сказал, что отправится в Муниципальный центр дорожной полиции для того, чтобы разрешить эту проблему.

В Муниципальном центре дорожной полиции двух автовладельцев и полицейского принял человек почтенного возраста с погонами старшины (позднее мы выяснили, что он работал в отделе по чрезвычайным ситуациям). Владелец «Опеля» обращался к нему очень дружелюбно и называл его «Жора». Старшина Жора подошел к молодому сержанту, бывшему на месте происшествия, и задал ему вопрос в таком тоне, что он был больше похож на приказ: «Сколько ты работаешь в дорожной полиции?» - «Два года…» - «А я работаю двадцать лет, так что слушай меня. Ничего не пиши, пусть люди сами договорятся, и тот, кто виноват (т.е. владелец «Опеля») заплатит другому приблизительно 30 молдавских лей. Все равно это не машина, а корыто, так что нечего шум поднимать».

Владелец «корыта», которого нельзя считать состоятельным человеком, почти потерял дар речи, когда это услышал. Возможно ли, что человеку предлагают такую ничтожную сумму денег за настолько серьезное повреждение его автомобиля? Поскольку жертва не желала соглашаться, старшина Жора и владелец «Опеля» немного увеличили сумму, торгуясь за каждый лей. Боясь, что не получит вообще ничего, Виктор согласился на 75 лей. Позднее его знакомые отремонтировали его машину и посмеялись над ним за то, что его одурачили как мальчишку. Ремонт обошелся Виктору в чуть более 200 лей – сумму, которая показалась бы некоторым работникам дорожной полиции смехотворной. Для Виктора же это были большие деньги. Но он был расстроен не из-за денег, а из-за отношения к нему в Центре дорожной полиции, особенно со стороны этого старшины Жоры, который обращался с ним как с человеком из низших слоев общества, почти как с ничтожеством. Через несколько дней Виктор отправился к Жоре, чтобы забрать свои водительские права. Старшина пообещал вернуть права, но только при условии, что Виктор заплатит штраф в 18 лей. Виктор был ошеломлен: «Почему я должен платить штраф? Что я сделал?». Старшина пришел в ярость: «Если я говорю, что ты должен заплатить штраф, плати и не задавай вопросов».

Виктор, вне себя от абсурдности ситуации, предупредил полицейского, что пожалуется на него начальству. Старшина, понимая, что настоять на своем ему не удастся, буквально взорвался. Он бросил Виктору водительские права в лицо, крича, как помешанный.

«Он будет жаловаться! Кто ты есть? Бери свои документы и убирайся отсюда, и молись, чтобы ты никогда вновь не оказался в дорожной полиции, иначе узнаешь, что такое большие неприятности».

Человек взял свои права и ушел из полицейского участка, размышляя, что Жора может сделать с ним, окажись он там еще раз…».

53. В один из дней 1999 года полицейский Г. Р. подал гражданский иск о диффамации против Заявителя и газеты в районный суд района Центру. Ссылаясь на статьи 7 и 7 §1 Гражданского Кодекса, истец утверждал, что в газетной статье содержались клеветнические утверждения по отношению к нему.

54. В период с января по март 2000 года состоялось несколько слушаний, на которых дали показания несколько свидетелей. Заявительница и редакция газеты заявили, что факты, представленные в статье, были простым воспроизведением истории, рассказанной Виктором, жертвой ДТП. Виктор привел соответствующие доказательства. Они заявили далее, что информация, содержавшаяся в статье, не была клеветнической по своему характеру и никоим образом не могла повредить репутации истца, особенно, поскольку не содержала его полного имени, а лишь уменьшительную форму его имени.

55. В своем постановлении от 14 марта 2000 года районный суд Центру констатировал, что информация, содержавшаяся в статье, была клеветнической в отношении Г.Р. и не соответствовала действительности. Аргумент суда состоял в том, что в отделе чрезвычайных происшествий был только один старшина Жора, и поэтому было легко понять, о ком шла речь. Суд счел особенно клеветническими следующие отрывки из статьи:

> *«... этого старшины Жоры, который обращался с ним как с человеком из низших слоев общества, почти как с ничтожеством».*

56. Суд заключил, что это утверждение означало, «что «Жора» был полицейским, который не умел вести себя с другими людьми, и был не очень положительным человеком».

> *«Старшина пообещал вернуть права, но только при условии, что Виктор заплатит штраф в 18 лей».*

57. Суд заключил, что это утверждение не соответствовало действительности, поскольку Виктор сам забыл забрать свои водительские права. К тому же, Виктор не мог доказать, что от него требовали заплатить штраф.

«Бросил Виктору водительские права в лицо, крича, как помешанный».

«Бери свои документы и убирайся отсюда, и молись, чтобы ты никогда вновь не оказался в дорожной полиции, иначе узнаешь, что такое большие неприятности».

58. Суд заключил, что эти утверждения были клеветническими в отношении Г.Р., поскольку характеризовали его как жестокого, агрессивного и мстительного человека. К тому же, Заявительница не представила никаких доказательств, подтверждавших эти утверждения. Суд никак не отразил показания Виктора в своем постановлении.

59. Суд обязал Заявительницу и газету выплатить истцу 180 лей в качестве возмещения морального ущерба (эквивалент 14,4 евро на тот момент) и 1800 (эквивалент 147 евро на тот момент), соответственно. Он также обязал их опубликовать опровержение вышеупомянутых утверждений.

60. Данное постановление обжаловала только газета. Заявительница лишь подала ходатайство, в котором она полностью соглашалась с жалобой газеты, и присоединялась к нему.

61. 30 мая 2000 года Кишиневский областной суд отклонил жалобу на основании того, что Заявительница не доказала достоверность своего утверждения.

62. Газета подала кассационную жалобу на постановление в областной суд. Заявительница не только не подала собственную кассационную жалобу, но и не присоединилась к жалобе газеты.

63. 24 октября 2000 г. апелляционный суд удовлетворил апелляционную жалобу и отменил постановления районного суда Чентру и Кишиневского областного суда в отношении газеты и Заявительницы. Он вынес новое постановление, но также в пользу Г.Р. В этом постановлении суд расценил как клеветнические и несоответствующие действительности только следующие утверждения:

«...этого старшины Жоры, который обращался с ним как с человеком из самых низких слоев общества, почти как с ничтожеством».

«Бросил Виктору водительские права в лицо, крича, как помешанный».

64. Суд постановил, что газета должна опубликовать опровержение вышеупомянутых утверждений в течение пятнадцати дней. Заявительница и газета были обязаны выплатить истцу 180 и 1800 лей соответственно в качестве возмещения морального ущерба, а также по 90 лей для покрытия судебных расходов.

II. Применимое национальное законодательство

65. Применимые положения Гражданского кодекса, действовавшие во время происходивших событий

Статья 7. Защита чести и достоинства

«(1) Любое физическое или юридическое лицо имеет право обращения в суд с требованием опровержения утверждений, наносящих ущерб его или ее чести и достоинству и несоответствующих действительности, а также утверждений, не наносящих ущерб чести и достоинству, но несоответствующих действительности.

(2) В случаях, когда СМИ, распространившее такие утверждения, не в состоянии доказать, что они соответствуют действительности, суд должен обязать публикующий орган СМИ опубликовать не позднее 15 дней после вступления в силу судебного решения опровержение соответствующих утверждений в той же колонке, на той же странице или в той же программе или серии теле/радио передач».

Статья 7 § 1. Компенсация морального ущерба

«(1) Моральный ущерб, нанесенный человеку в результате распространения через СМИ или организации или других людей утверждений, несоответствующих

действительности, а также утверждений, касающихся его или ее частной или семейной жизни, без его или ее согласия, должны возмещаться в форме денежной компенсации, размер которой определяет суд.

(2) Сумма компенсации определяется судом по каждому отдельному делу в размере от 75 до 200 месячных МРОТ, если информация была распространена юридическим лицом и в размере от 10 до 100 МРОТ, если информация была распространена физическим лицом».

ПРАВО

I. Предварительное возражение Правительства

66. В своем меморандуме от апреля 2005 года Правительство впервые выдвинуло возражение о том, что были использованы не все средства национальной судебной защиты, поскольку Заявительница не подала жалобу в апелляционный суд.

67. Заявительница не согласилась с этим, заявив, что, поскольку Правительство не подняло этот вопрос на стадии разрешения вопроса о приемлемости, то оно больше не имело на это права.

68. Суд отмечает, что, будучи в Суде для представления позиции относительно приемлемости жалобы, представители Правительства не затронули проблемы того, что Заявитель, возможно, не исчерпала всех средств судебной защиты в своей стране.

69. Суд напоминает, что, правило исчерпания национальных средств судебной защиты, о котором говорится в пункте 1 статьи 35 Конвенции, обязывает стороны, намеренные обратиться на государство в международный судебный орган, сначала исчерпать все средства судебной защиты, предоставляемые национальной правовой системой. В то же время, в соответствии с Правилом 55 Регламента, любая претензия относительно неприемлемости должна, насколько позволяют ее характер и обстоятельства, выдвигаться Договаривающейся стороной-ответчиком в форме письменных или устных пояснений относительно приемлемости жалобы (см. постановления по делам *К. и Т. против Финляндии (K. and T. v.*

Finland) [БП], № 25702/94, § 145, ЕСПЧ 2001-VII; *Н. С. против Италии (N. C. v. Italy)* [БП], № 24952/94, § 44, ЕСПЧ 2002-X).

70. Для Суда является нормальной практикой, что, когда дело коммуницируется государству-ответчику, то жалоба не объявляется неприемлемой по причине неполного исчерпания существующих в стране средств судебной защиты, если только это обстоятельство не упоминается правительством в своей позиции (см. постановление по делу *Ребок против Словении (Rehbock v. Slovenia)* от 20 мая 1998 года, № 29462/95).

71. Суд отмечает, что, перед тем как было принято решение о приемлемости данного дела, правительство не приводило довод о неисчерпанности национальных средствах защиты (см. решение о приемлемости от 1 февраля 2005 года). Таким образом, Правительство больше не имеет права выдвигать это возражение против приемлемости жалобы (см. *Продан против Молдовы (Prodan v. Moldova)*, № 49806/99, § 36, ЕСПЧ 2004-... (извлечения)).

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

72. Заявитель обратилась с жалобой на нарушение ее права на свободу выражения мнения, гарантированное в статье 10 Конвенции, которая гласит:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения*

разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Аргументы сторон

1. Заявитель

73. Заявительница утверждала, что статьи 7 и 7 § Гражданского кодекса не были сформулированы достаточно точно и ясно, поскольку в них не отражается то обстоятельство, что оценочные суждения не подлежат доказыванию.

74. Она заявила, что вмешательство в осуществление ее свободы выражения мнения не было необходимо в демократическом обществе, потому что оспоренное утверждение содержало оценочные суждения, а не факты. Таким образом, обязывая ее доказать достоверность своих утверждений, национальные суды налагали на нее невыполнимые обязательства.

75. Она далее привела довод о том, что статья не содержала в себе полного имени Г. Р. и, следовательно, узнать, о ком именно шла речь, было практически невозможно. Статья была написана в саркастическом тоне и нацелена на выявление и критику психологических и поведенческих особенностей дорожных полицейских. Она касалась темы, вызывающей общественный интерес.

76. К тому же, сумма возмещения вреда, присужденная в пользу Г. Р., была произвольной, поскольку суды не обосновали ее размер.

2. Правительство

77. Правительство согласилось с тем, что факты данного дела указывали на вмешательство в осуществление Заявителем права на свободу выражения мнения. Вмешательство было, тем не менее, оправдано пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Заявительница была обязана решением суда выплатить возмещение морального вреда на основании статей 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса. Следовательно, вмешательство было «предписано законом», и закон был доступным и предсказуемым. Оно служило законной цели защиты достоинства полицейского; к тому же, эта мера была необходима в демократическом обществе.

78. Правительство заявило, что оспоренные утверждения содержали утверждения о фактах, а не оценочные суждения, и, что существовала острая общественная необходимость, оправдывавшая вмешательство.

79. Правительство указало на существование у национальных органов власти пределов усмотрения при определении необходимости вмешательства и выдвинуло аргумент о том, что в ситуациях, при упоминании которых в Конвенции имеются ссылки на национальное законодательство, приоритет при осуществлении задачи его применения и толкования находится именно у национальных органов власти. Правительство заявило, что в данном деле национальные органы власти не вышли за пределы усмотрения, но использовали их вполне добросовестно, аккуратно и разумно.

80. Правительство утверждало, что причины, выдвинутые в обоснование вмешательства, были «существенны и достаточны». В этой связи, как было заявлено, читатели могли легко узнать, кто скрывался за инициалами Г. Р., по уменьшительной форме его имени, поскольку в его полицейском отделении быт только один человек с таким именем.

81. Опираясь на материалы дела *Яновский против Польши (Janowski v. Poland)* ([БП], № 25716/94, ЕСПЧ 1999-I), Правительство заявило, что человек, против которого была направлена статья Заявителя, был государственным служащим и, «…чтобы успешно выполнять свои обязанности государственные служащие должны пользоваться доверием общественности в условиях свободных от необоснованного беспокойства, чтобы успешно исполнять свои обязанности, а, следовательно, для этого может быть необходима защита от агрессивных и оскорбительных словесных нападок».

82. В отношении соразмерности примененного наказания преследованной законной цели, Правительство выдвинуло довод о том, что Заявителю было приказано выплатить компенсацию в 180 молдавских лей, т.е. минимальную сумму, предусмотренную в статьях 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса. Таким образом, по заключению представителей Правительства, примененная санкция была соразмерна преследованной законной цели.

B. Оценка Суда

83. Стороны и Суд согласились с тем, что решения национальных судов и назначенное Заявителю возмещение вреда представляли собой «вмешательство государства» в осуществление Заявительницей своего права на свободу выражения мнения в соответствии с первым пунктом статьи 10. Такое вмешательство влечет за собой нарушение статьи 10, если только оно не «предписано законом», не преследует одну или несколько законных целей в соответствии с пунктом 2 данной статьи, и не является «необходимым в демократическом обществе» для достижения такой цели или целей.

1. «Предписано законом»

84 Суд отмечает, что обжалованное вмешательство имело юридическую основу, а именно, статьи 7 и 7 § 1 Гражданского кодекса (см. пункт 22 выше). В своем постановлении по делу *Бусуйок против Молдовы (Busuioc v. Moldova)* от 21 декабря 2004 года (№ 61513/00, § 52-54), Суд установил, что эти положения были доступны и предсказуемы. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что в данном деле вмешательство было «предписано законом» в соответствии с пунктом 2 статьи 10.

2. «Законная цель»

85. Стороны не оспаривают, а Суд соглашается с тем, что вмешательство служило законной цели защиты репутации полицейского Г. Р. Следовательно, остается ответить на вопрос о том, было ли вмешательство «необходимым в демократическом обществе».

3. «Необходимо в демократическом обществе»

(a) Общие принципы

86. Свобода выражения мнения является одним из основ демократического общества и механизмы защиты, которыми может воспользоваться пресса, имеют особую важность. В то время как пресса не должна переступать установленные границы, *inter alia*, в интересах «защиты репутации или прав других людей», она, тем не менее, призвана распространять информацию и идеи, вызывающие общественный интерес. Но не только пресса имеет перед собой задачу

распространения такой информации и идей – общественность также имеет право получать их. Если бы это было не так, пресса не смогла бы играть свою чрезвычайно важную роль «стража общественных интересов» (см., например, постановление по делу «*Обсервер и Гардиан против Великобритании (Observer and Guardian v. The United Kingdom)* от 26 ноября 1991 года, серия А № 216, стр. 29-30, § 59).

87. Наиболее тщательная проверка со стороны суда требуется тогда, когда применяемые меры или налагаемые государственными органами санкции могут отбить у прессы охоту вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих законный общественный интерес (см., например, постановления по делам *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 года, серия А № 103, § 44, *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsö and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 64, ЕСПЧ 1999-III, *Торгер Торгерсон против Исландии (Torger Torgerson v. Island)* от 25 июня 1992 года, серия А № 239, § 68).

88. Право на свободу выражения мнения применимо не только к «информации» или «идеям», которые встречают благожелательный прием или рассматриваются как безобидные или безразличные, но также и к таким, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство государству или части населения». Кроме этого, журналистская свобода также предполагает использование определенной степени преувеличения или даже провокации (см., постановление по делу *Де Хаес и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijsels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 года, Отчеты о постановлениях и решениях 1997-I, стр. 236, § 47).

89. Статья 10 Конвенции не гарантирует ничем не ограниченную свободу выражения мнения даже в отношении освещения прессой вопросов, вызывающих серьезную общественную озабоченность. В соответствии с формулировкой пункта 2 этой статьи, осуществление этой свободы, налагает «обязанности и ответственность», что относится и к прессе. Эти «обязанности и ответственность» приобретают особую значимость, когда, как в данном деле, рассматривается вопрос о нападках на репутацию частных лиц и умалении «прав других людей». По причине существования этих «обязанностей и ответственности» неотъемлемых от осуществления свободы выражения мнения, защита, гарантированная в статье 10 журналистам при освещении тем, представляющих общественный

интерес, обусловлена их добросовестностью в стремлении предоставить точную и надежную информацию в соответствии с журналистской этикой (см. постановления по делам *Гудвин против Великобритании (Goodwin v. The United Kingdom)* от 27 марта 1996 г., *отчеты* 1996-II, стр. 500, § 39, и *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France)* [БП], № 29183/95, § 54, ЕСПЧ 1999-I).

90. Наказание журналистов за содействие в распространении заявлений, сделанных другим лицом в ходе интервью, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение проблем, представляющих общественный интерес, если только речь не идет об особо серьезных ситуациях (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 года, серия А № 298, § 35).

91. Чтобы успешно выполнять свои обязанности государственные служащие должны пользоваться доверием общественности в условиях свободных от необоснованного беспокойства, чтобы успешно исполнять свои обязанности, а, следовательно, для этого может быть необходима защита от агрессивных и оскорбительных словесных нападок (см. постановление по делу *Яновский против Польши* ([БП], № 25716/94, § 33, ЕСПЧ 1999-I). Требования такой защиты необходимо сопоставить с интересами свободы прессы или открытой дискуссии по вопросам, вызывающим общественное беспокойство.

92. В своей практике Суд разделяет утверждения о фактах и оценочные суждения. Существование фактов может быть доказано, в то время как достоверность оценочных суждений доказать невозможно. Требование доказать достоверность оценочных суждений невозможно выполнить, и оно является нарушением самой свободы придерживаться мнения, которая лежит в основе права, гарантированного статьей 10 Конвенции (см. постановление по делу *Джерусалем против Австрии (Jerusalem v. Austria)*, № 26958/95, § 42, ЕСПЧ 2001-II). Однако, даже когда сведения выражены в форме оценочного суждения, соразмерность вмешательства может зависеть от существования фактологического основания для оспоренного суждения, поскольку даже оценочное суждение без фактического основания может быть чрезмерным (см. постановления по делам *Де Хаес и Гийселс против Бельгии*, упомянутое выше, § 47; *Обершлик против Австрии (Oberschlik v. Austria)* (№ 2) от 1 июля 1997 года, Отчеты 1997-IV, стр. 1276, §33).

93. Осуществляя свою надзорную юрисдикцию, Европейский Суд обязан изучить оспариваемое вмешательство в свете всего дела в целом, включая смысл высказываний, которые ставились Заявителю в вину, и контекст, в котором они распространялись. В частности, Суд должен определить, было ли рассматриваемое вмешательство «соразмерно преследуемой законной цели», и являются ли доводы, выдвинутые национальными властями в его обоснование «существенными и достаточными» (см. постановление по делам *Яновский против Польши,* упомянутое выше, § 30, и *Барфод против Дании (Barfod v. Denmark)* от 22 февраля 1989 года, серия А № 149, § 28). Поступая таким образом, Суд должен убедиться в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам Статьи 10, и, к тому же, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании,* упомянутое выше, § 31).

(b) Применение вышеуказанных принципов в данном деле

94. Правительство заявило, что истец в данном деле (полицейский Г. Р.) был государственным служащим, и, следовательно, имел большую степень защиты от необоснованной критики и общественного внимания.

95. Ранее Суд действительно принимал решения о необходимости защиты государственных служащих при исполнении своих обязанностей от грубых, оскорбительных и клеветнических нападок. Однако Суд считает, что данное дело отличается от дела *Яновский против Польши*. В отличие от последнего, оспоренные утверждения в данном деле стали частью открытого обсуждения злободневных общественных проблем, включавших проблему свободы прессы, поскольку Заявительница действовала в качестве журналиста, а не просто как частное лицо. К тому же, по мнению Суда, характер языка, которым была написана статья, нельзя расценить как «грубый и оскорбительный», как это было в деле *Яновский против Польши.*

96. Таким образом, подход, который избрал Суд в деле *Яновский против Польши,* в данном деле неприменим. Напротив, Суд считает, что поскольку на карту была поставлена свобода прессы, рамки усмотрения молдавских властей были у́же при рассмотрении вопроса о

том, существовала ли «острая социальная необходимость» вмешательства в осуществление Заявителем свободы выражения мнения.

97. Суд напоминает, что наказание журналиста за содействие в распространении утверждения, высказанного другим человеком во время интервью, могло бы серьезно помешать прессе вносить свой вклад в обсуждение вопросов, вызывающих интерес общественности, и не должно налагаться, если только нет действительно весомых причин для его применения (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании,* упомянутое выше, § 35). Учитывая умеренность выражений, которые использовала Заявительница и то обстоятельство, что нет оснований полагать, что она действовала недобросовестно с целью опорочить Г.Р., Суд приходит к заключению, что действительно весомых причин для наказания не было.
985. Суд далее отмечает, что первое оспоренное утверждение, которое молдавские суды расценили как клеветническое, «*обращался с ним как с человеком из низших слоев общества, почти как с ничтожеством»* не может восприниматься иначе, как оценочное суждение. Национальные суды, однако, нашли его несоответствующим действительности, поскольку Заявительница была не в состоянии доказать его достоверность. Суд отмечает, что это оценочное суждение имело фактологическое основание, а именно рассказ Виктора. Также необходимо отметить, что язык, которым воспользовалась Заявительница для его выражения, был умеренным. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что вмешательство в осуществление Заявителем свободы выражения мнения в отношении известного утверждения не было необходимо в демократическом обществе.

99. Второе утверждение «*Он бросил Виктору водительские права в лицо, крича, как помешанный*» может означать две вещи в русском языке. А именно, оно может означать, что водительское удостоверение было буквально брошено в лицо Виктору (что было бы утверждением о факте) или же оно может означать, что водительские права были отданы Виктору невежливым образом (что было бы оценочным суждением). Национальные суды не предприняли попытки выяснить, какой из двух смыслов был вложен в эту фразу.

100. Поскольку для национальных судов первично оценить факты предстоящего дела, Суд не станет строить домыслы относительно

того, была ли вторая фраза оценочным суждением или утверждением о факте. Однако по причинам, изложенным ниже, он склоняется к выводу о том, что указанное утверждение было скорее утверждением о факте, и, что, следовательно, Заявительница должна была доказать его достоверность.

101. Далее Суд отметил, что Заявительница попыталась предъявить доказательства, пригласив свидетеля, Виктора (см. пункт 11 выше). Однако, национальные суды не обратили никакого внимания на показания Виктора и не попытались рассмотреть их (см. пункт 15 выше), видимо, считая их несущественными.

102. В таких обстоятельствах, Суд считает, что, требуя от Заявительницы доказательств достоверности ее утверждения, одновременно лишая ее действительной возможности предоставления доказательств правдивости своего утверждения, молдавские суды осуществили вмешательство в осуществление ее права на свободное выражение мнения в такой форме, которая не была необходима в демократическом обществе (см., постановление по делу *Бусуйок против Молдовы*, упомянутое выше, § 88).

103. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Применение статьи 41 Конвенции

104. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

А. Ущерб

105. Заявитель потребовала 5 000 евро в качестве возмещения материального и морального ущерба, нанесенного вследствие нарушения ее права на свободу выражения мнения. Она утверждала, что испытала глубокое расстройство и перенесла страдания. Она напомнила о деле *Украинская медиа-группа против Украины (Ukrainian Media Group v. Ukraine)* (постановление от 29 марта 2005 года, № 72713/01), в котором Заявителю было присуждено 33 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она также напомнила Суду о делах *Стил и Моррис против Великобритании (Steel and Morris v. The United Kingdom)*, № 68416/01, ЕСПЧ 2005 -... и *Щарсах и Ньюз Верлагзгесельшафт против Австрии (Scharsach and News Verlagsgesellschaft v. Austria)*, № 39394/98, ЕСПЧ 2003-XI, в которых Заявителям было назначено 20 000 и 5 000 евро, соответственно, в качестве возмещения морального вреда. Ссылаясь на дело *Бусуйок против Молдовы*, в котором Заявителю было назначено 4 000 евро, она заявила, что в этом деле Суд констатировал, что несколько фактов вмешательства не являлись нарушениями статьи 10, и, следовательно, она была вправе ожидать большей компенсации.

106. Правительство не согласилось с затребованной суммой, утверждая, что Заявитель не понесла ни материального, ни морального ущерба. Его представители сослались на такие дела, как *Обершлик против Австрии (Oberschlik v. Austria) (№ 1)* от 23 мая 1991 года, серия А № 204, и *Швабе против Австрии (Schwabe v. Austria)* от 28 августа 1992 года, серия А № 242 - В, в которых Суд не назначил Заявителям никакой компенсации морального ущерба, имея в виду, что и в данном деле Заявитель не должен был получить ничего.

107. В виду вышеупомянутых заключений, Суд считает, что Заявительница понесла материальный ущерб, а именно выплатила возмещение вреда, к которой ее обязал национальный суд, и что она, очевидно, испытала определенное расстройство в результате нарушения своего права на свободу выражения мнения, которое не может быть компенсировано простой констатацией факта нарушения. Принимая решение на справедливой основе, Суд назначает Заявительнице общую сумму в размере 3 000 евро в качестве возмещения материального и морального ущерба.

B. Издержки и расходы

108. Заявительница также потребовала 2 500 евро на покрытие судебных расходов и издержек, утверждая, что ее адвокат потратил пятьдесят семь часов на работу по данному делу. Она предъявила подробную ведомость и договор, в соответствии с которым почасовая ставка оплаты услуг адвоката составляла 50 евро, но общая сумма не могла быть выше 2 500 евро.

109. Правительство не согласилось с затребованной суммой, утверждая, что Заявительница не представила доказательств якобы имевших место расходов на представление в суде. По мнению представителя Правительства, сумма, затребованная Заявителем, была слишком высока, учитывая среднемесячный размер зарплаты в Молдове и размеры официальных гонораров, выплачиваемых государством адвокатам. С точки зрения Правительства гонорар адвоката в данном деле не должен превысить суммы в 25 евро.

Правительство также поставило под сомнение заявленное количество часов, потраченное адвокатом на работу по делу в целом и на изучение практики суда, в частности, на том основании, что судебная практика, на которую опирался адвокат Заявителя, не имела отношения к делу.

110. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, постановление по делу *Нильсен и Йонсен против Норвегии (Nilsen and Johnsen v. Norway)* [БП], № 23118/93, § 62, ЕСПЧ 1999-VIII).

111. В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости, приведенные выше критерии и сложность дела, Суд назначает адвокату Заявителя 1 500 евро в качестве компенсации издержек и расходов.

C. Процентная ставка

69. Суд считает целесообразным принять процентную ставку в соответствии с предельным размером ссудного процента Европейского Центрального Банка, к которому должны быть добавлены три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*,

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции 3 000 евро (три тысячи евро) в качестве компенсации материального и морального ущерба и 1 500 евро (одну тысячу пятьсот евро) в качестве возмещения судебных издержек и расходов с последующим их пересчетом в валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета плюс сумму любого налога, которым могут облагаться суммы, указанные выше;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных пунктов;

4. *Отклоняет* оставшуюся часть иска Заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 11 октября 2005 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Майкл О'Бойл — Секретарь Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007

Краткое изложение дела

ДЕЛО «КОММЕРСАНТ МОЛДОВЫ» ПРОТИВ МОЛДОВЫ» (Kommersant Moldovy v. Moldova)

(жалоба № 41827/02)

Постановление Суда
Страсбург, 9 января 2007 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

В газете «Коммерсант Молдовы» был опубликован ряд статей с критикой действий властей Молдовы в отношении отделившейся области на территории страны («Молдавской республики Приднестровье» или «МРП») и цитатами, содержавшими резкую критику молдавского правительства, из высказываний некоторых лидеров МРП и России.

Генеральный прокурор Молдовы возбудил судебное дело против заявителя, обвиняя его в «создании угрозы через распространение публикаций для национальной безопасности и территориальной целостности, а также общественной безопасности и порядка Молдовы», выражении открытой поддержки неконституционному режиму самопровозглашенной [МРП], пропаганде идей сепаратизма, принадлежащих ее лидерам и искажении сути правовой деятельности молдавских органов власти и международных организаций при разрешении проблем регионов к востоку от Днестра». В суд было направлено требование закрыть газету.

Хозяйственный суд Молдовы удовлетворил иски Генерального Прокурора и распорядился закрыть газету. При этом суд не уточнил, какое выражение или фраза представляли собой угрозу и не дал никаких подробных разъяснений, но добавил, что газетные статьи не содержали точного изложения публичных заявлений представителей

государственных органов, и, следовательно, не освобождали их автора от судебной ответственности. Также заявитель был обязан выплатить штраф.

Апелляционная палата Хозяйственного суда Молдовы подтвердила принятое судом нижестоящей инстанции решение, повторив его доводы. Верховный суд утвердил оба решения. Впоследствии газета была перерегистрирована под названием «Коммерсант-плюс».

Оценка Европейского Суда:

Суд отметил особую роль прессы как «стража общественных интересов». А также указал на особо пристальное внимание при рассмотрении дел, в которых властями принимаются меры в виде штрафных санкций:

> *«Особо пристального внимания Суда заслуживают дела, в которых меры, принятые национальными органами власти, и сопровождавшиеся штрафными санкциями, могли отрицательно сказаться на желании прессы участвовать в общественной дискуссии на темы, вызывающие законную озабоченность общественности» (п. 30 постановления).*

Суд также напомнил, что право на свободное выражения мнения применимо и к выражениям, которые оскорбляют, шокируют или будоражат государство или любую часть его населения, возможности использования прием преувеличения или даже провокации (п. 31 постановления).

Суд указал, что осуществление свободы выражения мнения налагает на прессу определенные «обязанности и ответственность». Эти «обязанности и ответственность» приобретают особую значимость, когда, как в данном случае, возникает тема угрозы национальной безопасности и территориальной целостности государства и в таком случае особенно важно добросовестность журналистов при предоставлении точной и надежной информации в соответствии с профессиональной журналистской этикой.

В данном деле Суд согласился со сторонами, что закрытие газеты являлось вмешательством в осуществление заявителем своего права на

свободу выражения мнения, и с тем, что вмешательство было «предписано законом» и имело законную цель.

Рассматривая, было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе, суд посчитал недостаточными причины, которые выдвинули национальные власти для обоснования вмешательства:

> *«… национальные суды не выдвинули существенных и достаточных причин вмешательства. В особенности, суды не указали, какие именно части статей заявителя были сомнительны, и каким образом они создавали угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны или порочили президента и страну» (п. 37 постановления).*

В итоге суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «КОММЕРСАНТ МОЛДОВЫ» ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Kommersant Moldovy v. Moldova)

(жалоба № 41827/02)

Постановление Суда
Страсбург, 9 января 2007 года

По делу «Коммерсант Молдовы» против Молдовы» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Сэр Николас Братца, *Председатель*,
Г-н Ж. Касадеваль,
Г-н Дж. Бонелло,
Г-н М. Пеллонпаа,
Г-н К. Трайа,
Г-н С. Павловский,
Г-н Я. Шикута, *судьи*

а также г-жа Ф. Элленс-Пассос, *Заместитель Секретаря Секции*,

Проведя 5 октября 2006 года закрытое заседание,

Вынес следующее постановление, принятое в указанный выше день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 41827/02) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») компанией, зарегистрированной в Молдове, «Коммерсант Молдовы» (далее - «Заявитель») 17 октября 2002 года.

2. Интересы заявителя представлял г-н В. Нагацевши и г-н П. Мидриган, адвокаты, практикующие в Кишиневе. Молдавское

правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченным г-ном В. Пырлогом.

3. В своей жалобе заявитель утверждал, что закрытие одноименной газеты явилось нарушением статьи 10 Конвенции, и что в результате было нарушено его право собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

4. Жалоба была направлена в Четвертую Секцию Суда. 13 июня 2005 года председатель секции принял решение довести заявление до сведения Правительства. В соответствии с пунктом 3 статьи 29 Конвенции было решено рассмотреть содержание жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

5. В июне-сентябре 2001 года заявитель опубликовал ряд статей с критикой действий властей Молдовы в отношении отделившейся области на территории страны («Молдавской республики Приднестровье» или «МРП», см. *Илиеску и другие против Молдовы и России (Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia)* [GC], № 48787/99, ЕСПЧ 2004 ...) и цитатами, содержавшими резкую критику молдавского правительства, из высказываний некоторых лидеров МРП и России.

6. Заявитель опубликовал свои статьи под следующими заголовками:

> *«Государственная Дума Российской Федерации аннексировала Молдову и МРП к союзу России и Беларуси», «Встречи не будет...», «Российское МИД допускает, что вывод российских войск из МРП может сказаться на стабильности в регионе», «Поэтому НАТО такая, какая есть; или свято место пусто не бывает», «Черный список», «Нобелевская премия лидеру», «Нет человека, нет проблем?», «Так это блокада или условия ВТО?», «Соседей не выбирают», «МРП гораздо ближе к условиям ВТО, чем Молдова» и «Миссия невыполнима».*

7. В этих статьях заявитель воспроизвел буквально или в форме краткого изложения, или прокомментировал заявления молдавских, российских и приднестровских властей относительно процесса переговоров между Молдовой и МРП, а также экономические, геополитические, социальные и прочие вопросы. В этих статьях действия высокопоставленных молдавских чиновников были подвергнуты жесткой критике. Заявитель, однако, подчеркнул, что не призывал к какому-либо насильственному или незаконному акту и настаивал на том, что такие выражения из оспоренных статей, как «убрать» имели исключительно политический подтекст, означавший ненасильственное смещение с должности [лидера МРП]».

8. 5 ноября 2001 года Генеральный прокурор Молдовы возбудил судебное дело против заявителя в Хозяйственном суде Молдовы. Заявителю были предъявлены обвинения в «создании угрозы через распространение публикаций для национальной безопасности и территориальной целостности, а также общественной безопасности и порядка Молдовы», выражении открытой поддержки неконституционному режиму самопровозглашенной [МРП], пропаганде идей сепаратизма, принадлежащих ее лидерам и искажении сути правовой деятельности молдавских органов власти и международных организаций при разрешении проблем регионов к востоку от Днестра». Генеральный прокурор проиллюстрировал свой запрос двумя примерами фраз из оспоренных статей, а именно:

> *«Отсутствие правового баланса между [МРП] и Республикой Молдова как признанного государства позволяет последней подходить к переговорам с позиции превосходства и диктата, что является главной причиной медленного продвижения переговорного процесса»; «На фоне продолжающейся политической, дипломатической и экономической блокады МРП со стороны Республики Молдова мы считаем невозможной встречу между президентами МРП и Республики Молдова».*

Поскольку публикации заявителя, формально представленные в виде осуществления права на информирование общественности, противоречили статье 32 Конституции и статье 4 Закона о печати (см. ниже), а также, поскольку заявитель был предупрежден о том, что он нарушал закон, в суд было направлено требование закрыть газету.

9. 30 ноября 2001 года Хозяйственный суд Молдовы удовлетворил иски Генерального Прокурора и распорядился закрыть газету. Суд воспроизвел аргументы сторон и процитировал применимое национальное законодательство. При вынесении решения суд обратился к заголовкам статей, упомянутых в пункте 7 выше, и констатировал, что усмотрел в статьях:

> *«превышение границ гласности, установленных в Статье 4 Закона о печати и создание угрозы территориальной целостности Молдовы, национальной и общественной безопасности, а также создание возможности для беспорядков и преступлений в нарушение Статьи 32 Конституции».*

Суд также заявил, что систематические нарушения положений Закона о печати могут служить основанием для закрытия газеты в соответствии со статьей 7 Закона о печати (см. ниже).

10. В ответ на доводы заявителя суд заявил, что:

> *«Статья 10 [Конвенции] гарантирует свободу выражения мнения ... (§1) но осуществление этой свободы, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом».*

11. Суд не уточнил, какое выражение или фраза представляли собой угрозу, и не дал никаких подробных разъяснений, но добавил, что газетные статьи не содержали точного изложения публичных заявлений представителей государственных органов, и, следовательно, не освобождали их автора от судебной ответственности по статье 27 Закона о печати (см. пункт 17 ниже). Суд установил, что Генеральный Прокурор связывался с издателем перед тем, как возбудить дело, как этого и требует закон. Суд потребовал с заявителя выплаты штрафа в размере180 молдавских лей.

12. Заявитель подал жалобу, суть которой заключалась в том, что он лишь проинформировал общественность о происходящих событиях и о позиции и действиях Правительства в отношении властей МРП. Он сослался на статью 32 Конституции, статью 4 Закона о печати и статью 10 Конвенции.

13. 5 февраля 2002 года Апелляционная палата Хозяйственного суда Молдовы подтвердила принятое судом нижестоящей инстанции решение, повторив его доводы. Суд, *inter alia*, заявил, что:

> *«суд нижестоящей инстанции правильно оценил факты и отклонил возражения [заявителя]. ... Было принято правильное решение о том, что нарушение статьи 10 Конвенции не имело места, поскольку, несмотря на то, что эта статья гарантирует право на свободу выражения мнения, осуществление этой свободы налагает обязанности и ответственность и может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом».*

Суд отклонил аргумент заявителя о том, что Хозяйственный суд не имеет полномочий на рассмотрение дел о свободе выражения мнения, поскольку заявитель зарегистрирован в качестве акционерного общества. Также был отклонен довод о том, что Генеральный Прокурор не следовал должным образом досудебной процедуре и не имел полномочий начинать соответствующий судебный процесс.

14. 29 мая 2002 года Верховный суд утвердил оба решения, по сути, повторив аргументацию Хозяйственного суда, и пришел к заключению о том, что заявитель:

> *«нарушил рамки ограничений свободы выражения мнения, определенные в статье 4 Закона о печати, путем распространения публикаций, прилагаемых к делу, подрывающих национальную безопасность, территориальную целостность, общественную безопасность, защиту порядка и предотвращение преступности».*

15. В последствии газета была перерегистрирована под названием «Коммерсант-плюс».

II. Применимое национальное законодательство

16. Статья 32 Конституции гласит:

«Свобода мнений и выражения

(1) Каждому гражданину гарантируется свобода мысли, мнений, а также свобода публичного выражения посредством слова, изображения или иными возможными способами.
(2) Свобода выражения не должна наносить ущерб чести, достоинству или праву другого лица иметь собственные взгляды.
(3) Запрещаются и наказываются законом оспаривание и опорочивание государства и народа, призывы к агрессивной войне, национальной, расовой или религиозной розни, подстрекательство к дискриминации, территориальному сепаратизму, общественному насилию, а также другие действия, посягающие на конституционный режим».

17. Соответствующее положение Закона о печати от 26 октября 1994 г. (закон № 243-XIII) гласит следующее:

«Статья 4.

Издатели периодических изданий…могут выбирать документы и информацию для опубликования по собственному усмотрению, но должны иметь в виду, что поскольку осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Статья 7

... (4) Суд обязан принять решение прекратить деятельность газеты или информационного агенства в случае систематических нарушений настоящего закона.

Статья 27

Учредители, издатели и журналисты не должны нести судебную ответственность за распространение информации, если она:

является частью официальных документов и заявлений представителей органов власти; или текстуально отражает публичные заявления или является кратким, но точным их изложением».

ПРАВО

I. Приемлемость жалоб

18. Заявитель обратился с жалобой по статье 10 Конвенции и статье 1 Протокола № 1 на закрытие его газеты.

19. Суд считает, что жалобы заявителя по статье 10 Конвенции и статье 1 Протокола № 1 поднимают достаточно серьезные правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не было. Поэтому Суд объявляет жалобы приемлемыми. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этих жалоб.

II. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции

20. Заявитель обратился с жалобой на то, что, распорядившись о закрытии газеты вследствие размещения в ней публикаций, без выдвижения достаточных причин, отечественные суды нарушили его право на свободное выражение мнения.

Он сослался на статью 10 Конвенции, в которой сказано:

> *«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны органов власти и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий.*
>
> *2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями и санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращений беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».*

А. Аргументы сторон

1. Правительство

21. Правительство признало, что закрытие газеты представляло собой вмешательство в осуществление права заявителя на свободу выражения мнения, но заявило, что оно было «предусмотрено законом», преследовало правомерную цель в соответствии с пунктом 2 статьи 10, и было «необходимо в демократическом обществе».

22. Правительство обнаружило в оспоренной статье такие же фразы, как те, которые упомянуты в пункте 8 выше, что, по его мнению, доказывало необходимость привлечения газеты к ответственности. Они также сослались на следующие дополнительные фразы:

> *«...и вот Воронин использует это слово [нация], претендуя на то, что он представляет ее мнение, в то время как сам о*

нации не заботится», «Очевидно, желание Владимира Воронина решить судьбу [МРП] без участия ее представителей» и «Воронин имеет психологию партийного бонзы».

23. Представитель Правительства особо подчеркнул, что запрет подстрекательства к территориальному сепаратизму и действиям, нарушающим конституционный порядок, ясно отражены в статье 32 Конституции и статье 4 Закона о печати (см. пункты 12 и 13 выше). Санкция против заявителя преследовала правомерную цель защиты национальной безопасности и территориальной целостности Республики Молдова и защиты репутации президента Молдовы и всей страны от диффамации.

24. Вмешательство было «необходимо в демократическом обществе», потому что существовала «острая социальная потребность» защиты территориальной целостности государства и национальной безопасности, а также, поскольку суды «предоставили существенные и достаточные» обоснования своих решений, учитывая сложные отношения между властями Молдовы и МРП. Фразы, на которые указало Правительство, (см. пункт 22 выше) представляли, по его мнению, угрозу национальной безопасности и общественному порядку. Его представитель призвал Суд не придавать значения тому, что какие-либо насильственные или незаконные действия не явились непосредственным следствием публикации статей.

25. Необходимо обратить должное внимание на особые обязательства и ответственность СМИ, в число которых входит добросовестное проведение расследований и избегание стремления к сенсационности. В этой связи представитель Правительства обратил внимание Суда на личные выпады в сторону президента Воронина в одной из статей заявителя.

2. Заявитель

26. Заявитель согласился с Правительством в том, что вмешательство в его права было «предусмотрено законом», но не с тем, что оно было «необходимо в демократическом обществе».

27. В особенности, заявитель подчеркнул, что суды не дали подробного обоснования причин применения санкций, а также даже не

указали, какая часть каждой публикации создавала угрозу общественной безопасности или территориальной целостности Молдовы. Попытка обоснования причин вмешательства была замечена только Правительством.

28. Заявитель выдвинул аргумент о том, что даже в свете дополнительных причин, выдвинутых Правительством, Суд не должен признать примененную против него санкцию необходимой и соразмерной. В особенности потому, что при остром характере критики, действительно высказанной в данных статьях, их содержание касалось темы внешней и внутренней политики Молдовы, т.е. такой темы, обсуждение которой пользуется особой защитой статьи 10. Кроме этого, ни Правительству, ни судам «не подобает подменять в этом вопросе своими собственными взглядами суждения прессы относительно того, к какой технике репортажа следует прибегать журналистам» (постановление по делу *Йерсилд против Дании (Jersild v. Denmark)* от 23 сентября 1994 г., Серия А № 298, § 31).

B. Оценка Суда

1. Общие принципы

29. Суд напоминает, что свобода выражения мнения является одной из основ демократического общества, и что механизмы защиты прессы имеют особую важность. Хотя пресса и не должна преступать определенные границы, *inter alia*, установленные для «защиты репутации других лиц», тем не менее, на нее возложена миссия по распространению информации, представляющей общественный интерес. Не только на прессе лежит задача распространять такую информацию и идеи, но общественность имеет право получать их. Не только пресса имеет перед собой задачу распространения такой информации и идей, общественность также имеет право на их получение. Если бы это было не так, то пресса была бы не в состоянии играть свою жизненно важную роль «стража общественных интересов» (см., например, постановление по делу *«Обзервер» и «Гардиан» против Великобритании (the Observer and Guardian v. the United Kingdom)* от 26 ноября 1991 г., Серия А № 216, § 59; *Бусуйок против Молдовы (Busuioc v. Moldova)*, № 61513/00, § 56, 21 декабря 2004 г.).

30. Особо пристального внимания Суда заслуживают дела, в которых меры, принятые национальными органами власти, и сопровождавшиеся штрафными санкциями, могли отрицательно сказаться на желании прессы участвовать в общественной дискуссии на темы, вызывающие правомерный общественный интерес (см., например, постановление по делу *Лингенс против Австрии (Lingens v. Austria)* от 8 июля 1986 г., Серия А № 103, § 44, *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway),* № 21980/93, § 64, ЕСПЧ 1999 г. III, *Торгер Торгерсон против Исландии (Thorgeir Thorgeirson v. Iceland)*, 25 июня 1992 г., Серия А № 239, § 68).

31. Право на свободу выражения мнения применимо не только к «информации» или «идеям», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества (см., постановление по делу *Де Хаес и Гийселс против Бельгии (De Haes and Gijsels v. Belgium)* от 24 февраля 1997 г., *Отчеты* 1997 I, § 47).

32. Статья 10 Конвенции не гарантирует ничем неограниченной свободы выражения мнения даже в отношении освещения прессой вопросов, вызывающих серьезный общественный интерес. В соответствии с формулировкой пункта 2 этой статьи, осуществление этой свободы налагает «обязанности и ответственность», что также относится и к прессе. Эти «обязанности и ответственность» приобретают особую значимость, когда, как в данном деле, возникает тема угрозы национальной безопасности и территориальной целостности государства (*Хан против Турции (Han v. Turkey)*, № 50997/99, §§ 30 et seq., от 13 сентября 2005 г.) По причине существования «обязанностей и ответственности», непосредственно связанных с осуществлением свободы выражения мнения, защита, которую гарантирует статья 10 журналистам в отношении распространения информации по вопросам, представляющим общественный интерес, обусловлена добросовестностью журналистов при предоставлении точной и надежной информации в соответствии с профессиональной журналистской этикой (см. *Гудвин против Великобритании (the Goodwin v. the United Kingdom),* от 27 марта 1996 г., *Отчеты* 1996 II, § 39, и *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v. France),* № 29183/95, § 54, ЕСПЧ 1999 I).

33. Проверка соблюдения требования о необходимости вмешательства в демократическом обществе требует от суда определить, было ли обжалованное «вмешательство» оправдано «острой социальной потребностью», было ли оно соразмерно преследовавшейся цели, и были ли его причины, выдвинутые национальными органами власти, существенными и достаточными (см. *«Санди Таймз» пр. Великобритании (№ 1) (Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1))* от 26 апреля 1979 г., Серия А № 30, § 62).

2. Применение вышеуказанных принципов в данном деле

a. «Предусмотрено законом»

34. Суд соглашается со сторонами в том, что закрытие газеты в данном случае являлось вмешательством в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, и с тем, что вмешательство было «предусмотрено законом» (см. пункты 16 и 17 выше).

b. Правомерная цель

35. Вмешательство можно было расценить как преследовавшее правомерные цели защиты национальной безопасности и территориальной целостности Республики Молдова, учитывая деликатность затронутой в оспоренных статьях темы и присутствовавшие местами резкие выражения.

c. «Необходимо в демократическом обществе»

36. Суд считает, что внутренние суды не выдвинули существенных и достаточных причин вмешательства, ограничившись, главным образом, повторением ссылок на применимые правовые нормы. В особенности, суды не указали, какие именно части статей заявителя были сомнительны, и каким образом они создавали угрозу для национальной безопасности и территориальной целостности страны или порочили президента и страну.

37. По существу, суды уклонились от каких-либо обсуждений необходимости вмешательства. Единственный действительно проведенный анализ был ограничен темой добросовестности при

воспроизведении заявлений представителей власти, за что по законам страны заявитель не мог быть привлечен к ответственности.

38. В свете недостаточности причин, выдвинутых национальными судами, Суд не согласился с тем, что «они применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10» или с тем, что в своих решениях они «основывались на результатах приемлемой оценки существенных фактов» (см. постановление по делу *Йерсилд против Дании*, упоминавшееся выше, § 31).

39. Таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

III. Предполагаемое нарушение статьи 1 Протокола № 1 Конвенции

40. По мнению заявителя, закрытие газеты также нарушило его право на беспрепятственное пользование его имуществом, гарантированное статьей 1 Протокола № 1, которая гласит:

> *«Каждое физическое и юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.*
>
> *Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля над использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».*

41. Правительство выдвинуло аргумент о том, что заявитель *de facto* продолжал свою деятельность после закрытия своей газеты, начав выпускать новую газету под немного измененным названием, но сохраняя ряд атрибутов старого издания. В особенности, он продолжал использовать свой старый логотип, название газеты на Интернет-сайте менялось на старое каждые 2 секунды, и некоторые из учредителей бывшей газеты продолжали работать в новой. Таким образом, не было никакого подтверждения материального ущерба или потери имущества.

42. Суд считает, что экономические последствия решения суда закрыть газету заявителя не поднимают вопросов отдельных от тех, которые рассматривались по статье 10 выше. Они будут приняты во внимание при рассмотрении иска заявителя о присуждении справедливой компенсации.

IV. Применение статьи 41 Конвенции

43. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Материальный ущерб

44. Заявитель потребовал 32773 евро в качестве компенсации материального ущерба, нанесенного закрытием газеты. Его оценка была основана на размере потерянной прибыли от дохода в последний год деятельности газеты перед закрытием. В соответствии с финансовой декларацией за 2001 г., была получена прибыль в сумме 94280 молдавских лей (эквивалент 5893 евро в то время), которую заявитель умножил на 4, чтобы получить сумму возмещения за четыре года, в течение которых газете была запрещена работа. Затребованная сумма также включила в себя сумму долга, накопленного заявителем перед третьими лицами в результате неспособности заплатить им. Хотя в последствии действительно стала выпускаться новая газета, но выпускаться она стала не заявителем.

45. Правительство оспорило размер возмещения, затребованного заявителем. Его представитель заметил, что долги, накопившиеся перед третьими сторонами перед закрытием, образовались бы в любом случае и были бы выплачены из прибылей, заявленных в Суде. В том, что касалось расчета размера этой прибыли, Правительство выдвинуло довод о том, что экономические показатели заявителя могли ухудшиться за годы, на которых основывалась финансовая

декларация, где рассматривались все виды деятельности газеты, а не только издательская.

Наконец, Правительство сообщило о том, что заявитель *de facto* продолжил получать прибыль от публикации своей газеты, перерегистрировав ее под немного измененным названием.

46. Суд соглашается с Правительством в том, что связь между долгами, накопившимися в рамках договоров с третьими сторонами перед распоряжением суда, и данным распоряжением отсутствовала. Поэтому эта часть иска заявителя была отклонена.

47. Суд считает очевидным, что заявитель должен был понести финансовый ущерб в результате закрытия газеты. Он полагает, что финансовая декларация заявителя за год непосредственно перед закрытием газеты позволяет составить некоторое представление о понесенных финансовых потерях.

Однако, как полагает Суд, она не может служить основанием для точного расчета потерянной прибыли, поскольку экономические показатели заявителя могли колебаться в течение рассматривавшихся четырех лет.

48. Относительно аргумента Правительства о том, что декларация включала в себя прибыли от различных видов деятельности, описанных в имевших отношение к делу статьях заявителя, никаких подтверждений, противоречащих утверждению заявителя о том, что он не занимался никакой деятельностью, кроме издания газеты, представлено не было. Однако Суд заметил, что газета заявителя *de facto* продолжала издаваться под несколько измененным названием после весьма короткого периода необходимого для регистрации нового издания. Следовательно, Суд может лишь частично принять заявление об имевшем место финансовом ущербе, вызванном, главным образом, в период перехода к изданию новой газеты.

49. Проведя общую оценку на справедливой основе с учетом в определенной степени обоснованных требований заявителя о понесенном моральном ущербе (см. пункты 49-51 ниже), Суд присуждает заявителю 8000 евро.

B. Моральный ущерб

50. Заявитель потребовал 20000 евро в качестве возмещения морального ущерба, нанесенного закрытием газеты. Он аргументировал свое требованием тем, что в результате закрытия газеты серьезно пострадала его репутация по причине неспособности выполнить контрактные обязательства, увольнения сотрудников, а также невозможности планировать или продолжать работу. Кроме того, сотрудники заявителя были потрясены распоряжением суда закрыть газету.

51. Правительство не согласилось с этим требованием и заявило, что любой ущерб, понесенный заявителем, явился результатом его собственного неэтичного, непрофессионального и оскорбительного поведения, которое сильно задело государство. Заявитель был наказан после того, как суды тщательно взвесили поставленные на карту интересы, включая, в особенности, роль, которую право на свободу выражения мнения играет в демократическом обществе. К тому же, сотрудники редакции вряд ли были потрясены примененной санкцией, поскольку уже были предупреждены о необходимости прекратить публикации известных материалов, а закон недвусмысленно допускает возможность закрытия газеты. Кроме этого, заявитель никак не подтвердил факт того, что его неспособность выполнить договорные обязательства каким-то образом повлияла на его репутацию. Наконец, Правительство заявило, что в ряде предыдущих дел, в которых было установлено нарушение статьи 10, Суд отклонил любые требования справедливой компенсации, заявив, что сама констатация имевшего место нарушения составляла справедливую компенсацию.

52. Суд считает, что различные поводы, по которым заявитель требовал получения компенсации за моральный ущерб, отражены в расчете материального возмещения нанесенного ущерба, присужденного ему. По этой причине в присуждении отдельной компенсации за моральный вред нет необходимости.

C. Издержки и расходы

53. Заявитель затребовал 2666 евро в качестве покрытия судебных издержек и расходов, из которых 2625 евро составляли гонорары адвокатов, представлявших его в Суде и 41 евро – плата за услуги переводчика. В качестве основания для расчетов он использовал контракт со своими защитниками и количество часов, которые они отработали в рамках данного дела. Почасовая ставка адвокатов была заявлена в размере 75 евро.

54. Правительство не согласилось с затребованными суммами. Его представитель заявил, что адвокаты заявителя не представили информацию о количестве отработанных по делу часов, на основании которой заявитель мог бы выдвигать требования. Позднее они обратились к Суду с просьбой отклонить последнее обращение заявителя к Суду с информацией о количестве часов, которое его представители отработали по данному делу.

Правительство также сочло сумму, затребованную заявителем в качестве возмещения платы за услуги адвокатов, завышенной, учитывая среднемесячный размер заработной платы в Молдове, официально выплачиваемой адвокатам на государственной службе.

55. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, постановление по делу *Амихалакиоайе против Молдовы (Amihalachioaie v. Moldova),* № 60115/00, § 47, ЕСПЧ 2004 III).

56. В данном случае Суд считает справедливым присудить 1500 евро в качестве компенсации с учетом любых применимых налогов.

C. Процентная ставка

57. Суд считает справедливым, чтобы процентная ставка равнялась предельному ссудному проценту Европейского центрального банка, с добавлением трех процентных точек.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* заявление приемлемым;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет*, что отдельного вопроса, который необходимо было бы рассматривать по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, не существует;
4. *Постановляет*,

(a) что государство-ответчик обязано выплатить заявителю, в течение трех месяцев с момента окончательного вступления данного решения в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:

(i) 8000 (восемь тысяч евро) в качестве компенсации материального ущерба;

(ii) 1500 (одну тысячу пятьсот евро) для покрытия издержек и расходов;

(iii) сумму любого налога, которым могут облагаться вышеуказанные суммы;

(b) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных точек;

5. Отклоняет оставшуюся часть иска заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 9 января 2007 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Николас Братца — Председатель Суда

Ф. Эленс-Пассос — Заместитель Секретаря Секции

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007

Краткое изложение дела

ДЕЛО «ГУЖА ПРОТИВ МОЛДОВЫ»
(Guja v. Moldova)

(жалоба № 14277/04)

Постановление Суда
Страсбург, 12 февраля 2008 года

Суть принятого решения: Имело место нарушение права на свободу выражения мнения (статья 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод); единогласно.

Краткое изложение обстоятельств дела:

Против четырех офицеров полиции прокуратурой было возбуждено уголовное дело с обвинениями в грубом обращении и незаконном задержании десяти человек, подозревавшихся в совершении правонарушений, на основании жалоб последних.

Позже указанные офицеры полиции написали совместно подписанные письма президенту Воронину, премьер-министру и заместителю спикера парламента Мишину с просьбой о защите от судебного преследования. Они изложили свою точку зрения на ход уголовного расследования и обратились с жалобой на злоупотребления со стороны прокуратуры.

Мишин направил полученное письмо с сопроводительной запиской в Генеральную прокуратуру. Записка была составлена на гербовой бумаге парламента и не имела пометки «конфиденциально». Текст записки был следующим:

Позднее президент Воронин посетил Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией и призвал к борьбе. После этого, уголовное дело против четырех офицеров полиции было прекращено.

Спустя несколько дней заявитель Якоб Гужа (занимавший в то время должность главы отдела по делам прессы Генеральной прокуратуры)

послал в газету «Журнал де Кишинэу» копии двух писем, полученных Генеральной прокуратурой: записку Мишина и письмо заместителя Министра внутренних дел Урсаки адресованное заместителю Генерального прокурора, в котором содержались сведения о возбужденных уголовных делах в отношении четырех офицеров полиции.

На основании указанных писем с «Журнал де Кишинэу» была опубликована статья под заголовком «Вадим Мишин запугивает прокуроров». Она сопровождалась фотографиями письма за подписью г-на Мишина и г-на Урсаки.

Впоследствии Генеральный прокурор направил Заявителю запрос для получения объяснения причин публикации двух писем в прессе.

Заявитель ответил Генеральному прокурору признавая, что он действительно послал два письма в газету, считая, что таким образом он внес свой вклад в борьбу с злоупотреблениями властью, созданию положительного образа прокуратуры. К тому же, по мнению заявителя его действия не были незаконными, поскольку письма не относились к категории секретных.

Прокурор И.Д., заподозренный в передаче писем Заявителю, был уволен. В связи с чем заявитель написал новое письмо Генеральному прокурора, сообщая, что письма не были получены с помощью И.Д. и он готов, в случае нарушения им закона, понести ответственность самостоятельно.

В итоге заявитель был уволен. В письме об увольнении было сказано, что письма, раскрытые Заявителем газете, были секретными, и что он предварительно не проконсультировался с руководителями отделов Генеральной прокуратуры, нарушая разделы 1.4 и 4.11 внутреннего регламента отдела по делам прессы.

В 2003 году заявитель Гужа подал гражданский иск против Генеральной прокуратуры, требуя восстановления его в должности, полагая, что его увольнение являлось нарушением права на свободу выражения мнения.

Апелляционный суд г. Кишинева отклонил иск Заявителя, что подтвердила и Высшая судебная палата по тем же основаниям.

Верховный суд констатировал, что получение информации путем злоупотребления служебным положением не является проявлением свободы выражения мнения

Оценка Европейского Суда:

Суд констатировал, что вмешательство в право заявителя на свободное выражение его мнения имело место быть, было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель.

Суд перечислил общие принципы, применимые в данном деле:

1) Свобода выражения мнения применима не только к информации, выраженной в нейтральной форме, но и к информации, которая оскорбляет и шокирует;
2) Необходимо учитывать наличие или отсутствие общественного интереса в разглашении информации. Иногда интерес общества в получении какой-либо информации может быть настолько велик, что он будет даже перевешивать интерес в сохранении конфиденциальности (п. 74 постановления).
3) Свобода выражения мнения предполагает и определенные обязанности, которые выражаются, в том числе, и в тщательной проверке точности и надежности той информации, которую человек собирается раскрыть.

Применительно к данному делу Суд уделил особое внимание оценке права госслужащих на свободу выражения мнения. Суд указал, что сотрудники госорганов обязаны демонстрировать по отношению к своему работодателю лояльность, сдержанность и осмотрительность, поскольку миссия госслужащих в демократическом обществе заключается в помощи правительству в осуществлении его функций. Помимо этого, исходя из самой природы их должности, госслужащие часто нуждаются в доступе к информации, которую правительство, по различным законным причинам, заинтересованно сохранять в тайне. Следовательно, госслужащие обязаны демонстрировать осмотрительность (п. 71 постановления).

Суд отметил, что ранее ему не приходилось встречаться с делами, в которых госслужащий делал бы внутреннюю информацию достоянием общественности:

«В этом отношении Суд отмечает, что госслужащий в ходе выполнения своей работы может получать в свои руки служебную информацию, включая секретную, в разглашении или публикации которой существует серьезная общественная заинтересованность.

…

Принимая во внимание обязательную осмотрительность, упоминавшуюся выше, информация должна в первую очередь раскрываться руководителю или другой компетентной инстанции или органу. Только тогда, когда подобные действия очевидно бессмысленны, информация может, в качестве последнего средства, быть разглашена».

Также Суд посчитал важным взвешивать ущерб, если таковой имеется, нанесенный государственному органу раскрытием информации, учитывать предмет разглашенной информации и характер затронутого государственного органа, мотивы сотрудника, а также проводить тщательный анализ наказания, примененного к заявителю и его последствий (п.п. 77-78 постановления).

Применяя вышеназванные принципы при рассмотрении дела Суд посчитал, что передача сведений газете была оправдана, поскольку единственной инстанцией, в которую заявитель мог сообщить нарушитель был Генеральный прокурор. Он, в свою очередь, не продемонстрировал ни единого признака намерения отреагировать.

Суд отметил, что письма обнародованные заявителем поднимали очень важные проблемы в демократическом обществе, о которых общество имеет законное право знать, и которые находятся в списке тем для политической дискуссии в обществе.

Что касается ущерба, нанесенного Генеральной прокуратуре обнародованием писем, Суд указал, что газетные статьи вполне могли подорвать вру общественности в независимость первой. Однако общественный интерес в получении подобной информации несомненно перевешивает интерес в поддержании доверия общества к Генеральной прокуратуре.

Суд также признал, что заявитель действовал добросовестно и не руководствовался какими-либо личными мотивами при раскрытии информации. Примененная же к нему санкция была максимально

суровой, отрицательно сказалась на последующей карьере заявителя, а также имела серьезный «охлаждающий эффект» на других сотрудников прокуратуры и лишило их охоты сообщать о каких-либо нарушениях.

В итоге Суд пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

© Центр Защиты Прав СМИ, 2009

ДЕЛО «ГУЖА ПРОТИВ МОЛДОВЫ»

(Guja v. Moldova)

(жалоба № 14277/04)

Постановление Суда
Страсбург, 12 февраля 2008 года

По делу «Гужа против Молдовы» Европейский Суд по правам человека, заседая Большой палатой в следующем составе:

г-н Жан-Поль Коста, *Председатель*,
г-н Христос Розакис,
Сэр Николас Братца,
г-н Б. Зупанчич,
г-н П. Лоренсен,
г-жа Ф. Тюлькенс,
г-н Дж. Бонелло,
г-н Ж. Касадеваль,
г-н Р. Марусте,
г-н К. Трайа,
г-жа С. Ботучарова,
г-н С. Павловский,
г-н Л. Гарлицкий,
г-жа Альвина Пьюлумьян,
г-жа Л. Мийович,
г-н М. Виллигер,
г-жа П. Хирвелаа, *судьи,*

и г-н Эрик Фриберг, *Секретарь Суда*,

Проведя 6 июня 2007 года и 9 января 2008 года закрытые совещания,

Вынес следующее постановление, принятое в последний из указанных выше дней:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было начато после подачи жалобы (№ 14277/04) против Республики Молдова в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав и основных свобод человека (далее - «Конвенция») г-ном Якобом Гужа (далее – «Заявитель») 30 марта 2004 года.

2. Интересы заявителя представляли г-н В. Грибинча и г-н В. Зама из неправительственной организации «Юристы за права человека», базирующейся в Кишиневе. Молдовское правительство (далее - «Правительство») было представлено его уполномоченными г-ном В. Пырлогом и г-ном Гросу.

3. Заявитель утверждал, что было нарушено его право на свободу выражения мнения, гарантированное статьей 10 Конвенции, в частности право на распространение информации, вследствие его увольнения из Генеральной прокуратуры за разглашение содержания двух документов, которые, по его мнению, раскрывали вмешательство высокопоставленного политика в предстоявшие судебные разбирательства.

4. Жалоба была направлена в Четвертую секцию Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). 28 марта 2006 года палата секции приняла решение поставить в известность о поданной жалобе Правительство. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции, было принято решение рассмотреть существо жалобы одновременно с вопросом о ее приемлемости. 20 февраля 2007 года палата в составе Н. Братца, председателя, Ж. Касадеваля, Дж. Бонелло, Л. Мийович, К. Трайа, С. Павловский и Л. Гарлицкий, судей, а также Т. Л. Эли, секретаря секции, передало дело в юрисдикцию Большой палаты при отсутствии возражений со стороны вовлеченных сторон (статья 30 Конвенции и Правило 72).

5. Состав Большой палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и Правилом 24 Регламента Суда.

6. Заявитель и Правительство подали свои замечания относительно приемлемости жалобы и существу дела. Стороны дали друг другу ответы в письменном виде на представленные замечания.

7. Слушание дела проводилось во Дворце прав человека в Страсбурге, 6 июня 2007 года (пункт 3 Правила 59).

Перед Судом предстали:

(а) со стороны Правительства

г-н В. Гросу, уполномоченный,
г-н Г. Замисний, консультант;

(б) со стороны Заявителя

г-н В. Грибинча,
г-н В. Зама, адвокат,
г-н Гужа, Заявитель.

Суд заслушал обращения г-на Гросу, г-на Грибинча и г-на Зама.

ФАКТЫ

I. Обстоятельства дела

8. Заявитель, г-н Якоб Гужа, родился в 1970 году и проживает в Кишиневе. Во время происходивших по делу событий он занимал должность главы отдела по делам прессы Генеральной прокуратуры.

1. Предыстория дела

9. 21 февраля 2002 года четыре офицера полиции (М.И., В.А., И.П. и Г.В.) арестовали десять человек, подозревавшихся в совершении правонарушений, связанных с парламентскими выборами; на одном из них также лежало подозрение в том, что он возглавлял преступную группу. Позднее подозреваемые были выпущены на свободу и обратились с жалобой в прокуратуру на грубое обращение и незаконное задержание четырьмя офицерами полиции. В результате поданной ими жалобы против офицеров полиции было возбуждено уголовное дело с обвинениями, *inter alia*, в грубом обращении и незаконном задержании.

10. В июне 2002 года указанные четыре офицера полиции написали совместно подписанные письма президенту Воронину, премьер-министру Тарлеву и заместителю спикера парламента Мишину с просьбой о защите от судебного преследования. Они изложили свою точку зрения на ход уголовного расследования и обратились с жалобой на злоупотребления со стороны прокуратуры. В письмах содержалась просьба о проверке законности выдвинутых против них уголовных обвинений. 21 июня 2002 г. г-н Мишин направил полученное письмо с сопроводительной запиской в Генеральную прокуратуру. Записка была составлена на гербовой бумаге парламента и не имела пометки «конфиденциально». Текст записки был следующим:

> *«Уважаемый г-н Русу,*
>
> *После прочтения этого письма возникает вопрос: с кем борется заместитель Генерального прокурора – с преступностью или полицией? Этот вопрос встает тем более остро, что фигурирующие в деле полицейские относятся к одному из лучших подразделений министерства внутренних дел, чья деятельность сейчас блокирована в результате действий сотрудников Генеральной прокуратуры. Прошу Вашего личного участия в рассмотрении данного дела и его разрешении в строгом соответствии с законом».*

11. В январе 2003 года г-н Воронин нанес визит в Центр по борьбе с экономическими преступлениями и коррупцией, во время которого он обсуждал, *inter alia*, проблему чрезмерного давления, оказываемого некоторыми государственными служащими по отношению к правоохранительным органам в связи с предстоящими судебными разбирательствами. Президент призвал к борьбе с коррупцией и обратился к сотрудникам правоохранительных органов с просьбой не обращать внимания на давление со стороны государственных чиновников. Эти заявления президента были обнародованы в СМИ.

12. В точно не определенный день уголовное дело против четырех офицеров полиции было прекращено.

2. Утечка содержания упомянутых документов

13. По прошествии нескольких дней после призыва г-на Воронина к борьбе с коррупцией, Заявитель послал в газету «Журнал де Кишинэу (филиал румынского издания) (*Jurnal de Chişinău)*, копии двух писем (далее – «письма»), полученных Генеральной прокуратурой.

14. Первым была записка г-на Мишина (см. пункт 10 выше). Второе было написано г-ном А. Урсаки, заместителем министра внутренних дел, и адресовано заместителю Генерального прокурора. Оно было написано на гербовой бумаге министерства внутренних дел и не было помечено как конфиденциальное. В нем, *inter alia,* говорилось:

> *«... Майор полиции М.И. [один из четырех офицеров: см. пункт 9 выше] был признан виновным 12 мая 1999 года ... в совершении правонарушений, предусмотренных статьями 116(2) [незаконное задержание и создание опасности для жизни или здоровья или причинение физических страданий], 185(2) [злоупотребление властью, сопровождавшееся актами насилия, применением огнестрельного оружия или пыток] и 193(2) [получение признательных показаний посредством насилия и оскорблений] УК и приговорен к выплате штрафа в 1440 молдавских лей (128 евро). В соответствии с разделом 2 Указа об амнистии он был освобожден от уплаты штрафа.*
> *... 24 октября 2001 г., майор М.И. был восстановлен в своей должности в министерстве внутренних дел».*

3. Статьи в «Журнал де Кишинэу»

15. 31 января 2003 года в «Журнал де Кишинэу» была опубликована статья под заголовком «Вадим Мишин запугивает прокуроров». В статье *inter alia* говорилось:

> *«В конце прошлой недели, во время встречи в Центре по борьбе с экономической преступностью и коррупцией, президент призвал правоохранительные органы к сотрудничеству в борьбе против организованной преступности и коррупции и обратился к ним с просьбой игнорировать телефонные звонки от высокопоставленных государственных чиновников, касающиеся предстоящих судебных дел.*

Инициатива президента была неслучайна. Это явление получило широкое распространение особенно в последние несколько лет и стало темой для обсуждения в СМИ и среди международных организаций.

Недавно пресса сообщала о деле парламентария от коммунистов А.Й., попытавшегося повлиять на ход уголовного расследования в отношении одного своего старого друга и высокопоставленного чиновника министерства сельского хозяйства, пойманного с поличным. Однако никаких судебных мер предпринято не было ...

Также, пресса сообщала о том, что г-н Мишин обратился с просьбой к Генеральному прокурору об увольнении двух прокуроров, И. В. и П. Б., имевших отношение к расследованию исчезновения директора департамента информационных технологий, П.Д., очевидно после того, как они обнаружили доказательства нарушений, допущенных служащими министерства внутренних дел.

Результаты внутреннего расследования деятельности этих двух прокуроров еще неизвестны. Однако источники в прокуратуре сообщили этой газете о том, что даже притом, что И.В. и П.Б. не были признаны виновными, им пришлось уйти по настоянию некого влиятельного лица.

Теперь, поскольку заявления президента, касавшиеся использование служебного положения в личных целях по-прежнему свежи в памяти, мы намерены сообщить о новом расследовании в отношении высокопоставленных чиновников.

Заместитель спикера парламента пытается оградить четырех офицеров полиции, в отношении которых ведется уголовное расследование. Г-н Мишин не впервые проявляет симпатию к полицейским, поскольку имеет в полиции свои корни. Наши источники сообщили о том, что это не первое дело, в которое вмешивается г-н Мишин в интересах полицейских, у которых не лады с законом.

...

Прокуратура района Чокана возбудила уголовное дело против четырех офицеров полиции ...после того, как они применили силу при незаконном аресте группы людей.

... [Эти] офицеры полиции избили задержанных, нанося удары кулаками и ногами ... Более того, было установлено, что один из офицеров дал ложные показания в полицейском отчете о произведении ареста. Упомянутые четыре офицера полиции также фигурировали в расследовании дела о применении насилия для получения признательных показаний…

Это расследование продлилось более года. Когда оно уже было почти закончено… офицеры полиции стали пытаться получить защиту от представителей власти.

...

20 июня 2002 года офицеры полиции написали письма президенту Владимиру Воронину, премьер-министру Василю Тарлеву и заместителю спикера парламента Вадиму Мишину с просьбой о вмешательстве и прекращении расследования, которое они считали незаконным.

...

Первым на их письмо отреагировал заместитель спикера парламента, Вадим Мишин. 21 июня 2002 года ... он послал Генеральному прокурору письмо, в котором, в приказном тоне, потребовал личного вмешательства последнего в дело четырех полицейских. Несмотря на то, что он дал поручение Генеральному прокурору вмешаться в это дело «в строгом соответствии с законом», из тона письма было ясно, что он отдавал приказание незамедлительно изучить обстоятельства дела.

В результате вмешательства наиболее влиятельных лиц государства, Генеральная прокуратура прекратила уголовное дело против полицейских и распорядилась о проведении внутреннего расследования для выяснения оснований для возбуждения уголовного дела против них...

...

... Источники в министерстве внутренних дел подтвердили, что офицер М.И. [один из четырех полицейских] был [ранее] осужден Апелляционным судом и приговорен к уголовному

штрафу в 1440 лей. По Указу об амнистии он был освобожден от уплаты штрафа. Более того, 24 октября 2001 года ... он был восстановлен в министерстве внутренних дел.

Воздерживаясь от комментариев относительно постановления Апелляционного суда, мы бы все же хотели бы сделать некоторые замечания. М.И. был признан виновным на основании статей 116, 185 и 193 УК о злоупотреблении властью, получении признательных показаний под нажимом и незаконном задержании. За эти нарушения, УК предполагает наказание в виде лишения свободы сроком от одного до пяти лет. Офицер же лишь подвергся штрафу.

Более того, министерство внутренних дел восстановило его в прежней должности, пока он еще находился под следствием».

16. Газетная статья сопровождалась фотографиями письма за подписью г-на Мишина и г-на Урсаки.

4. Реакция Генеральной прокуратуры

17. В точно неустановленный день Генеральный прокурор направил Заявителю запрос для получения объяснения причин публикации двух писем в прессе.

18. 14 февраля 2003 года Заявитель ответил Генеральному прокурору в письменном виде, признавая, что он действительно послал два письма в газету. Он сообщил, *inter alia*:

«Мои действия были реакцией на сделанные [президентом] заявления относительно борьбы с коррупцией и злоупотреблений властью. Я сделал это, потому что был убежден, что таким образом вношу свой вклад в борьбу со злоупотреблениями властью, явлением, приобретающим в последнее время все больший масштаб.

Я полагал и полагаю, что если бы каждый из нас помог разоблачить тех, кто использует свою власть для того,

чтобы помешать отправлению правосудия, то общая ситуация изменилась бы к лучшему.

Более того, я считаю, что письма, которые я передал в редакцию «Журнал де Кишинэу», секретными не являлись. Я не был намерен навредить репутации прокуратуры, а, напротив, создать ее положительный образ».

19. В точно неустановленный день прокурор И.Д., заподозренный в передаче писем Заявителю, был уволен.

20. 17 февраля 2003 года Заявитель написал новое письмо Генеральному прокурору, в котором говорилось о том, что письма не были получены с помощью И.Д., и добавлялось:

«Если сделанное мною рассматривается как нарушение внутренних регламентов, тогда я один и должен нести за него ответственность.

Я действовал в соответствии с Законом о доступе к информации, Законом об органах уголовного преследования и УК. Я полагал, что заявления [президента], осуждающие коррупцию и злоупотребления властью были искренны. К моему огромному сожалению, я отмечаю, что Генеральная прокуратура придала письму государственного служащего статус государственной тайны (что, по моему мнению, является очевидным примером прямого политического вмешательства в отправление правосудия). Это обстоятельство, а также увольнение И.Д. вызывают у меня беспокойство и вселяют серьезные сомнения в том, что в Республике Молдова уважаются принцип верховенства закона и права человека».

21. 3 марта 2003 года Заявитель был уволен. В письме об увольнении было сказано, *inter alia*, что письма, раскрытые Заявителем газете, были секретными, и что он предварительно не проконсультировался с руководителями отделов Генеральной прокуратуры, нарушая разделы 1.4 и 4.11 внутреннего регламента отдела по делам прессы (см. пункт 31 ниже).

5. Судебные разбирательства, инициированные Заявителем и направленные на восстановление его в должности

22. 21 марта 2003 года Заявитель подал гражданский иск против Генеральной прокуратуры, требуя восстановления его в должности. Он заявил, *inter alia*, что письма, предоставленные им в распоряжение газеты, не являлись секретными в соответствии с законом, что он не был обязан консультироваться с руководителями других отделов перед тем, как вступать в контакт с прессой, что он передал письма газете по просьбе ее редакции, и что его увольнение являлось нарушением права на свободу выражения мнения.

23. 16 сентября 2003 года Апелляционный суд г. Кишинева отклонил иск Заявителя, констатировав, *inter alia*, что Заявитель нарушил свои обязательства по пункту 1.4 внутреннего регламента отдела по делам прессы, не проконсультировавшись с руководителями других отделов и пункту 4.11 Регламента, раскрыв содержание конфиденциальных документов.

24. Заявитель обжаловал вынесенное решение. Он выдвинул те же аргументы, что и в своем первоначальном иске. Он также привел довод о том, что раскрытие содержания писем газете никоим образом не скомпрометировало его работодателя.

25. 26 ноября 2003 года Верховный Суд отклонил апелляцию на тех же основаниях, что и Апелляционный суд Кишинева. В отношении утверждений Заявителя, касавшихся свободы выражения мнения, Верховный Суд констатировал, что получение информации путем злоупотребления служебным положением не является проявлением свободы выражения мнения.

26. Ни Генеральная прокуратура, ни заместитель спикера парламента г-н Мишин не предприняли попытки оспорить подлинность писем, опубликованных в «Журнал де Кишинэу», или достоверность информации, содержавшейся в статье от 31 января 2003 г., либо каких-либо других действий.

6. Обвинения, выдвинутые «Журнал де Кишинэу»

27. Поскольку Генеральная прокуратура не отреагировала так, как ожидали в «Журнал де Кишинэу» после выхода статьи 31 января 2003 года (см. пункт 15 выше), газета обратилась в суд с тем, чтобы Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело в связи с предполагавшимся вмешательством г-на Мишина в ход проходившего уголовного расследования. Газета утверждала, *inter alia*, что в соответствии с УПК газетные статьи и письма, опубликованные в газетах, могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, и что Генеральная прокурора была обязана это сделать.

28. Иск газеты был отклонен районным судом Раскани 25 марта 2003 года и затем Областным судом Кишинева 9 апреля 2003 года. Суды констатировали, *inter alia*, что газета не имела юридического права подавать жалобу, и что, в любом случае, статья от 31 января 2003 года была лишь газетной статьей, выражавшей личную точку зрения, а не официальным заявлением о возбуждении уголовного дела.

7. Последующие статьи «Журнал де Кишинэу»

29. 14 марта 2003 года «Журнал де Кишинэу» опубликовал продолжение статьи от 31 января 2003 года, под заголовком «Мишин начал давить на прокуроров». В материале описывались события, последовавшие за публикацией первой статьи, и говорилось о том, что г-н Мишин пришел в ярость от содержания статьи и приказал Генеральному прокурору установить личности и наказать виновных в раскрытии содержания его записки прессе. Генеральный прокурор «взял под козырек» и объявил войну тем своим подчиненным, кто отказался смириться с политическим вмешательством в работу системы уголовного судопроизводства. В статье говорилось о том, что действия Генерального прокурора соответствовали тенденции, наблюдавшейся в течение нескольких предшествовавших лет и состоявшей в замене опытных сотрудников, не желавших принимать правила нового правительства, людьми с сомнительной репутацией. Здесь также говорилось о том, что источники в Генеральной прокуратуре сообщили газете о том, что Генеральная прокуратура систематически получала указания от г-на Мишина и советников президента относительно кандидатур для принятия на работу или на увольнение. За один только последний год из прокуратуры Кишинева были уволены 30 опытных прокуроров.

В статье также содержался отчет о том, как был уволен Заявитель в результате давления со стороны г-на Мишина, и говорилось о том, что источники в Генеральной прокуратуре сообщили газете, что от г-на Мишина и В.С. (другой высокопоставленный государственный служащий) были получены десятки писем, касавшихся хода проходивших уголовных расследований.

По информации из источников газеты, по настоянию г-на Мишина два прокурора были уволены, потому что они в ходе расследования исчезновения влиятельного предпринимателя П.Д обнаружили компрометирующий его (г-на Мишина) материал. После их увольнения это уголовное расследование было прекращено.

II. Применимое право кроме Конвенции

A. Национальное законодательство и судебная практика

1. Трудовой кодекс

30. Статья 263/1 Трудового кодекса, действовавшего во время происходивших событий, допускала увольнение сотрудников центральных государственных органов за серьезное нарушение своих профессиональных обязанностей.

2. Внутренний регламент отдела по делам прессы Генеральной прокуратуры

31. В разделах 1.4 и 4.11 внутреннего регламента отдела по делам прессы Генеральной прокуратуры говорится:

> *«1.4 Отдел по делам прессы должен планировать и организовывать, в сотрудничестве с редакциями газет, журналов, и радио- и телевизионными станциями, а также руководителями других отделов Генеральной прокуратуры, материалы для публикации в СМИ, касающиеся деятельности Генеральной прокуратуры.*
> ...
> *4.11 [Руководитель отдела по делам прессы] отвечает за качество публикуемых материалов, достоверность получаемой и предоставляемой информации, а также за*

сохранение конфиденциальности в соответствии с законодательством Республики Молдова».

32. Во время происходивших событий ни внутренний регламент, ни молдавское законодательство в целом не содержали ни одного положения, касавшегося раскрытия сотрудниками нарушений на месте работы.

3. Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс

33. УК во время происходивших событий содержал в статье 190/1 положение, запрещающее любое вмешательство в ход уголовного расследования. В нем говорилось:

«Любое вмешательство в ход уголовного расследования, а именно незаконное оказание влияния в любой форме по отношению к лицу, проводящему расследование ... наказывается лишением свободы на срок до двух лет или штрафом в размере до 100 МРОТ».

34. Статья 90 уголовно-процессуального кодекса предписывала во время происходивших событий, что, *inter alia*, информация о правонарушении, содержащаяся в газетных статьях или заметках или письмах, опубликованных в газете, могут служить для прокурора основанием для возбуждения уголовного дела.

35. Статья 122 уголовно-процессуального кодекса предусматривала, что на стадии расследования материалы уголовного дела не могут быть раскрыты, если только на это нет распоряжения лица, ведущего следствие.

4. Организация прокурорской власти в Молдове

36. В соответствии со статьей 125 Конституции, прокуроры являются независимыми.

37. Соответствующие части Закона об органах прокуратуры гласят следующее:

«Раздел 3. Основополагающие принципы деятельности прокуратуры

1. Прокуратура:
- осуществляет свои функции независимо от органов государственной власти ... в соответствии с законом; ...

3. ... Прокуроры и следователи не должны состоять в какой-либо политической партии или другой общественно-политической организации и подотчетны только закону...».

«Раздел 13. Генеральный прокурор

1. Генеральный прокурор:

(i) назначается парламентом по предложению спикера парламента на пятилетний срок; и
(ii) имеет старшего и обычных заместителей, которые назначаются парламентом на основании его или ее предложений ...».

5. Закон об обращениях и Закон о статусе депутата парламента

38. Закон об обращениях требует от госслужащих или правительственных органов предоставления ответов на письменные запросы в течение тридцати дней. В случае неподведомственности запроса, они обязаны направить запрос в компетентный орган в течение трех дней.

39. Соответствующие положения Закон о статусе депутата парламента от 7 апреля 1994 года предусматривают:

Раздел 22(1)

«Члены парламента имеют право обращения в любой государственный орган, неправительственную организацию или к государственному служащему для обсуждения проблем, связанных с деятельностью члена парламента, и участия в их изучении».

Раздел 23

«(1) Члены парламента, в своем качестве представителей высшего законодательного органа, имеют право требовать

немедленного прекращения любого незаконного поведения. В случае необходимости, они могут обратиться в официальные органы или к отдельным лицам с просьбой о вмешательстве и прекращении незаконного поведения ...»

B. Отчеты относительно разделения властей и независимости судебной системы в Молдове

40. В соответствующих разделах отчета за 2004 год Международной комиссии юристов (МКЮ) о соблюдении принципа верховенства закона в Молдове говорится:

«... Члены миссии в Молдове, осуществленной Центром за независимость судей и адвокатов Международной комиссии юристов (МКЮ/ЦНСА), пришли к выводу о том, что, несмотря на усилия нового правительства независимой Молдовы по реформированию своей судебной системы, принцип верховенства закона соблюдается далеко не в полной мере, что необходимо исправить. МКЮ/ЦНСА выявил, что при разделении ветвей власти вновь произошел сбой, что привело к положению, в котором судебная система оказалась в значительной мере подчинена диктату правительства. Вернулось явление «телефонной справедливости». Чиновник может значительно повлиять на судебные назначения через Высший совет магистратуры, который не является полностью независимым. Помимо обвинений в коррумпированности, в последние три года налицо значительный регресс молдавской судебной системы, который выражается в принятии таких судебных решений, которые могут извращать правосудие, когда на карту поставлены интересы правительства ...».

41. В отчете организации «Дом свободы» (Freedom House) за 2003 год относительно Молдовы, *inter alia*, говорится что:

«... В 2002, принцип верховенства закона в Молдове был поставлен под вопрос. Другим фактором, нарушающим хрупкий баланс сил между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в 2002 году, стала серия назначений, продиктованных соображениями лояльности правящей партии, намерением прекратить деятельность

омбудсмена и попытками ограничить независимость Конституционного суда. ... В апреле 2002 года, Ассоциация судей Молдовы (АСМ) сигнализировала о том, что правительство начало процесс «массовых чисток» судебного сектора. Семь судей остались без работы... Ситуация ухудшилась, когда Президент Воронин отказал в продлении полномочий 57 судьям ...».

42. Из отчета за 2003 год Правовой инициативы «Окрытое общество» и «Дома свободы» Молдовы:

«... укоренилась практика «взятия под контроль» определенных документов, представляющих интерес для коммунистических лидеров или органов государственной власти. Подобная практика предполагает следующее: Высший совет судей (ВСС) или Верховный Суд (председателем обоих органов является одно и то же лицо) получают указания из аппарата президента, правительства или парламента, касающиеся определенного судебного дела, требующего решения (такие указания могут отдаваться и в устной форме). Следуя этим указаниям, Верховный Суд или ВСС обращается непосредственно к председателю суда, в котором рассматривается определенное дело, с приказанием «взять его под личный контроль». Так называемое «взятие под контроль» на деле является прямым указанием на решение необходимое в конкретном деле».

B. Материалы из Организации объединенных наций

43. В соответствующей части Конвенции о прекращении трудовых отношений № 158 Международной организации труда, которая была ратифицирована Молдовой 14 февраля 1997 года, говорится:

Статья 5

«Следующие события, inter alia, не должно являться вескими причинами для прекращения:
...
(в) ... «подача жалобы или участие в деле, возбужденном против предпринимателя, по обвинению в нарушении

законодательства либо правил или обращение в компетентные административные органы;
...».

44. Конвенция ООН против коррупции, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи № 58/4 от 31 октября 2003 г. и действующая с 14 декабря 2005 г., гласит в соответствующей своей части:

Статья 33. Защита лиц, сообщающих информацию

Каждое Государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения.

Ко дню принятия данного постановления, Конвенцию подписали140 стран и еще 77 стран ратифицировали или присоединились к ней, за исключением Республики Молдова.

B. Материалы Совета Европы

45. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года гласит в своей соответствующей части:

«Преамбула

Государства - члены Совета Европы и другие государства, подписавшие настоящую Конвенцию,
...
подчеркивая, что коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества;

...
договорились о нижеследующем:

...
Статья 22 – Защита сотрудничающих с правосудием лиц и свидетелей

Каждая Сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для обеспечения эффективной и надлежащей защиты:

a. тех, кто сообщает об уголовных преступлениях, квалифицированных в качестве таковых в соответствии со статьями 2 - 14, или иным образом сотрудничает со следствием или органами, осуществляющими уголовное преследование;
b. свидетелей, дающих показания, касающиеся этих преступлений.

В Пояснительном докладе к Конвенции в отношении статьи 22 говорится следующее:

«111. ... термин «свидетели» относится к лицам, обладающим информацией, касающейся уголовных процессов по преступлениям, связанным с коррупцией, предусмотренных статьями 2 – 14 Конвенции и включает лица, сообщающих о совершении преступления».

Конвенция была подписана Молдовой 24 июня 1999 года и вступила в силу в отношении Молдовы 1 мая 2004 года.

46. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года предусматривает следующее:

«Преамбула

Государства - члены Совета Европы, другие государства и Европейское Сообщество, подписавшие настоящую Конвенцию,

...
Подчеркивая, что коррупция представляет собой серьезную угрозу верховенству закона, демократии и правам человека, равенству и социальной справедливости, затрудняет экономическое развитие и угрожает надлежащему и справедливому функционированию рыночной экономики;

Осознавая вредные финансовые последствия коррупции для частных лиц, компаний и Государств, а также для международных институтов;

...

Договорились о нижеследующем:
...

Статья 9 – Защита государственных служащих

Каждая сторона в своем национальном законодательстве предусматривает надлежащую защиту от любых неправомерных санкций, направленных в адрес государственных служащих, имеющих серьезные основания подозревать наличие коррупции и добросовестно сообщающих о своем подозрении компетентным лицам или органам.

В Пояснительном докладе к Конвенции в отношении статьи 9 говорится:

«66. Настоящая статья предусматривает необходимость принятия каждой из Сторон мер по защите работников, сообщивших без злого умысла и на основании веских причин о своих подозрениях по поводу коррупции, от всякого рода преследований. 67. Что касается необходимых мер, предусмотренных статьей 9 Конвенции, по защите работников законодательство Сторон могло, например, предусматривать выплату работодателем компенсации работникам, пострадавшим от необоснованных санкций.

68. На практике, дела о коррупции сложно раскрывать и расследовать, и работники или коллеги (государственные либо частные) лиц, замешанных в коррупции, зачастую первыми выясняют или подозревают, что что-то не так.

69. Понятие «должная защита от необоснованных санкций» подразумевает, что в соответствии с данной Конвенцией любая санкция в отношении работников за то, что они сообщили о факте коррупции полномочным лицам или органам, будет необоснованной. Сообщение о коррупции не должно расцениваться как нарушения обязательства о сохранении конфиденциальной информации. Примером необоснованных санкций может быть увольнение или понижение в должности этих лиц, или иные действия, ограничивающие их карьерный рост.

70. Следует разъяснить, что несмотря на то, что невозможно помешать работодателям принимать необходимые меры в отношении своих работников в соответствии с определенными правовыми нормами (например, в сфере трудового законодательства), применимыми в обстоятельствах дела, работодатели не должны налагать необоснованные санкции на работников исключительно потому, что последние сообщили о своих подозрениях полномочным лицам или органам.

71. Следовательно, должная защита, которую Стороны обязаны обеспечить, должна способствовать тому, чтобы работники сообщали о своих подозрениях полномочным лицам или органам. В действительности, во многих случаях лица, обладающие информацией о фактах коррупции, не сообщают о них из-за страха возможных негативных последствий.

72. Что касается работников, то предусмотренная защита затрагивает лишь случаи, когда у работников есть веские основания для подозрений, и они сообщают о них без злого умысла. Другими словами, данная защита применима только в случаях, когда работники на самом деле хотят сообщить о коррупции, а не действуют злоумышленно».

Настоящая Конвенция была подписана Молдовой 4 ноября 1999 года и вступила в силу 1 июля 2004 года.

47. Рекомендация № R (2000)10 о кодексах поведения для государственных служащих, принятая Комитетом Министров Совета Европы 11 мая 2000 года, в части обсуждаемого вопроса гласит:

> *«Статья 11*
>
> *Полностью осознавая наличие у него права доступа к официальной информации, государственный служащий обязан, соблюдая необходимую конфиденциальность, соответственно обращаться со всей информацией и всеми документами, полученными при исполнении или в связи с исполнением своих служебных обязанностей.*
>
> *Статья 12 - Доведение до сведения*
>
> ...
> *5. Государственный служащий обязан сообщать компетентным органам любые доказательства, утверждения или подозрения относительно незаконной или преступной деятельности в отношении государственной службы, о чем ему (ей) стало известно при исполнении служебных обязанностей или в связи с их исполнением. Расследованием по сообщенным фактам занимаются компетентные органы.*
> *6. Государственная администрация должна следить за тем, чтобы государственному служащему, информировавшему о вышеуказанных случаях добросовестно и на основе разумных подозрений, не было причинено никакого вреда.*

ПРАВО

48. Заявитель обратился с жалобой в связи со своим увольнением за раскрытие содержания оспариваемого письма газете «Журнал де Кишинэу», считая его нарушением своего права на свободу выражения мнения и, в частности, права на распространение информации и идей третьим лицам. В статье 10 говорится:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

I. Приемлемость жалоб

A. Жалоба по статье 6 Конвенции

49. Изначально Заявитель подал жалобу по статье 6 Конвенции на то, что национальные суды не приняли во внимание доводы, выдвинутые им в ходе слушания дела о восстановлении его в прежней должности. Однако, впоследствии, Заявитель попросил Суд прекратить рассмотрение этой жалобы. Поэтому Суд не будет ее рассматривать.

B. Жалоба по статье 10 Конвенции

50. Правительство не подвергло сомнению подлинность письма, посланного г-ном Мишиным Генеральному прокурору. Однако его представители утверждали, что вмешательства в осуществление Заявителем своего права на свободу выражения мнения не было, поскольку он не являлся автором статей, опубликованных в «Журнал де Кишинэу», и был уволен не за осуществление своего права на свободу выражения мнения, а лишь за нарушение внутренних правил Генеральной прокуратуры. С их точки зрения, поскольку жалобы

Заявителя были, по сути, связаны с его трудовыми правами, статья 10 была неприменима в данном случае.

51. Заявитель утверждал, что применение статьи 10 в данном деле было уместно, невзирая на то обстоятельство, что он не был автором письма, посланного в газету. Опираясь на материалы дела *Тома против Люксембурга (Thoma v. Luxembourg)* (№ 38432/97, ЕСПЧ 2001-III) и *Йерсилд против Дании* (*Jersild v. Denmark)* (постановление от 23 сентября 1994 г., Серия А № 298) он выдвинул довод о том, что Суд уже ранее заявлял, что свобода выражения мнения также предполагает право на распространение информации, полученной от третьих лиц.

52. Суд напоминает о том, что защита статьи 10 распространяется на рабочее место, в общем, и отдельных госслужащих, в частности (см. *Фогт против Германии* (*Vogt v. Germany)*, постановление от 26 сентября 1995 г., Серия А № 323, § 53; *Вилле против Лихтенштейна (Wille v. Liechtenstein)* [БП], № 28396/95, § 41, ЕСПЧ 1999-VII; *Ахмед и другие против Великобритании (Ahmed and Others v. the United Kingdom)*, постановление от 2 сентября 1998 г., Отчеты о постановлениях и решениях 1998-VI, § 56; и *Фуентес Бобо против Испании (Fuentes Bobo v. Spain)*, № 39293/98, § 38, 29 февраля 2000 г.).

53. Заявитель послал письма в газету, которая в дальнейшем опубликовала их. Поскольку статья 10 включает в себя свободу распространения информации, и поскольку Заявитель был уволен за свое участие в публикации писем, Суд отклоняет предварительное возражение правительства.

54. Суд считает, что жалобы Заявителя по статье 10 Конвенции поднимают фактические и правовые вопросы, разрешение которых возможно лишь при рассмотрении конкретных обстоятельств, а других оснований для признания их неприемлемыми выявлено не было. Поэтому Суд объявляет жалобы приемлемыми. В соответствии со своим решением применить пункт 3 статьи 29 Конвенции (см. пункт 4 выше), Суд немедленно приступает к рассмотрению конкретных обстоятельств этих жалоб.

II. Существо дела

A. Было ли вмешательство

55. Суд констатировал в пункте 53 выше, что статья 10 применима в данном деле. Далее Суд постанавливает, что увольнение Заявителя за опубликование писем являлось «вмешательством государственного органа» в его право на свободу выражения мнения в соответствии с первым пунктом этой статьи.

56. Такое вмешательство является нарушением статьи 10, если только оно было «предусмотрено законом», преследовало одну или более законных целей в соответствии с пунктом 2 и было «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей.

B. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»

57. В своем первом обращении в Суд, Заявитель утверждал, что вмешательство не было предусмотрено законом, поскольку закон, на который опирались внутренние органы власти, не был достаточно предсказуем. Однако в своих дальнейших устных заявлениях он более не приводил этого довода.

58. Суд отмечает, что Заявитель был уволен на основании статьи 263/1 Трудового кодекса за нарушение пунктов 1.4 и 4.11 внутреннего регламента отдела по делам прессы Генеральной прокуратуры (см. пункт 31 выше). Однако поскольку стороны больше не оспаривали этот пункт перед Судом, он продолжит его рассмотрение, исходя из того, что положения, содержащиеся в пунктах 1.4 и 4.11 внутреннего регламента, удовлетворяли требованию о том, что вмешательство было «предусмотрено законом».

C. Преследовало ли вмешательство правомерную цель

59. Заявитель утверждал, что вмешательство не преследовало никакой правомерной цели. Правительство утверждало, что правомерные цели, которые преследовались в данном деле, состояли в поддержании авторитета судебной системы, предотвращении преступности и защите репутации других людей. Суд, в свою очередь, готов признать, что преследованная правомерная цель состояла в предотвращении раскрытия содержания информации, полученной конфиденциально.

Суд считает важным, что на момент увольнения Заявитель отказался раскрыть источник информации, что наталкивает на мысль о том, что информация не была общедоступной (см. *Хаселдин против Великобритании (Haseldine v. the United Kingdom),* № 18957/91, решение Комиссии от 13 мая 1992 г., решения и отчеты, выпуск 73). Суд, таким образом, должен выяснить, было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе, и, в частности, было ли вмешательство соразмерно преследованной цели.

D. Было ли вмешательство необходимо в демократическом обществе

1. Доводы сторон

(a) Заявитель

60. По словам Заявителя, раскрытие содержания писем следовало рассматривать, как сигнал о незаконном поведении.

61. Сначала он подчеркнул то обстоятельство, что он действовал добросовестно, и что, когда он передал письма в газету, он был уверен, что они содержат информацию относительно серьезного нарушения, допущенного заместителем спикера парламента. Единственным мотивом его публикации было намерение бороться с коррупцией и злоупотреблениями властью. Он не согласился с тем, что целью написания записки г-ном Мишиным была простая передача письма офицеров полиции Генеральному прокурору в соответствии с Законом об обращениях (см. пункт 38 выше), а также с утверждением о том, что действия г-на Мишина находились в соответствии с разделами 22 и 23 Закона о статусе депутата парламента (см. пункт 39 выше). Далее он утверждал, что письма не были частью материалов уголовного дела.

Заявитель также высказал утверждение о том, что, учитывая манеру, в которой были назначены Генеральный прокурор и его заместители, а также, принимая во внимание доминирующее положение коммунистической партии в парламенте, общественность рассматривала Генеральную прокуратуру как находящуюся в сильной зависимости от парламента. Независимость Генеральной прокуратуры была гарантирована теоретически, но не практически. По словам Заявителя, Генеральный прокурор может быть уволен парламентом в

любое время и без объяснения причин. В период 2002-2003 было уволено более тридцати прокуроров, не считавшихся преданными коммунистической партии. Более того, г-н Мишин, бывший одним из лидеров правящей партии и заместителем спикера парламента, был систематически замечен в использовании своего положения для оказания влияния на результаты судебных процессов.

Заявитель добавил, что язык, которым было написано письмо г-ном Мишиным, недвусмысленно указывал на намерение его автора повлиять на исход уголовного дела, касавшегося четырех офицеров полиции. Такое поведение являлось преступлением по статье 190/1 УК (см. пункт 33 выше). Заявитель также указал на то обстоятельство, что после получения упомянутого письма Генеральный прокурор распорядился о возобновлении уголовного преследования, и вскоре после этого производство по уголовному делу было прекращено. По словам Заявителя, тот факт, что четыре офицера полиции решили обратиться к государственным чиновникам высокого ранга с просьбой о проверке законности уголовного обвинения против них, указывает на существование в Республике Молдова практики, противоречащей принципу разделения властей. Крайне маловероятно, что офицеры полиции, имеющие отношение к расследованию преступлений, не знали о том, что властные органы, к которым они обращались с письмами, не имели судебных полномочий.

Таким образом, по мнению Заявителя, разглашенная им информация представляла значительный общественный интерес.

62. Для раскрытия этой информации у него не было иного выхода, кроме как обратиться в газету. Поскольку законодательство об информирование руководства о нарушениях в Молдове отсутствует, не существует и процедуры, которой могли бы воспользоваться сотрудники для сообщения о нарушениях, имеющихся на их месте работы. Было бы бессмысленно доводить эту проблему до сведения Генерального прокурора, так как он не был независимым. Несмотря на то, что ему было известно о письме г-на Мишина около шести месяцев, он, вероятно, просто скрывал факт его существования, одновременно выполняя изложенные в нем условия. Факт отказа прокуратуры возбудить уголовное дело в отношении г-на Мишина после публикации статей в газете (см. пункты 15 и 29 выше) подтверждал мнение о том, что любое обращение в прокуратуру было бы напрасным. Более того, у Заявителя были веские причины для

опасений в том, что доказательства были бы сокрыты или уничтожены, предоставь он их своему начальству.

Заявитель также привел аргумент о том, что было бы неразумно ожидать от него жалобы в парламент, потому что 71 из 101 его членов были из правящей коммунистической партии, и не было прецедентов, когда бы член парламента от коммунистов становился бы объектом уголовного преследования за допущенные правонарушения. Более того, между 2001 и 2004 годами ни одна инициатива оппозиции, шедшая в разрез с интересами правящей партии, не была принята парламентом.

63. Заявитель также обратился с жалобой на суровость примененной к нему санкции и указал на то, что ее денежное выражение соответствовало верхнему пределу разрешенного законом диапазона.

(b) Правительство

64. С точки зрения Правительства, упомянутое разглашение не являлось сигналом о существовании нарушений.

65. Его представители считали, что эти письма были внутренними документами, к которым у Заявителя обычно не было доступа в силу ограниченности полномочий. Поэтому он, по существу, «украл» их. К тому же письма, разглашенные Заявителем, были конфиденциальными документами и относились к материалам уголовного дела. В соответствии с уголовно-процессуальным кодексом, материалы уголовного дела не могут опубликовываться без разрешения лица, проводящего расследование (см. пункт 35 выше).

Добросовестность Заявителя вызывала сомнения еще и потому, что, исходя из здравого смысла, письмо, написанное г-ном Мишиным, нельзя было расценивать как нажим на Генерального прокурора. Фраза «Прошу Вашего личного участия в рассмотрении данного дела и его разрешении в строгом соответствии с законом» является нормальным оборотом в деловой переписке между разными государственными органами в соответствии с законом. Г-н Мишин лишь передал письмо, полученное от четырех офицеров полиции компетентному органу – Генеральной прокуратуре – в соответствии с Законом об обращениях (см. пункт 38 выше) и Законом о статусе депутата парламента (см. пункт 39 выше). В соответствии с последним, член парламента имел

право, *inter alia*, рассматривать ходатайства граждан, передавать их в компетентные инстанции, участвовать в их рассмотрении и отслеживать их соответствие закону.

Не существовало причинно-следственной связи между письмом г-на Мишина и последующим решением прекратить уголовное дело против четырех офицеров полиции. В соответствии с доводами правительства, Генеральная прокуратура являлась действительно независимым органом, чья независимость была гарантирована Конституцией и законом Молдовы (см. пункты 36 и 40 выше).

Более того, Заявитель, выступая во внутренних судах, указывал другие причины своих действий, чем при объяснении со своим руководством (см. пункты 18 и 20 выше). С точки зрения правительства, это является еще одним признаком его недобросовестности и показывает, что действительным мотивом раскрытия содержания писем была не борьба с коррупцией, а попытка опозорить тех, кто имеет отношение к этому делу.

66. Поскольку, как указывалось выше, г-н Мишин не предпринимал попыток оказать давление на Генерального прокурора, информация, содержавшаяся в его письмо, не представляла общественного интереса.

67. К тому же, Заявитель раскрыл эту информацию не компетентному органу и действовал второпях. Информации срочного или необратимого характера, касавшейся жизни людей, здоровья или состояния окружающей среды, в письме не было. Заявитель был вправе раскрыть информацию вовне, только если это невозможно было сделать внутри организации. Как бы там ни было, первой инстанцией, куда должна была бы попасть такая информация, должно было быть высшее руководство Генеральной прокуратуры и затем – парламент (включая парламентские комиссии, фракции и оппозицию), но отнюдь не пресса.

Для подкрепления своих доводов представители Правительства представили Суду копии нескольких жалоб, поданных гражданами в парламент относительно якобы имевших место нарушений при трудоустройстве и в других сферах. Все жалобы, очевидно, были направлены парламентом в соответствующие инстанции, такие как

Генеральная прокуратура и Высший совет судей без какого-либо дальнейшего вмешательства со стороны Парламента.

Представители Правительства утверждали, что в двадцати одном штате США отсутствуют законы, защищающие тех, кто передает сведения в СМИ, в то время как в Великобритании защита таким «информаторам» представляется крайне редко и только в строго определенных обстоятельствах.

68. Учитывая характер обязанностей госслужащих, свобода усмотрения, имеющееся у государства при осуществлении вмешательства в осуществление ими права на свободу выражения мнения, весьма значительна. Последний аргумент, выдвинутый Правительством, заключался в том, что суровость наказания была соразмерна серьезности содеянного Заявителем.

2. Оценка Суда

(а) Общие принципы применимые в данном деле

69. Основным вопросом, требующим ответа, является вопрос о том, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе». Соответствующие основополагающие принципы четко определены в практике Суда и сводятся к следующему (см., среди прочих источников, *Йерсилд против Дании*, упомянутое выше, стр. 23, § 31; *Хертель против Швейцарии (Hertel v. Switzerland),* постановление от 25 августа 1998, Отчеты 1998-VI, стр. 2329-30, § 46; и *Стил и Моррис против Великобритании (Steel and Morris v. the United Kingdom),* № 68416/01, § 87, ЕСПЧ 2005-II):

> *«(i) Свобода выражения мнения, как она определяется в п. 1 статьи 10, представляет собой одну из несущих опор демократического общества, основополагающее условие его прогресса и самореализации каждого его члена. При соблюдении требований п. 2 она охватывает не только «информацию» и «идеи», которые встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества». Как указано в статье 10,*

осуществление этой свободы может быть сопряжено с ограничениями, которые ... должны, однако, быть точно сформулированы, и необходимость в любых ограничениях должна быть убедительно доказана...

(ii) Слово «необходимо» в понимании пункта 2 статьи 10, означает, что должна существовать «острая социальная потребность». Договаривающиеся государства имеют определенную свободу усмотрения при оценке существования такой необходимости, но ее применение должно находиться под Европейским надзором со стороны Суда, который охватывал бы и законодательство и решения по применению законов, даже в случаях с независимыми судами. Таким образом, право вынесения окончательного решения относительно правомочности применения ограничения свободы выражения мнения, защищенной статьей 10, принадлежит Суду.

(iii) Задача Суда при осуществлении надзорной юрисдикции заключается не в том, чтобы занять место компетентного национального органа, а в том, чтобы оценить принятые судебные решения в соответствии со статьей 10 с учетом соответствующей свободы усмотрения. Это не означает, что надзор предполагает лишь выяснение того, насколько разумно, тщательно и добросовестно государство-ответчик воспользовалось своей свободой усмотрения – Суд должен рассматривать обжалованное вмешательство в контексте всего дела и определять его соразмерность преследованной правомерной цели, а также являются ли причины вмешательства, выдвинутые национальными властями «существенными и достаточными» ... Выполняя это, Суд должен убедиться в том, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, изложенными в статье 10 и, кроме того, что они руководствовались приемлемой оценкой соответствующих фактов ...».

70. Суд далее напоминает, что статья 10 также применима к происходящему на рабочем месте, и, что такие госслужащие, как Заявитель, имеют право на свободу выражения мнения (см. пункт 52 выше). В то же самое время, Суд признает, что сотрудники обязаны

демонстрировать по отношению к своему работодателю лояльность, сдержанность и осмотрительность. Это особенно справедливо в случае с госслужащими, поскольку сам характер государственной службы требует от служащего лояльности и осмотрительности (см. *Фогт против Германии*, упомянутое выше , § 53; *Ахмед и другие против Великобритании,* упомянутое выше , § 55; и *Де Диего Нафрия против Испании (De Diego Nafría v. Spain)*, № 46833/99, § 37, 14 марта 2002 г.).

71. Поскольку миссия госслужащих в демократическом обществе заключается в помощи правительству в осуществлении его функций, и поскольку общественность вправе ожидать, что они будут помогать, а не препятствовать демократически избранному правительству, долг лояльности и сдержанности приобретает в их случае особую значимость (см., *mutatis mutandis*, *Ахмед и другие против Великобритании*, упомянутое выше, § 53.). Помимо этого, исходя из самой природы их должности, госслужащие часто нуждаются в доступе к информации, которую правительство, по различным законным причинам, заинтересованно сохранять в тайне. Следовательно, госслужащие обязаны демонстрировать осмотрительность.

72. До сегодняшнего дня, однако, Суду не приходилось встречаться с делами, в которых госслужащий делал бы внутреннюю информацию достоянием общественности. В этом отношении данное дело поднимает новый вопрос отличный от вопроса в деле *Стол против Швейцарии (Stoll v. Switzerland)* ([БП], № 69698/01, 10 декабря 2007 г.), где раскрытие информации произошло без вмешательства госслужащего. В этом отношении Суд отмечает, что госслужащий в ходе выполнения своей работы может получать в свои руки служебную информацию, включая секретную, в разглашении или публикации которой существует серьезная общественная заинтересованность. Поэтому Суд считает, что когда госслужащий или сотрудник государственного учреждения подает сигнал о случаях незаконного поведения или нарушениях на рабочем месте, то такие действия заслуживают защиты в определенных обстоятельствах. К таким обстоятельствам могут относиться ситуации, в которых сотрудник или госслужащий является единственным человеком или представителем немногочисленной категории лиц, имеющих информацию о происходящем на рабочем месте, и, следовательно, находится в наилучшем положении для действия в интересах общества, предупреждая об опасности своего работодателя или

широкую общественность. В этом контексте, Суд принял во внимание следующее положение из Пояснительного доклада к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (см. пункт 46 выше):

> *«На практике дела о коррупции трудно обнаружить и расследовать, и часто первыми, кто выясняет или замечает, что что-то не так, являются сотрудники или коллеги (будь то государственное или частное учреждение) вовлеченных лиц».*

73. Принимая во внимание обязательную осмотрительность, упоминавшуюся выше, информация должна в первую очередь раскрываться руководителю или другой компетентной инстанции или органу. Только тогда, когда подобные действия очевидно бессмысленны, информация может, в качестве последнего средства, быть разглашена (см., *mutatis mutandis*, *Хаселдин против Великобритании*, упомянутое выше). Поэтому при оценке соразмерности примененного ограничения свободы выражения мнения Суд должен принимать во внимание наличие или отсутствие у Заявителя другого действенного средства исправления нарушения, которое он был намерен вскрыть.

74. При определении соразмерности вмешательства в осуществление госслужащими свободы выражения мнения в таком деле Суд должен также учитывать ряд других факторов. В первую очередь, особое внимание необходимо уделять наличию или отсутствию общественного интереса в разглашении информации. Суд напоминает о том, что пункт 2 статьи 10 Конвенции предоставляет очень незначительные возможности ограничения дискуссий по вопросам, представляющим общественный интерес (см., среди прочих источников, *Сюрек против Турции (№ 1) (Sürek v. Turkey (no. 1))* [БП], № 26682/95, § 61, ЕСПЧ 1999-IV). В демократическом государстве действия, а также ошибки правительства должны быть предметом пристального внимания со стороны не только законодательных и судебных властей, но также и общественного мнения. Иногда интерес общества в получении какой-либо информации может быть настолько велик, что он будет даже перевешивать интерес в сохранении конфиденциальности, заформализованный как официальная обязанность (см. *Фрессоз и Руар против Франции (Fressoz and Roire v.*

France) [БП], № 29183/95, ЕСПЧ 1999-I; и *Радио-Твист А.С. против Словакии (Radio Twist, A.S. v. Slovakia)*, № 62202/00, ЕСПЧ 2006-...).

75. Вторым фактором важным в поиске баланса при осуществлении свободы выражения является подлинность раскрываемой информации. У компетентных органов государств есть возможность реагировать соответственно и адекватно на порочащие обвинения, лишенные основания или сформулированные недобросовестно (см. *Кастеллс против Испании (Castells v. Spain)*, постановление от 23 апреля 1992 г., Серия А № 236, § 46). Более того, свобода выражения мнения предполагает и определенные обязанности, и любой человек намеренный раскрыть какую-либо информацию должен тщательно проверить ее точность и надежность, в той степени, которую позволяют обстоятельства (см., *mutatis mutandis, Мориссенс против Бельгии (Morissens v. Belgium)*, № 11389/85, решение Комиссии от 3 мая 1988, выпуск 56, стр. 127; и *Бладет Тромсе и Стенсаас против Норвегии (Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway)* [БП], № 21980/93, § 65, ЕСПЧ 1999-III).

76. На другой чаше весов Суд должен взвешивать ущерб, если таковой имеется, нанесенный государственному органу раскрытием информации, чтобы оценить соотношение ущерба и интереса общественности в получении разглашенной информации (см., *mutatis mutandis, Хаджианастассиу против Греции (Hadjianastassiou v. Greece)*, постановление от 16 декабря 1992 г., Серия А № 252, § 45; и *Столл против Швейцарии*, упомянутое выше, § 130). В этой связи, может иметь значение содержание разглашенной информации и особенности затронутого государственного органа (см. *Хаселдин против Великобритании*, упомянутое выше).

77. Мотивы сотрудника, сообщающего о нарушениях, являются другим определяющим фактором при ответе на вопрос о том, заслуживает ли раскрытие информации защиты или нет. Так, действие, совершенное по причине личной обиды или неприязни, или из корыстных побуждений, включая стремление к финансовой наживе, не будет рассматриваться как заслуживающее серьезной защиты (см. *Хаселдин против Великобритании*, упомянутое выше). Важно убедиться, что, раскрывая информацию, человек действовал добросовестно, будучи уверенным в подлинности информации, ее высокой общественной значимости, а также отсутствии другого менее публичного средства устранения нарушения.

78. Наконец, для оценки соразмерности вмешательства преследуемой правомерной цели требуется тщательный анализ наказания, примененного к Заявителю, и его последствий (см. *Фуентес Бобо против Испании*, упомянутое выше , § 49).

79. Далее Суд оценит факты настоящего дела в свете выше изложенных принципов.

(b) Применение выше изложенных принципов в данном деле

(i) Было ли у Заявителя альтернативное средство раскрытия информации

80. Заявитель утверждал, что в его распоряжении не было альтернативного способа раскрытия информации, в то время как Правительство утверждало, что, напротив, Заявитель мог бы в первую очередь обсудить этот вопрос со своим руководством и затем передать его на рассмотрение в парламент или, если понадобится, омбудсмену.

81. Суд отмечает, что ни в молдавском законодательстве, ни во внутреннем регламенте Генеральной прокуратуры нет какого-либо положения, касающегося сообщений сотрудников о нарушениях (см. пункт 32 выше). Таким образом, очевидно, не было никакой другой инстанции кроме руководства, кому Заявитель мог бы изложить свою озабоченность, и также не было предусмотрено процедуры сообщения такой информации.

82. Кроме этого, раскрытие касалось поведения заместителя спикера парламента, высокопоставленного чиновника, и, судя по имеющимся сведениям, несмотря на то, что ситуация была известна в течение шести месяцев, Генеральный прокурор не продемонстрировал ни единого признака намерения отреагировать, а, напротив, производил впечатление поддавшегося давлению, которому подверглась его организация.

83. В том, что касается альтернативных средств раскрытия информации, предложенных Правительством (см. пункт 67 выше), Суд считает, что не было представлено сколько-нибудь удовлетворительных доказательств, опровергающих доводы Заявителя

о том, что ни один из предложенных иных способов не принес бы пользы, учитывая особые обстоятельства данного дела.

84. В свете сказанного выше, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела, даже передача сведений газете была оправдана.

(ii) Общественный интерес в раскрытии информации

85. Заявитель утверждал, что записка г-на Мишина являлась свидетельством политического вмешательства в осуществление правосудия. Правительство не согласилось.

86. Суд отмечает, что в письме офицеров полиции содержалась просьба к г-ну Мишину о проверке законности уголовного обвинения, выдвинутого против них прокуратурой (см. пункт 10 выше). Г-н Мишин отреагировал тем, что отправил официальное письмо Генеральному прокурору. Правительство ответило, что действия г-на Мишина были в соответствии, *inter alia*, с Законом о статусе депутата парламента. В этом контексте Суд считает необходимым напомнить о том, что в демократическом обществе и суды, и следственные органы должны быть свободны от политического давления. Любое толкование любого закона, регламентирующего права члена парламента, должно соответствовать этому принципу.

Изучив записку, которую г-н Мишин написал Генеральному прокурору, Суд не может согласиться с тем, что за данным действием стояло что-то большее, чем просто намерение передать письмо офицеров полиции в компетентную инстанцию, как утверждало Правительство (см. пункт 65 выше). Более того, учитывая общую ситуацию и язык, которым г-н Мишин написал письмо, нельзя исключить, что записка произвела эффект нажима на Генеральную прокуратуру, несмотря на присутствие фразы о том, что дело должно быть «рассмотрено в строгом соответствии с законом» (см. пункт 10 выше).

87. На этом фоне Суд отмечает, что президент Молдовы проводил кампанию против практики вмешательства политиков в работу системы уголовного правосудия, и что молдавские СМИ широко освещали эту тему (см. пункт 11 выше). Он также отмечает отчеты международных неправительственных организаций (см. пункты 40-42

выше), которые выражают озабоченность нарушением принципа разделения власти и отсутствием независимости судов в Молдове.

88. В свете вышеизложенного, Суд считает, что письма, обнародованные Заявителем, имели отношение к таким вопросам, как разделение власти, неподобающее поведение высокопоставленного политика и отношение правительства к полицейской жестокости (см. пункты 10 и 14 выше). Несомненно, что это очень важные проблемы в демократическом обществе, о которых общество имеет законное право знать, и которые находятся в списке тем для политической дискуссии в обществе.

(iii) Подлинность раскрытой информации

89. Факт того, что письма, переданные Заявителем в «Журнал де Кишинэу», были подлинными, никем не оспаривался (см. пункт 26 выше).

(iv) Ущерб репутации Генеральной прокуратуры

90. Суд замечает, что поддержание уверенности в независимости и политической нейтральности государственных органов уголовного преследования находится в интересах общества (см., *mutatis mutandis*, постановление *Прагер и Обершлик против Австрии (Prager and Oberschlick v. Austria)* от 26 апреля 1995 г., Серия А № 313, § 34). Письма, посланные Заявителем в газету, были написаны не чиновниками Генеральной прокуратуры и, по утверждению представителей Правительства, письмо от г-на Мишина было нормальной формой деловой переписки между государственными органами, которая не оказала влияния на решение Генеральной прокуратуры прекратить дело против офицеров полиции. Вместе с тем, заключение, к которому пришла газета в своих статьях о том, что Генеральная прокуратура стала объектом незаконного влияния, могло серьезно подорвать веру общественности в независимость этого учреждения.

91. Однако Суд считает, что общественный интерес в получении информации о незаконном давлении и нарушениях внутри прокуратуры настолько значителен в демократическом обществе, что он перевешивает интерес в поддержании доверия общества к Генеральной прокуратуре. Суд напоминает в этой связи, что открытое

обсуждение общественно значимых тем жизненно важно для существования демократии, и необходимо иметь в виду, насколько важно не остудить у представителей общественности желание открыто высказывать свое мнение по таким вопросам (см., постановление *Барфод против Дании (Barfod v. Denmark)* от 22 февраля 1989 г., Серия А № 149, § 29).

(v) Действовал ли Заявитель добросовестно?

92. Заявитель утверждал, что его единственным мотивом в разглашении содержания письма было намерение помочь в борьбе с коррупцией и злоупотреблениями властью. Это заявление не оспаривалось его работодателем. Правительство, с другой стороны, выражало сомнение в добросовестности Заявителя, утверждая, *inter alia,* что он не давал подобных объяснений ранее в национальных судах.

93. На основании имеющихся материалов, Суд не находит ни единой причины, по которой можно было бы усмотреть в действиях Заявителя желание получения личной выгоды, личную претензию к г-ну Мишину или любой другой скрытый мотив. То обстоятельство, что он, выступая в отечественных судах, не упоминал о борьбе с коррупцией и властными злоупотреблениями, по мнению Суда, решающего значения не имеет, поскольку он мог быть сосредоточен на парировании аргументов своего работодателя в пользу его увольнения и вполне мог счесть упоминание вопросов, которые его работодатель не оспаривал, неуместным.

94. Таким образом, Суд приходит к выводу о том, мотивы действий Заявителя были именно таковы, как он их описал, и, что он действовал добросовестно.

(vi) Суровость санкции

95. Наконец, Суд отмечает, что к Заявителю была применена максимально суровая из возможных санкций. Притом что власти могли применить и менее жесткое наказание, они предпочли уволить Заявителя, что, несомненно, является очень суровой мерой (см. постановление по делу *Фогт против Германии*, упомянутое выше , § 60). Эта санкция не только отрицательно сказалась на карьере Заявителя, но также имела серьезный «сдерживающий» эффектдля

других сотрудников прокуратуры и лишило их охоты сообщать о каких-либо нарушениях. Более того, учитывая освещение этого дела в СМИ, такое наказание могло произвести устрашающее воздействие не только на сотрудников прокуратуры, но также и на любых других госслужащих.

96. Суд замечает, что Правительство утверждало, что Заявитель, по сути «украл» письмо, которое они сочли секретным и относящимся к материалам уголовного дела. Правительство также заявило, что г-н Мишин не оказывал своим письмом никакого нажима на государственного обвинителя. Это было обычным служебным сообщением между государственными органами, никак не связанным с решением прекратить дело против офицеров полиции. В данных обстоятельствах Суд считает, что оправдать применение такого сурового наказания оправдать трудно.

(c) Заключение

97. Имея в виду важность права на свободу выражения мнения по вопросам, вызывающим всеобщий интерес, право госслужащих и других сотрудников сообщать о случаях незаконного поведения и нарушениях на рабочем месте, обязанности сотрудников по отношению к своим работодателям и право работодателей управлять своим персоналом, а также взвесив другие различные интересы в данном деле, Суд приходит к выводу о том, что вмешательство в осуществление Заявителем права на свободу выражения мнения, в частности, его права на распространение информации, не было «необходимо в демократическом обществе». Соответственно, имело место нарушение статьи 10 Конвенции .

III. Применение статьи 41 Конвенции

98. Статья 41 Конвенции гласит:

> *«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протокола к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».*

A. Ущерб

99. Заявитель потребовал 15000 евро в качестве компенсации материального и морального ущерба, складывающейся из следующих сумм: 6000 евро как возмещение потерянного заработка за период безработицы после своего увольнения , 6000 евро как возмещение утраченных перспектив карьерного роста и 3000 евро - за моральный ущерб.

100. Правительство оспорило это требование, утверждая, что оно плохо обосновано и завышено.

101. Суд считает, что в результате своего увольнения Заявитель понес и материальный и моральный ущерб. Проведя оценку на справедливой основе, Суд назначает ему 10000 евро в качестве возмещения.

B. Издержки и расходы

102. Адвокаты Заявителя потребовали 6843 евро на покрытие судебных издержек и расходов, из которых 4400 евро пошли бы на оплату услуг г-на Грибинча и 2443 евро - г-на Зама. Они представил подробную ведомость и договор, в соответствии с которым их почасовые ставки равнялись 80 и 70 евро, соответственно. Расчеты в ведомости не включали в себя время, потраченное на рассмотрение жалобы по статье 6, которая была впоследствии отозвана Заявителем.

103. Они заявили, что количество часов, потраченных ими на работу по данному делу, не было чрезмерным, а, напротив, оправданным сложностью дела и тем обстоятельством, что комментарии по делу необходимо было составлять на английском языке.

104. В том, что касается почасовых ставок, адвокаты утверждали, что их размеры находились в рамках, рекомендованных Ассоциацией адвокатов Молдовы, а именно 40-150 евро в час.

105. Адвокаты Заявителя также потребовали 2413 евро для покрытия расходов, связанных со слушанием 6 июня 2007 года, куда вошли дорожные расходы, стоимость виз и суточные.

106. Правительство не согласилось с затребованной суммой на оплату представительских услуг в суде. Его представитель назвал ее

чрезмерной и подверг сомнению заявленное количество часов, потраченное на работу по делу, и размер ставок, особенно в отношении г-на Зама, который, по мнению Правительства, не обладал достаточным опытом, позволяющим претендовать на такую высокую оплату.

107. В отношении других расходов, заявленных адвокатами, они должны быть взысканы с Суда.

108. Суд напоминает, что для того, чтобы включить судебные издержки и расходы в сумму компенсации по статье 41, должно быть установлено, что они действительно были взысканы в разумном размере (см., например, *Амихалакиоайе против Молдовы*, № 60115/00, § 47, ЕСПЧ 2004 III). В настоящем деле, принимая во внимание наличие детализированной ведомости и сложность дела, Суд назначает полную сумму, затребованную г-ном Грибинча и 1600 евро – для г-на Зама, а также полную сумму, затребованную адвокатами Заявителя в связи со слушанием 6 июня 2007 года.

C. Процентная ставка

109. Суд считает справедливым, чтобы процентная ставка равнялась предельному ссудному проценту Европейского центрального банка, с добавлением трех процентных точек.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобу приемлемой;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
3. *Постановляет,*

(а) что Государство-ответчик обязано выплатить Заявителю, в течение трех месяцев 10000 (десять тысяч евро) в качестве компенсации материального и морального ущерба, 8413 (восемь тысяч четыреста тринадцать евро) для покрытия издержек и расходов в переводе на национальную валюту Государства-ответчика по курсу, действующему на момент расчета с добавлением суммы любого налога, которым может облагаться вышеуказанная сумма;

(б) что с момента истечения вышеуказанных трех месяцев до момента выплаты на суммы, указанные выше, выплачиваются

простые проценты в размере предельного ссудного процента Европейского центрального банка в течение периода выплаты процентов с добавлением трех процентных точек;

4. *Отклоняет* оставшуюся часть иска заявителя с требованием справедливой компенсации.

Выполнено на английском и французском языке и вынесено на публичном слушании во Дворце прав человека г. Страсбурга, 12 февраля 2008 года.

Жан-Поль Коста Председатель Суда

Эрик Фриберг Секретарь Суда

© Центр Защиты Прав СМИ,
перевод с английского, 2007

Издание осуществлено
Центром Защиты Прав СМИ
при поддержке **Представительства Европейской комиссии в Москве.**

Переводы постановлений Европейского Суда по правам человека на русский язык выполнены при финансовой поддержке **Представительства Европейской комиссии в Москве.**

Судебная практика
Европейского Суда по правам человека
по свободе выражения мнения и свободе информации

Том 5

Редактор - Г. Ю. Арапова
Составители – Г. Ю. Арапова, С. И. Кузеванова.

Правовое редактирование перевода – Г. Ю. Арапова

Перевод с английского Центра Защиты Прав СМИ
(М. Н. Залата, В. А. Бушин) и
Института проблем информационного права (г. Москва)

Художественное оформление - И. Ю. Ледовских

Подписано в печать 28.05.2009
Формат 60x84/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 15,5 Тираж 1000 экз.
Заказ № 26

Отпечатано ООО Фирма «Элист»
394000, г.Воронеж, ул.Никитинская, 19